МЯКОТИН

К ИСТОРИИ
НЕЖИНСК. ПОЛКА
В XVII–XVIII ВВ.

КЪ ИСТОРІИ

НѢЖИНСКАГО ПОЛКА

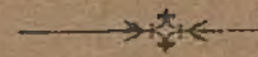
ВЪ XVII—XVIII ВВ.

Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій".

В. А. Мякотина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

КЪ ИСТОРІИ

НѢЖИНСКАГО ПОЛКА

ВЪ XVII—XVIII ВВ.

Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій".

В. А. Мякотина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

(Оттискъ изъ Отчета о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова).

Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго

„Описаніе старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій".

В. А. Мякотина.

Новый трудъ А. М. Лазаревскаго, разборъ котораго является задачей настоящей рецензіи, по своему плану и по характеру сообщаемаго авторомъ матеріала стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ положеніемъ современной малорусской исторіографіи и въ частности съ прежними работами самого автора. Указаніе этой связи, думается, не будетъ здѣсь лишнимъ, такъ какъ оно поможетъ разобраться въ особенностяхъ послѣдняго труда почтеннаго ученаго и найти правильную точку зрѣнія для ихъ оцѣнки.

Исторія гетманской, или, какъ любитъ называть ее въ своихъ работахъ г. Лазаревскій, «старой», Малороссіи представляется весьма еще мало разработанной въ научной литературѣ. Наиболѣе выясненной стороной ея является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ, среди которыхъ особенно почетное мѣсто занимаютъ изслѣдованія покойнаго Костомарова. Зато, едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатическихъ переговоровъ въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены пока свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, только незначительная часть относящихся сюда вопросовъ рѣшена въ литературѣ, въ большинствѣ же случаевъ они едва поставлены, а то и едва намѣчены. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія на ней, лишь недавно нашли себѣ перваго изслѣдователя въ лицѣ проф. Лучицкаго. Экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ, едва затронутый въ литературѣ,

равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины. Болѣе вниманія посвящено было исторіи администраціи и развитію сословныхъ группъ среди населенія, но и эти стороны жизни гетманской Малороссіи далеко нельзя еще признать вполнѣ изученными: въ область изслѣдованія введено пока лишь сравнительно небольшое количество относящихся къ нимъ фактовъ и даже извѣстные уже факты не всѣ покрываются сдѣланными до сихъ поръ обобщеніями. Важнѣйшіе процессы внутренней исторіи страны представляются такимъ образомъ въ настоящее время мало изученными, рисуются въ неясныхъ и смутныхъ очертаніяхъ.

Самые источники этой исторіи находятся въ состояніи, какъ бы оправдывающемъ собою указанное положеніе литературы. Прежде всего, именно тѣ источники, въ которыхъ можно надѣяться почерпнуть наибольшее количество свѣдѣній о внутренней жизни гетманщины, разбросаны самымъ невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава и Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва и Петербургъ явились наслѣдниками архивныхъ богатствъ старой Малороссіи. Неоднократно повторявшійся дѣлежъ этихъ богатствъ, происходившій въ зависимости частью отъ установленія новыхъ территоріальныхъ дѣленій въ предѣлахъ бывшей гетманщины и отъ позднѣйшихъ административныхъ распоряженій, частью же отъ различныхъ случайностей, привелъ къ тому, что старые малорусскіе архивы оказались не только разбросанными, но и разбитыми. Ни одинъ изъ архивовъ высшихъ правительственныхъ учрежденій Малороссіи не сохранился до нашего времени въ цѣломъ своемъ видѣ. Минуя уже всякія болѣе или менѣе случайныя невзгоды, въ видѣ пожаровъ, небрежнаго храненія, расхищенія документовъ частными лицами и. т. п., которыя выпадали на ихъ долю и благодаря которымъ значительно уменьшился ихъ объемъ, всѣ они въ настоящее время раздроблены между нѣсколькими бумагохранилищами. Такъ, бывшій архивъ генеральной войсковой канцеляріи въ большей своей части хранится теперь въ Харьковѣ, куда онъ былъ перевезенъ изъ Чернигова и Полтавы, но значительная часть этого же архива находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ. Дѣла Малороссійской Коллегіи времени генералъ-губернаторства П. А. Румянцева раздѣлены между четырьмя архивами: Харьковскимъ Историческимъ, Кіевскимъ архивомъ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и двумя московскими, Румянцевскимъ Музеемъ и Архивомъ Министерства Юстиціи. Бумаги, составлявшія нѣкогда архивъ генеральнаго войскового суда, переданы въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, но нѣсколько тысячъ дѣлъ и документовъ того же происхожденія продолжаютъ еще храниться въ архивѣ Черниговскаго Окружнаго Суда. То же самое имѣетъ мѣсто почти со всякимъ крупнымъ источникомъ. Книги ревизій, производившихся въ Малороссіи

въ XVIII вѣкѣ, разсѣяны въ Черниговѣ, Полтавѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Москвѣ. Изъ семи извѣстныхъ донынѣ книгъ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ 1729—30 г. пять находится въ Кіевѣ, двѣ — въ Москвѣ. Знаменитая Румянцевская Опись Малороссіи хранилась прежде въ Черниговѣ, Кіевѣ и Полтавѣ; теперь она находится въ Петербургѣ (въ библіотекѣ Академіи Наукъ), въ Кіевѣ (въ библіотекѣ университета св. Владиміра) и въ Харьковѣ (въ Историческомъ архивѣ мѣстнаго историко-филологическаго общества).

Такая разбросанность и раздробленность главнѣйшихъ источниковъ неминуемо должна была отозваться и на ходѣ ученой работы надъ ними, крайне затрудняя разработку всякой, сколько-нибудь широко поставленной темы и тѣмъ самымъ нерѣдко вынуждая работавшихъ въ этой области историковъ замѣнять изслѣдованіе того или другаго явленія описаніемъ отдѣльныхъ фактовъ, къ нему относящихся, безъ установленія прочной связи между ними. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изображенію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ и широкихъ картинъ, если въ этой литературѣ господствуетъ обрисовка отрывочныхъ эпизодовъ, то причину такого ея характера приходится, кажется, въ значительной мѣрѣ искать въ самыхъ условіяхъ пользованія источниками, ставящихъ подчасъ изслѣдователя въ крайне неудобное положеніе. Быть можетъ, далѣе, именно это состояніе источниковъ является и одною изъ причинъ того факта, что сравнительно небольшое число изслѣдователей посвящаетъ свои труды изученію прошлыхъ судебъ лѣвобережной Малороссіи за время ея самостоятельнаго существованія.

Въ ряду этихъ изслѣдователей А. М. Лазаревскому давно уже принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Его литературная дѣятельность началась болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и продолжается безъ замѣтныхъ перерывовъ до настоящаго времени. Вся эта дѣятельность носила своеобразный и оригинальный характеръ. Началась она въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда особенно сильно сталъ пробуждаться въ южно-русскомъ обществѣ интересъ къ родной исторіи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трудовъ Н. И. Костомарова, и когда подъ вліяніемъ этихъ же трудовъ создавалась историческая школа, развивавшая теорію объ исконномъ строго-демократическомъ строѣ козацкой Малороссіи, нарушенномъ и извращенномъ лишь позднѣйшими посторонними вліяніями. При этомъ изслѣдовались по преимуществу факты внѣшней политической исторіи, отъ которыхъ и дѣлались уже обобщенія на всю исторію народа. А. М. Лазаревскій, выступая на поприще научныхъ занятій, съумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго

прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Работая въ Черниговѣ, гдѣ въ ту пору собраны были многіе капитальные источники для исторіи гетманской Малороссіи, въ томъ числѣ такія первостепенной важности собранія документовъ, какъ архивъ генеральной войсковой канцеляріи и бо́льшая часть Румянцевской Описи, онъ имѣлъ возможность обстоятельно познакомиться съ характеромъ внутренняго быта гетманщины и въ результатѣ этого знакомства пришелъ къ выводамъ, далеко разошедшимся съ общепринятыми взглядами. Уже въ первомъ своемъ большомъ и серьезномъ трудѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1866 году подъ названіемъ «Малороссійскіе посполитые крестьяне» (Записки Черниговскаго Статистическаго Комитета, кн. I), онъ выступилъ съ изложеніемъ оригинальнаго взгляда на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Малороссіи за XVII-е и XVIII-е столѣтія. Занявшись именно изученіемъ водворенія въ гетманской Малороссіи порядковъ крѣпостнаго права, авторъ пришелъ къ тому выводу, что такое водвореніе явилось не результатомъ административнаго воздѣйствія на малорусскій строй со стороны русскаго правительства, а «естественнымъ послѣдствіемъ внутренней жизни гетманской Малороссіи». Процессъ закрѣпощенія народа шелъ въ этой жизни, по изображенію автора, задолго до появленія Екатерининскихъ указовъ и активными дѣятелями этого процесса явились члены козацкой старшины, захватившіе въ свои руки имѣнія и стремившіеся путемъ злоупотребленій своею административною и судебною властью пріобрѣсти широкія владѣльческія права надъ крестьянскимъ населеніемъ такихъ имѣній. Подобная мысль была уже, правда, высказана за нѣсколько лѣтъ до того А. Ф. Кистяковскимъ[1]), но у него она не имѣла столь ясной и опредѣленной формулировки и — что еще важнѣе — не была въ достаточной мѣрѣ обставлена фактическими указаніями. Выводы же г. Лазаревскаго являлись результатомъ тщательнаго изученія богатаго архивнаго матеріала и, вводя въ научный оборотъ рядъ новыхъ фактовъ, настоятельно вынуждали перестроить старыя представленія о малорусскомъ обществѣ XVII—XVIII вв., какъ единой, тѣсно сплоченной массѣ, за рѣдкими исключеніями проникнутой однимъ и тѣмъ же общественнымъ идеаломъ. Въ свѣтѣ новыхъ фактовъ и многое другое изъ того, что ранѣе казалось безспорно установленнымъ, потребовало пересмотра и провѣрки. Разъ вскрыты были серьезные размѣры антагонизма, существовавшаго между высшей общественной группой и народной массой, невозможнымъ становилось на будущее время полное отожествленіе ихъ инте-

---

1) Основа, 1862, № 1. Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи.

ресовъ и безусловное принятіе членовъ высшей группы, стоявшей въ положеніи правителей, за представителей управляемыхъ, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто раньше. Болѣе точное историческое изслѣдованіе вело къ обнаруженію того факта, что выборная малорусская администрація далеко не всегда обезпечивала правильное удовлетвореніе интересовъ народа, что основной принципъ, лежавшій въ основаніи этой системы, на практикѣ часто подвергался извращенію, и наконецъ, что тѣ борцы за провинціальную автономію своей родины, какихъ выставилъ высшій слой малорусскаго общества въ первой четверти XVIII вѣка и какихъ раньше безъ всякихъ оговорокъ считали вмѣстѣ и защитниками національныхъ правъ и народной свободы, въ дѣйствительности являлись скорѣе борцами за интересы одного класса, нерѣдко противоположные желаніямъ и нуждамъ народа. Заслуга такого изслѣдованія въ наибольшей мѣрѣ принадлежала самому А. М. Лазаревскому. Намѣтивъ уже въ указанномъ ранѣе трудѣ важную роль класса старшины въ исторіи лѣвобережной Малороссіи, онъ дальнѣйшія свои работы посвятилъ по преимуществу разъясненію историческихъ судебъ этого класса и того вліянія, какое оказывалось имъ на общую жизнь страны. Сперва въ Запискахъ Черниговскаго Статистическаго Комитета, позднѣе, въ 70-хъ годахъ, въ Русскомъ Архивѣ, а съ основаніемъ въ 1882 году «Кіевской Старины» въ этомъ послѣднемъ журналѣ А. М. Лазаревскимъ помѣщенъ былъ длинный рядъ очерковъ по исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ малорусскихъ фамилій, вышедшихъ изъ рядовъ козацкой старшины XVII и XVIII столѣтій. Въ основу этихъ очерковъ былъ положенъ громадный и разнообразный матеріалъ по преимуществу неизданныхъ источниковъ, давшій возможность автору глубоко проникнуть въ жизнь изучаемаго имъ класса и дать яркое ея изображеніе. За время этихъ изысканій авторомъ были открыты и изучены, а частью и изданы, многіе новые источники по исторіи гетманской Малороссіи; помимо документовъ оффиціальнаго происхожденія имъ было привлечено къ дѣлу изслѣдованія значительное количество семейныхъ архивовъ, по большей части имъ впервые эксплуатированныхъ; наконецъ онъ успѣлъ составить себѣ за это время значительное по объему и чрезвычайно цѣнное по содержанію собраніе документовъ, относящихся къ исторіи изучаемой имъ эпохи. Въ работахъ, написанныхъ на основаніи этого матеріала и посвященныхъ малорусскому дворянству, изслѣдователь особенно останавливалъ свое вниманіе на процессѣ выдѣленія козацкой старшины изъ народной массы, роли ея въ качествѣ администраціи, ростѣ ея землевладѣнія и отношеніяхъ ея къ крестьянамъ, дѣлая попутно весьма важные порою экскурсы въ области управленія и финансовъ старой Малороссіи. Иногда же такіе экскурсы выливались въ форму отдѣльныхъ самостоятельныхъ очерковъ, охваты-

вающихъ собою ту или иную сторону порядковъ старой Малороссіи, тотъ или иной особенно важный моментъ ея жизни[1]). Въ цѣломъ, въ этихъ трудахъ развертывалась и ставилась рядомъ съ той картиной малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, какую давалъ покойный Н. И. Костомаровъ, иная, менѣе блестящая, гораздо скорѣе даже мрачная, во многомъ объясняющая и дополняющая первую, во многомъ и прямо противорѣчащая ей. На мѣсто исторіи политики выдвигалась исторія внутренней жизни народа и, слѣдя за этой послѣдней, историкъ старался уловить въ ней главнымъ образомъ соціальные интересы. А. М. Лазаревскаго можно назвать по преимуществу историкомъ двухъ главнѣйшихъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а козацкая старшина — въ благородное дворянство. Но, изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, онъ долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріалъ для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, и въ результатѣ своей долголѣтней дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи пріобрѣлъ справедливо заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ этой исторіи.

Послѣдній трудъ почтеннаго историка является естественнымъ плодомъ всей предъидущей его дѣятельности. Какъ опредѣлилъ онъ самъ характеръ этого труда въ предисловіи къ первому его тому, онъ «составляетъ попытку соединить въ нѣчто цѣлое собранные въ продолженіе многихъ лѣтъ матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія Малороссіи» за время «отъ присоединенія Малороссіи къ русскому государству въ 1654 году до введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія въ 1782 г.». Авторъ думаетъ, что его книга «дастъ нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни, которая въ написанныхъ до настоящаго времени исторіяхъ Малороссіи такъ сильно заслонена пересказомъ событій внѣшней исторіи» («Описаніе старой Малороссіи», т. I, стр. I и II). Въ своей книгѣ авторъ видитъ такимъ образомъ какъ бы сборникъ матеріаловъ, долженствующій служить источникомъ при изученіи прошлой жизни народа. Соотвѣтственно этому и подъ заглавіемъ книги онъ поставилъ: «матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія». Самый планъ книги въ общихъ чертахъ таковъ: авторъ даетъ сперва историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Нѣжинскій полкъ, затѣмъ перечень Нѣжинскихъ полковниковъ отъ 1649 г. до 1782 г., сообщая при этомъ свѣдѣнія объ ихъ

1) Таковы статьи о сотникахъ и духовенствѣ, о Павлѣ Полуботкѣ (Р. Архивъ, 1871, 1873, 1880), о Полтавскихъ полковникахъ (К. Стар., 1891).

управленіи и біографическія подробности относительно ихъ самихъ, затѣмъ перечни полковой старшины отъ полковаго обознаго до полковаго хорунжаго включительно, равнымъ образомъ присоединяя къ нимъ біографическія данныя относительно лицъ, чѣмъ-либо выдававшихся; за этимъ слѣдуетъ географическій очеркъ территоріи полка, свѣдѣнія объ административныхъ дѣленіяхъ этой территоріи, очеркъ исторіи г. Нѣжина и свѣдѣнія объ его войтахъ и комендантахъ. Далѣе идетъ описаніе отдѣльныхъ сотенъ, причемъ описанію каждой изъ нихъ предшествуетъ перечень всѣхъ извѣстныхъ автору ея сотниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, опять-таки съ сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній объ нихъ, а иногда и съ присоединеніемъ краткой исторіи ихъ фамиліи; самое описаніе сотни ведется такимъ образомъ, что авторъ перечисляетъ всѣ поселенія, входившія въ ея составъ, и возстановляетъ по возможности исторію каждаго изъ нихъ, приводя свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія и объ ихъ владѣльцахъ въ промежутокъ времени отъ 1654 до 1782 года; тутъ же сообщаются имъ цифры козачьяго и крестьянскаго населенія въ каждомъ изъ этихъ поселеній въ 1736 г. (на основаніи ревизской книги этого года)[1]) и въ 1781 г. (на основаніи составленныхъ въ это время описаній Новгородсѣверскаго и Черниговскаго намѣстничествъ, въ составъ которыхъ вошелъ тогда Нѣжинскій полкъ). Какъ бы особые отдѣлы въ книгѣ составляютъ еще очерки исторіи мѣстныхъ монастырей, причемъ авторъ касается какъ внѣшней, такъ и внутренней ихъ исторіи, излагая, — особенно подробно тамъ, гдѣ онъ располагаетъ новыми данными, — свѣдѣнія о времени ихъ возникновенія, о личностяхъ архимандритовъ, игуменовъ и игуменій, о составѣ монаховъ и монахинь, порядкахъ монастырской жизни, монастырскихъ имѣніяхъ, отношеніяхъ монаховъ къ подвластнымъ имъ крестьянамъ, къ сосѣднимъ землевладѣльцамъ и т. д. Вся книга такимъ образомъ какъ бы распадается на двѣ части, приблизительно равныя и по объему своему: въ одной заключаются біографическіе очерки полковниковъ, полковой и сотенной старшины и свѣдѣнія о монастыряхъ, вмѣстѣ составляющія какъ бы рядъ очерковъ изъ исторіи малорусскаго владѣльческаго класса, въ другой — исторія отдѣльныхъ поселеній. Строго, впрочемъ, это дѣленіе не выдерживается авторомъ и исторія отдѣльныхъ селъ иногда подробно разсказывается имъ въ очеркѣ, посвященномъ тому или другому изъ членовъ старшины, равно какъ въ описаніяхъ селъ передаются иногда свѣдѣнія, въ другихъ случаяхъ относимыя въ біографіи старшины.

---

1) Въ первомъ томѣ «Описанія старой Малороссіи» авторъ сообщалъ цифры населенія за 1723 и 1781 г., но для Нѣжинскаго полка самая ранняя ревизская книга, бывшая у него, относится къ 1736 г.

Въ этихъ внѣшнихъ рамкахъ авторъ сообщаетъ массу свѣжаго и разнообразнаго матеріала. Пользуясь и печатными источниками, онъ по преимуществу основываетъ однако свое изложеніе на источникахъ неизданныхъ, извлекая изъ нихъ множество въ высшей степени важныхъ свѣдѣній. Въ его книгѣ мы находимъ и нѣкоторыя новыя данныя для внѣшней политической исторіи страны, и свѣдѣнія, относящіяся къ области исторической географіи и доходящія у него иногда до степени мелочныхъ топографическихъ описаній, но особенно богатый матеріалъ сгруппированъ имъ по вопросамъ внутренней жизни Малороссіи, той жизни, которую самъ онъ противополагаетъ «событіямъ внѣшней исторіи». Заселеніе страны, характеръ землевладѣнія, строй управленія и личности правителей, различныя сословныя группы среди населенія и ихъ взаимныя отношенія, порядки общественной и семейной жизни, даже умственный и нравственный уровень если не цѣлаго общества, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его группъ, — всѣ эти стороны внутренняго быта Малороссіи на протяженіи полутора вѣковъ ея самостоятельнаго существованія представлены въ трудѣ г. Лазаревскаго массою фактовъ, въ большей части впервые теперь и выведенныхъ имъ на свѣтъ. Въ виду общей задачи книги и принятаго авторомъ плана этотъ матеріалъ излагается имъ въ формѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, но и при такой формѣ изложенія авторъ даетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ простое собраніе матеріала. Онъ не только предпринимаетъ критическое обслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, входящихъ въ составъ его разсказа, но и устанавливаетъ нѣкоторую связь между ними, намѣчаетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя общія черты въ рядѣ явленій, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, черты, придающія этимъ явленіямъ характеръ показателей опредѣленнаго историческаго процесса. Въ результатѣ знакомства съ тѣми фактами, какіе даетъ описаніе г. Лазаревскаго, у читателя его книги складывается опредѣленное представленіе о характерѣ администраціи, о развитіи землевладѣнія и сословныхъ группъ въ гетманской Малороссіи. Каково это представленіе, мы еще увидимъ ниже. Пока я хотѣлъ лишь отмѣтить ту особенность разбираемой книги, что ея содержаніе нѣсколько шире того сравнительно скромнаго опредѣленія, какое ей даетъ самъ авторъ, и что если она и представляетъ изъ себя по преимуществу собраніе матеріала, то во всякомъ случаѣ этотъ матеріалъ систематизированъ соотвѣтственно общимъ взглядамъ ея автора.

Сказаннымъ ранѣе относительно состоянія литературы и источниковъ исторіи гетманской Малороссіи опредѣляется уже до нѣкоторой степени и общее значеніе такого труда, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, и характеръ тѣхъ требованій, какія возможно предъявить къ нему критикѣ. Въ виду скудости исторической литературы и хаотическаго

состоянія источниковъ, трудъ, имѣющій своей непосредственной задачей систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ внутренней исторіи гетманщины и составленный на основаніи широкаго круга источниковъ, пріобрѣтаетъ весьма важную цѣну, такъ какъ онъ подготовляетъ почву для будущихъ изслѣдованій, создавая необходимый для нихъ фундаментъ и тѣмъ предопредѣляя уже до нѣкоторой степени ихъ содержаніе. То обстоятельство, что авторомъ такого труда является г. Лазаревскій, ученый, наиболѣе поработавшій для уясненія внутренней жизни гетманской Малороссіи, является уже нѣкоторымъ ручательствомъ въ успѣшномъ выполненіи предпринятаго описанія, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ впередъ догадываться, что въ этомъ описаніи будутъ особенно выдвинуты и наиболѣе ярко освѣщены именно извѣстныя стороны жизни. Во всякомъ случаѣ, требовать отъ такого описанія безусловной полноты свѣдѣній было бы совершенно напрасно. Дать полное описаніе «старой Малороссіи» въ настоящее время почти невозможно уже по одному положенію источниковъ: для этой цѣли необходимо было бы предварительное изученіе всѣхъ существующихъ архивовъ, — задача, при наличныхъ условіяхъ превосходящая силы единичнаго изслѣдователя. Критикъ можетъ въ виду этого предъявить къ автору, взявшему на себя задачу такого описанія, лишь то требованіе, чтобы въ его область были включены наиболѣе общія и характерныя явленія изображаемой жизни и чтобы передаваемыя авторомъ свѣдѣнія отличались строгою точностью, находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми источниками, которыми онъ пользовался. Это ни мало не устраняетъ, конечно, возможности и порою даже необходимости дополненія собранныхъ уже фактовъ новыми, но такое дополненіе является уже результатомъ самостоятельной работы и врядъ ли его возможность можетъ быть поставлена въ упрекъ автору первоначальнаго описанія. Въ концѣ концовъ подобное описаніе можетъ быть доведено до возможной степени полноты лишь при условіи коллективнаго труда. Въ детальномъ разборѣ труда г. Лазаревскаго, предлагаемомъ на слѣдующихъ страницахъ, я попытался совмѣстить обѣ эти задачи: оцѣнить значеніе сообщаемыхъ авторомъ фактовъ, провѣряя вмѣстѣ соотвѣтствіе его изложенія съ источниками, на которые оно опирается, и дополнить собранный имъ матеріалъ нѣкоторыми новыми данными, почерпнутыми частью изъ тѣхъ же архивовъ, въ которыхъ работалъ авторъ «Описанія старой Малороссіи», частью изъ другихъ, документы которыхъ остались ему неизвѣстны. Нимало уже не претендуя на полноту этихъ добавленій, я старался лишь путемъ ихъ, поскольку позволялъ мнѣ это находившійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ, возстановить нѣкоторыя характерныя, на мой взглядъ, черты старой жизни, опущенныя или ослабленныя въ изложеніи г. Лазаревскаго, и тѣмъ увеличить коли-

чество фактовъ, пригодныхъ для работы будущихъ изслѣдователей. Въ своемъ разборѣ, далѣе, я не думаю строго держаться плана, принятаго г. Лазаревскимъ для его работы, такъ какъ буквальное слѣдованіе этому плану обратило бы критику въ рядъ отрывочныхъ замѣчаній, лишенныхъ общей связи. Я предпочитаю свести содержаніе разбираемой книги въ три крупныя рубрики, охватывающія собою всѣ наиболѣе существенныя свѣдѣнія, даваемыя ею: данныя объ администраціи, о заселеніи страны и землевладѣніи въ ней и о сословныхъ группахъ ея населенія, и къ этимъ рубрикамъ пріурочить свои замѣчанія. Въ этой связи удобнѣе будетъ и намѣтить важнѣйшіе результаты работы г. Лазаревскаго и коснуться вопроса о главныхъ источникахъ его труда.

I. Администрація.

Страницы, посвященныя описанію административныхъ дѣятелей и порядковъ старой Малороссіи, принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ и содержательныхъ отдѣловъ книги г. Лазаревскаго. Перечни полковой и сотенной старшины, составленные въ хронологическомъ порядкѣ на основаніи всѣхъ извѣстныхъ автору источниковъ, должны послужить на будущее время немаловажнымъ справочнымъ пособіемъ для архивныхъ изысканій въ области малорусской старины, подобнаго какому не имѣлось еще въ такихъ размѣрахъ въ литературѣ[1]), присоединенные же къ нимъ біографическіе очерки содержатъ въ себѣ массу матеріала для характеристики малорусскаго управленія XVII—XVIII столѣтій на всѣхъ его ступеняхъ, начиная отъ гетмана и генеральной войсковой канцеляріи, продолжая полковниками и полковой старшиною и кончая сотенными «урядами». Для составленія этихъ очерковъ авторъ пользовался и печатными источниками, и прежними своими трудами по исторіи малорусскихъ дворянскихъ родовъ, но главное количество матеріала выведено имъ теперь на свѣтъ заново, будучи извлечено частью изъ архивовъ судебныхъ и административныхъ учрежденій старой Малороссіи (по преимуществу изъ архива генеральной войсковой канцеляріи), частью изъ бывшихъ ему доступными семейныхъ бумагъ нѣкоторыхъ фамилій. Въ искусномъ расположеніи этого обильнаго матеріала чувствуется умѣлая рука опытнаго мастера исторической живописи. Рядъ мелкихъ эпизодическихъ очерковъ служитъ частями одной цѣльной картины, постепенно возстающей передъ глазами читателя

---

1) Максимовичъ составилъ нѣкогда списокъ полковниковъ, но и въ этотъ списокъ г. Лазаревскій вноситъ не мало поправокъ. См. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, т. I, стр. 737—40. Для другихъ полковъ у Максимовича имѣются и списки полковой старшины, а иногда и сотниковъ, но опять-таки далеко не полные.

по мѣрѣ ознакомленія съ книгой. Вглядываясь въ ту своего рода портретную галлерею полковниковъ, полковой старшины и сотниковъ, какую возсоздаетъ авторъ въ этихъ очеркахъ, читатель получаетъ возможность составить себѣ отчетливое представленіе не только о значительномъ числѣ личностей, стоявшихъ въ рядахъ малорусской администраціи, но и объ общихъ порядкахъ, господствовавшихъ въ области управленія, и о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которымъ они подвергались за время существованія автономнаго малорусскаго строя. Черты сходства, постоянно встрѣчающіяся въ отдѣльныхъ портретахъ, невольно наталкиваютъ мысль на догадки о существованіи нѣкоторыхъ общихъ условій, которыми вызывалось такое сходство, и эти догадки тѣмъ легче обращаются въ опредѣленное представленіе, что авторъ самъ идетъ навстрѣчу имъ, связывая частные эпизоды своего разсказа одною общею нитью, придавая имъ значеніе иллюстраціи общихъ порядковъ и подчасъ довольно точно формулируя эти послѣдніе. Изображеніе деталей малорусскаго административнаго строя приводитъ такимъ образомъ къ уясненію общаго его характера и пережитыхъ имъ историческихъ судебъ. Указаніе важнѣйшихъ фактовъ, даваемыхъ для этой цѣли г. Лазаревскимъ, поможетъ яснѣе представить общее значеніе его работы для изученія этой области жизни старой Малороссіи.

Какъ извѣстно, малорусскій административный строй, со времени отторженія этой страны отъ Польши, держался на выборномъ началѣ, проникавшемъ равно во всѣ отрасли и на всѣ ступени администраціи. Гетманъ, полковникъ и сотникъ, генеральная, полковая и сотенная старшина равно были выборными должностными лицами и равно могли быть смѣщены съ своихъ должностей волею избирателей. Гетманы, правда, и собственною властью назначали полковниковъ, но такія назначенія предполагали во всякомъ случаѣ молчаливое согласіе избирателей. Необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка являлось отсутствіе строгой чиновной іерархіи: одинъ и тотъ же человѣкъ могъ занимать послѣдовательно то высшія, то низшія должности. Верховному главѣ администраціи, гетману, принадлежало, кромѣ того, право смѣщать низшихъ должностныхъ лицъ и надъ дѣйствіями послѣднихъ въ качествѣ администраторовъ существовалъ такимъ образомъ двойной контроль — мѣстнаго общества, въ лицѣ ихъ избирателей, и гетманской власти. Описывая администрацію Нѣжинскаго полка, г. Лазаревскій приводитъ нѣкоторые характерные факты, указывающіе, что отдѣльныя стороны, по крайней мѣрѣ, такого строя сохранялись здѣсь еще въ концѣ XVII-го и даже въ началѣ XVIII-го столѣтія. Такова, напримѣръ, указываемая авторомъ малая разграниченность козацкихъ урядовъ за это время: бывшій полковой обозный или полковой писарь дѣлался

затѣмъ сотникомъ, какъ это было съ Матв. Шендюхомъ въ 1679 г. или съ Мих. Тар. Забѣлой въ 1710 г. (Лазар., стр. 107—8 и 139). Позже, ко второй четверти XVIII столѣтія прохожденіе козацкихъ чиновъ совершалось уже въ строгомъ порядкѣ лѣствичнаго восхожденія. Но рядомъ съ такого рода фактами въ книгѣ г. Лазаревскаго имѣется значительный рядъ другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что отъ указаннаго общаго строя уже очень рано совершались немалыя уклоненія въ сторону, съ теченіемъ времени пріобрѣтавшія все болѣе видное значеніе въ общемъ ходѣ жизни. Такого рода уклоненія пошли нѣсколько различнымъ путемъ по отношенію къ полковничьимъ и сотничьимъ урядамъ. Исторія Нѣжинскихъ полковниковъ, какъ она представлена г. Лазаревскимъ, указываетъ, какъ первоначально выборные или назначаемые гетманомъ и имъ же свободно смѣщаемые полковники уже къ концу XVII вѣка пріобрѣли возможность давленія на гетманскую власть, а въ XVIII-мъ столѣтіи совершенно почти освободились изъ-подъ ея контроля, сдѣлавшись вмѣстѣ независимыми и отъ подчиненнаго имъ мѣстнаго общества. Такое высвобожденіе совершилось цѣной обращенія избирательной должности въ должность, занимаемую по непосредственному назначенію высшаго русскаго правительства, и произведено оно было властью послѣдняго, руководившагося при этомъ стремленіемъ крѣпче привязать Малороссію къ общему составу имперіи и въ этихъ видахъ властно вмѣшивавшагося въ порядки внутренняго управленія страны. Съ 1719 года полковниками въ Нѣжинѣ были лица, назначенныя верховною имперскою властью, и въ качествѣ таковыхъ они не могли уже быть смѣщены гетманами, даже по жалобамъ полчанъ, желавшихъ по старому обычаю «вольными голосами избрать въ полкъ полковника». Великороссіяне — П. П. Толстой и маіоръ Ив. Хрущовъ, равно какъ сербъ по происхожденію и гусарскій подполковникъ по прежней службѣ Ив. Божичъ, послѣдовательно занимавшіе мѣсто Нѣжинскаго полковника съ 1719 по 1746 г., не имѣли внутренней связи съ мѣстнымъ обществомъ. Немногимъ въ большей степени могла быть такая связь и у двухъ слѣдующихъ полковниковъ малороссійскаго происхожденія, Сем. Кочубея и П. П. Разумовскаго, занимавшихъ эту должность исключительно въ силу своихъ родственныхъ связей съ всесильнымъ при дворѣ императрицы Елизаветы Ал. Гр. Разумовскимъ. Если въ обрисовкѣ этихъ измѣненій характера полковничьяго уряда, данной въ «Описаніи» Нѣжинскаго полка, новы только тщательно собранныя авторомъ детали, тогда какъ общее направленіе ихъ извѣстно было уже и ранѣе, то въ изображеніи аналогичныхъ измѣненій, происходившихъ въ характерѣ уряда сотничьяго, авторъ сообщаетъ крупныя новыя черты. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести подмѣченное имъ оригинальное явленіе наслѣдственности сотничьихъ урядовъ,

когда должность сотника втеченіе долгаго промежутка времени оставалась въ одной какой либо разбогатѣвшей и пользовавшейся значительнымъ вліяніемъ въ средѣ мѣстнаго козачества семьѣ, переходя какъ бы по наслѣдству отъ одного ея члена къ другому. Такъ, напримѣръ, въ Борзенской сотнѣ за все время гетманщины сотниками были почти исключительно одни Забѣлы: изъ 15 лицъ, смѣнившихся на этой должности, лишь 5 принадлежали къ другимъ фамиліямъ и на долю сотничества всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, едва приходится 15 лѣтъ изъ 130 лѣтъ существованія этой должности (Лазар., стр. 135). Такъ, въ сотнѣ Олишевской должность сотника около девяносто лѣтъ (1680—1773) оставалась въ семьѣ Шрамченковъ, въ Воронежской сотнѣ — около пятидесяти лѣтъ въ семьѣ Холодовичей (ibid., стр. 104 и 338). Подобнымъ образомъ Григоровичи въ Прохорской сотнѣ, Костенецкіе въ Конотопской удерживали за собою сотничество около сорока лѣтъ (ibid., стр. 122 и 184). Уже эти случаи представляютъ значительныя уклоненія отъ избирательнаго принципа: если порядокъ избранія «вольными голосами» и сохранялся въ нихъ внѣшнимъ образомъ, то онъ все же являлся не болѣе, какъ формой, подъ которой скрывалось совершенно иное содержаніе. Еще болѣе рѣзкія уклоненія совершались отъ этого принципа въ другомъ направленіи. Г. Лазаревскій приводитъ случай, когда уже въ XVII вѣкѣ сотникъ былъ назначенъ, и притомъ не изъ мѣстныхъ козаковъ, а изъ другой сотни (Григ. Довгеля въ 1681 г. въ Коропской сотнѣ, стр. 309). Въ XVIII вѣкѣ вмѣшательство высшихъ властей въ выборы сотниковъ становится все болѣе энергическимъ. Авторъ разсказываетъ характерный эпизодъ воздѣйствія, оказаннаго на выборы сотника въ Воронежской сотнѣ въ 1716 году гетманомъ Скоропадскимъ, проводившимъ на этотъ урядъ Ив. Холодовича (стр. 336—337). Въ эту пору сохраняется еще форма выборовъ, но позже и она исчезаетъ или извращается. Въ первые годы гетманства Разумовскаго еще сохранялась эта форма, имѣвшая, говоря словами г. Лазаревскаго, «призрачное подобіе избранія вольными голосами», но въ дѣйствительности, какъ показываетъ авторъ, «при назначеніи сотниковъ главный голосъ принадлежалъ полковой канцеляріи». Уже очень скоро Разумовскій пересталъ соблюдать и эту форму выборовъ, и прямо опредѣлялъ сотниками по своему назначенію, по преимуществу изъ канцеляристовъ генеральной войсковой канцеляріи (стр. 172—173, 173—174, 345). Любопытное отраженіе этой исторіи, пережитой сотничьимъ урядомъ, находится въ терминологіи одной частной родословной записки, приводимой г. Лазаревскимъ и составленной въ 1764 г. Авторъ этой записки, Гр. Павл. Огіевскій, перечисляя въ ней сотниковъ изъ своей фамиліи, про перваго изъ нихъ говоритъ: «всѣ козаки сдѣлали его сотникомъ Кролевецкимъ» въ 1680 г., про втораго,

что онъ въ 1720 г. былъ «опредѣленъ за выборомъ всѣхъ сотни Кролевецкой козаковъ и мѣщанъ въ Кролевецъ сотникомъ отъ гетмана Скоропадскаго», про самого себя, что онъ былъ въ 1741 г. «пожалованъ за силу выборовъ всѣхъ сотни Кролевецкой козаковъ и мѣщанъ сотникомъ» и про сына, что онъ въ 1764 г. былъ «гг. генеральною старшиною удостоенъ сотникомъ» (стр. 368—9). Такимъ образомъ сотники постепенно высвобождались изъ-подъ непосредственнаго вліянія мѣстнаго общества и дѣло ихъ назначенія переходило въ руки полковой и гетманской власти. Но въ исторіи сотниковъ Нѣжинскаго полка, какъ она обрисовывается собранными г. Лазаревскимъ фактами, былъ еще одинъ любопытный моментъ, когда часть сотенной администраціи, подобно полковой, высвободилась изъ подъ контроля не только мѣстнаго общества, но и высшей мѣстной власти. Такимъ моментомъ было именно начало XVIII столѣтія, годы, непосредственно слѣдовавшіе за Мазепинской измѣной, когда Петръ думалъ укрѣпить вѣрность Малороссіи, наполняя ея администрацію людьми, въ вѣрности которыхъ былъ почему-либо убѣжденъ. Г. Лазаревскій указываетъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ сотниковъ въ Нѣжинскомъ полку, назначенныхъ на эту должность по указамъ царя или по распоряженіямъ Меншикова въ награду за «вѣрность» или за какія-то, оставшіяся по большей части неизвѣстными, услуги, оказанныя ими царскому правительству въ моментъ Мазепинской измѣны[1]). Всѣ они считали себя неподвластными не только полковничьей, но и гетманской власти, и въ значительной мѣрѣ дѣйствительно были таковыми.

Таковы главнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя г. Лазаревскимъ о формѣ малорусской администраціи и о взаимныхъ отношеніяхъ ея составныхъ частей. Въ тѣсной связи съ этими сторонами ея быта стоялъ и общій характеръ ея дѣятельности, столь же обстоятельно обрисованный въ данной книгѣ, поскольку такая дѣятельность совершалась на территоріи Нѣжинскаго полка. При этомъ авторъ сообщаетъ не мало фактовъ, относящихся и къ XVII вѣку, но особенное богатство фактическихъ свѣдѣній, и въ соотвѣтствіи съ этимъ наиболѣе яркія краски въ изображеніи явленій пріобрѣтаетъ его изложеніе, начиная съ XVIII вѣка. Это будетъ вполнѣ понятно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ архивѣ генеральной войсковой канцеляріи, служащемъ въ этомъ случаѣ главнымъ источникомъ автора, почти не сохранилось документовъ XVII столѣтія. Не останавливаясь подробно на частностяхъ начертанной авторомъ на основа-

---

1) Таковы Боровскій въ Бахмацкой сотнѣ, Ф. Стожокъ въ Кролевецкой и позднѣе Батуринской, Григ. Шишкевичъ въ Новомлинской, Пискуненко въ Воронежской, К. Генваровскій въ Кролевецкой, А. Марковичъ въ Глуховской сотнѣ (Лазар., стр. 162—4, 246—7, 287, 328—33, 375—7, 421).

нія этого матеріала картины, я укажу лишь общій ея характеръ. Расшатанная въ своихъ основахъ подъ давленіемъ имперской власти и соціальнаго движенія, совершавшагося внутри самого общества, малорусская администрація XVIII вѣка представляла собою печальную картину все возраставшей деморализаціи, обращая свою дѣятельность главнымъ образомъ на преслѣдованіе личныхъ интересовъ, которые сливались въ интересы создававшагося изъ администраторовъ класса старшины. Гетманъ (Скоропадскій), употребляющій средства войсковаго артиллерійскаго хозяйства на свои личныя нужды, безсильный передъ назначеннымъ помимо него сотникомъ и изъ страха передъ доносчикомъ обращающій своими распоряженіями козаковъ въ его крестьянъ; генеральный писарь, Семенъ Савичъ, поддѣлывающій универсалы отъ имени гетмана; полковники, вызывающіе горькія жалобы полчанъ, мѣшающіе, какъ Божичъ, въ полковыя дѣла своихъ женъ и прикащиковъ, укрывающіе за взятки часть жителей полка отъ податей и походовъ и налагающіе на другихъ тяжелые поборы въ свою пользу; сотники, берущіе взятки за увольненіе козаковъ отъ похода и по всевозможнымъ другимъ поводамъ, до того изобрѣтательные въ дѣлѣ нахожденія этихъ поводовъ, что берутъ даже «за тую причину, что отъ вѣтру (козацкаго) хутора сгорѣлъ (сотничій) лѣсъ»; сотники, заставляющіе козаковъ и цеховыхъ ремесленниковъ работать даромъ на себя, скупающіе при помощи насилія козацкія земли и переводящіе самихъ козаковъ въ число своихъ посполитыхъ, отвѣчающіе на жалобы побоями, иногда переходящими въ убійство, или даже стрѣльбой по жалобщикамъ, — вотъ главныя фигуры, выводимыя г. Лазаревскимъ въ этой части его труда и обставленныя громаднымъ рядомъ примѣровъ. Особенно отличались своими насиліями сотники, назначенные непосредственно верховнымъ правительствомъ: не признавая надъ собою дѣйствія никакой мѣстной власти, они позволяли себѣ самыя дерзкія притѣсненія сотнянъ, всѣмъ обвиненіямъ, противъ нихъ поднимавшимся, противопоставляя лишь фактъ своей «вѣрности» и въ отвѣтъ на жалобы выставляя угрозы доносами или и самые доносы. Жестокое обращеніе съ подвластными имъ козаками и посполитыми, самовольная смѣна сотенныхъ старшинъ и назначеніе на ихъ мѣсто новыхъ собственною властью вопреки волѣ козаковъ, неправильныя распоряженія въ области сотеннаго хозяйства, судъ, построенный по преимуществу на взяткахъ и вымогательствахъ, полное невниманіе ко всѣмъ правамъ частныхъ лицъ и ко всѣмъ распоряженіямъ гетманской власти, — таковы характерныя черты дѣятельности этихъ администраторовъ, какъ она представляется въ свѣтѣ сообщаемыхъ г. Лазаревскимъ фактовъ.

Въ этой широкой картинѣ административныхъ порядковъ старой Малороссіи, которая представлена въ работѣ г. Лазаревскаго и одни лишь

общіе обрисы которой я передалъ здѣсь, можно подмѣтить и одинъ очень существенный пробѣлъ, указанный уже проф. Багалѣемъ въ критикѣ перваго тома «Описанія старой Малороссіи»[1]). Подробно описывая характеръ и направленіе дѣятельности администраціи, авторъ мало останавливается на тѣхъ формахъ, въ которыя эта дѣятельность была заключена, и собравъ громадный матеріалъ для характеристики отношеній администраціи къ народу, онъ какъ будто упустилъ изъ виду необходимость характеризовать самую администрацію. Такіе вопросы, какъ нормальный объемъ власти полковника и сотника, составъ полковаго суда, формы сотеннаго и полковаго суда и т. д., почти не представлены въ книгѣ и постановка ихъ какъ будто даже не входила въ намѣренія автора. Но, дѣлая указаніе на этотъ пробѣлъ, я долженъ тутъ же оговориться, что причину его, по крайней мѣрѣ по отношенію къ той книгѣ, о которой идетъ рѣчь теперь, надо, повидимому, искать скорѣе въ свойствахъ обрабатываемаго авторомъ матеріала, нежели въ особенностяхъ его работы. Поставить указанные вопросы гораздо легче, нежели дать на нихъ ясный отвѣтъ, особенно въ трудѣ, посящемъ описательный характеръ и привязанномъ къ опредѣленной мѣстности. Судебныя дѣла, сохранившіяся въ архивахъ высшихъ административныхъ учрежденій, допускаютъ характеристику администраціи главнымъ образомъ именно со стороны направленія ея дѣятельности. Тѣ же полковые и сотенные архивы, которые одни могли бы служить вполнѣ точными и надежными руководителями для ознакомленія съ самымъ механизмомъ мѣстнаго управленія и суда во всѣхъ его особенностяхъ, въ громадномъ большинствѣ, повидимому, погибли безвозвратно. Среди жалкихъ остатковъ, какіе сохранились отъ нихъ и извѣстны въ настоящее время, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось встрѣчать такихъ, которые бы давали сколько нибудь значительную сумму данныхъ для характеристики администраціи именно Нѣжинскаго полка съ указанной стороны. Но если отъ изслѣдователя исторіи администраціи гетманской Малороссіи мы могли бы требовать сопоставленія всѣхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, и характеристики, построенной именно на такомъ сопоставленіи, то подобное требованіе, очевидно, непримѣнимо къ труду, имѣющему своей задачей описаніе отдѣльной мѣстности, такъ какъ въ немъ можетъ найти себѣ мѣсто только матеріалъ, такъ или иначе касающійся послѣдней. Тамъ же, гдѣ матеріалъ, имѣвшійся въ распоряженіи г. Лазаревскаго, содержитъ въ себѣ соотвѣтственныя указанія, авторъ приводитъ ихъ и даетъ съ своей стороны разъясненія. Укажемъ для примѣра на любопытное описаніе порядка выбора сотника въ Воронежской сотнѣ въ 1716 г. (стр. 336), на

---

1) Д. И. Багалѣй. Новый историкъ Малороссіи. С.-Петербургъ. 1891, стр. 114—5.

разъясненіе порядка производства суда надъ сотникомъ (стр. 332), наконецъ на характерную жалобу Батуринскаго атамана Федора Примы на мѣстнаго сотника Стожка въ 1727 г., позволяющую отчасти возстановить обычныя отношенія сотенныхъ властей (стр. 249). Если подобныхъ указаній встрѣтилось сравнительно немного въ источникахъ автора, вина въ этомъ уже не его. Во всякомъ случаѣ, и то, что собрано у него, представляетъ громадный по размѣрамъ и цѣнный по содержанію матеріалъ.

Отношенія между малорусской администраціей и великорусскимъ военнымъ начальствомъ, равно какъ назначавшимися въ Малороссію великорусскими полковниками также представлены въ книгѣ нѣсколькими новыми и характерными эпизодами. Отмѣтимъ разсказъ объ оскорбленіи генераломъ фонъ-Ренномъ полковаго асаула Іосифа Тарасевича и эпизодъ столкновенія Нѣжинскаго коменданта Пущина съ полковымъ сотникомъ Магеровскимъ въ 1741 г. (стр. 44 и 63—4).

Наконецъ, любопытныя данныя имѣются въ трудѣ г. Лазаревскаго для переходнаго момента малорусскихъ административныхъ учрежденій, когда вслѣдъ за уничтоженіемъ въ 1764 г. гетманства во главѣ страны была поставлена Малороссійская Коллегія съ ея президентомъ и генералъ-губернаторомъ Малороссіи, П. А. Румянцевымъ. Личность Румянцева, этого администратора въ духѣ Екатерининскихъ реформъ, не признававшаго никакого стѣсненія для своей воли въ мѣстныхъ порядкахъ и обычаяхъ, безпощадно и круто ломавшаго послѣдніе и стремившагося водворить въ общественной жизни порядокъ по образцу военной дисциплины, ярко выступаетъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ его дѣятельности, пересказанныхъ г. Лазаревскимъ. Таково напр. столкновеніе Румянцева съ Холодовичемъ, у котораго онъ хотѣлъ купить имѣніе, угрожая въ противномъ случаѣ отнять его (стр. 341—343); таковъ эпизодъ столкновенія его съ «солдаками» (солдатами изъ малороссовъ, составлявшими караульную роту при гетманахъ), просившими его «не занимать ихъ россійскимъ платьемъ и регулами» и за это посаженными на годъ въ острогъ (стр. 223—4). Но всего интереснѣе здѣсь впервые болѣе обстоятельно пересказанное дѣло о судѣ, устроенномъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи въ 1767 г. надъ шляхетствомъ Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ, просившимъ въ своемъ наказѣ въ Екатерининскую Коммиссію о возстановленіи гетманскаго управленія, дѣло, о которомъ до сихъ поръ въ литературѣ имѣлись лишь общія и не совсѣмъ ясныя свѣдѣнія. Придравшись къ тому обстоятельству, что шляхетство на мѣсто первоначально избраннаго имъ въ депутаты Л. Селецкаго, отказавшагося принять наказъ съ такой просьбой, выбрало другаго депутата, Румянцевъ предалъ весь составъ избирателей за незаконныя якобы дѣйствія суду, причемъ бóльшая часть ихъ, какъ

состоящіе въ военной козацкой службѣ, были отданы подъ военный судъ (стр. 37—42).

Всѣмъ сказаннымъ, думаю, уже въ достаточной мѣрѣ выясняется, насколько важное значеніе имѣетъ эта часть работы г. Лазаревскаго, какъ много разнообразныхъ данныхъ содержится въ ней для характеристики управленія старой Малороссіи въ разные моменты ея исторической жизни. Будущему историку малорусской администраціи придется постоянно обращаться къ этой книгѣ за матеріаломъ и считаться съ выводами и обобщеніями, произведенными уже ея авторомъ.

Добавленія, которыя я могу сдѣлать къ этой части, не особенно велики. Прежде всего можно нѣсколько дополнить сообщаемые г. Лазаревскимъ перечни старшины. Въ документахъ Максаковскаго монастыря сохранилась копія оборонного листа, выданнаго монастырю на его имѣнія 19-го августа 1668 г. полковникомъ Нѣжинскимъ Матвѣемъ Юрьевичемъ[1]). Если только переписчикъ этого универсала не ошибся въ датѣ и если этотъ Матвѣй Юрьевичъ не былъ наказнымъ полковникомъ (что, впрочемъ, обыкновенно обозначалось въ универсалахъ), то приведенный у г. Лазаревскаго списокъ Нѣжинскихъ полковниковъ надо будетъ увеличить еще однимъ, поставивъ его между Артемомъ Мартыновымъ и Евстафіемъ Золотаренкомъ. Къ списку полковыхъ писарей равнымъ образомъ можно прибавить двухъ лицъ. Именно генеральное слѣдствіе о маетностяхъ послѣ Осипа Завадскаго знаетъ въ должности полковаго писаря какого-то Федора, фамиліи котораго нѣтъ въ документѣ, зятя попа Нѣжинскаго Пучковскаго, а во время или послѣ полковника Лукьяна Жураковскаго—Ивана Ананіевича[2]); оба эти лица отсутствуютъ въ спискѣ г. Лазаревскаго, какъ отсутствуетъ и показанный въ слѣдствіи же[3]) полковой асаулъ Шпаковскій, хотя въ другомъ мѣстѣ авторъ называетъ его, когда рѣчь идетъ о томъ селѣ, которымъ онъ владѣлъ, по утвержденію слѣдствія (стр. 94—95). Если предположить, что авторъ не внесъ этихъ лицъ въ свои перечни полковой старшины въ виду затруднительности точно опредѣлить время ихъ писарства и асаульства, то, во-первыхъ, приблизительное опредѣленіе все же возможно, а,

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/644. Документы монастырей хранятся здѣсь подъ общимъ № 1616, но кромѣ того имѣютъ и отдѣльную нумерацію, почему, ссылаясь на нихъ, я и ставлю всегда двойной №.

2) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, рукопись библіотеки Кіевской Коллегіи Павла Галагана, л. 1 и л. 59.

3) Таже, л. 1. Въ 1767 г. полковыми асаулами, кромѣ Ник. Занкевича, были Дм. Григоровичъ и Григ. Кленусъ, см. Моск. Архивъ Мин. Юст., Дѣла упраздненныхъ присутств. мѣстъ, архивъ Черниг. Палаты Угол. и Гражд. суда, опись 4, св. 7, № 102 — списокъ Нѣжинскаго шляхетства, преданнаго суду Румянцевымъ въ 1767 г. по дѣлу выбора депутата въ Коммиссію; ср. также «Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца», кн. V, стр. 113.

во-вторыхъ, въ другихъ случаяхъ, и не рѣдкихъ, авторъ называетъ въ своихъ спискахъ лицъ, относительно времени нахожденія которыхъ на урядѣ онъ не имѣетъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній. Не ходя далеко за примѣрами, укажемъ на полковыхъ писарей Самуся, Дорошевича и Завадскаго, относительно которыхъ г. Лазаревскій сообщаетъ лишь, что они выполняли эту должность при Самойловичѣ. Перечень Мринскихъ сотниковъ г. Лазаревскій дѣлаетъ по записанному въ генеральномъ слѣдствіи разсказу старожиловъ. Показаніе мѣстнаго же старожила, Василія Переясловца, занесенное въ одно судебное дѣло 1730 г., позволяетъ прибавить къ этому перечню еще одного сотника и назвать фамилію другаго: передъ Ив. Урсуломъ Переясловецъ называетъ именно Іосифа Завадскаго, а послѣ Ильи Завадскаго — Семена Хоминскаго[1]); послѣдній, очевидно, то же лицо, которое въ слѣдствіи носитъ имя Семена Великаго. Къ Шаповаловскимъ сотникамъ можно прибавить Скорбацкаго, котораго генеральное слѣдствіе о маетностяхъ знаетъ на этомъ урядѣ въ гетманство Брюховецкаго[2]). Въ ряду Бахмацкихъ сотниковъ пропущены Андрей Галѣженко и Данило Налѣтовскій, которыхъ то же слѣдствіе ставитъ между Сем. Боровскимъ и Вас. Покотиломъ[3]). О Налѣтовскомъ мы располагаемъ и болѣе точными свѣдѣніями. Въ гетманство Апостола онъ обратился къ послѣднему съ просьбой «призрѣть на мя страннаго и не имѣющаго где главу подклонити» и «приняти подъ свое високоповажное милосердіе, за что долженъ всякую службу, опредѣленную отъ вашей ясневелможности, со всѣмъ усердіемъ служить нелицемѣрно». Въ этой просьбѣ онъ изложилъ свое прошлое въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ: «отъ дѣтства своего служилемъ при дому Его Императорскаго Величества двадцять и осѣмъ лѣтъ и за оную службу мою пожалованъ былъ урядомъ сотничества Бахмацкого, которое правилъ черезъ чтыри года, якъ належитъ, и семьсотъ двадцять семаго года нѣкоторіе тамошніе жители, даремне мя возненавидѣвши, отъ онаго уряду отдалили и живу теперь въ Батуринѣ, не имѣя, где главу подклонити»[4]). Въ лицѣ Налѣтовскаго мы имѣемъ дѣло такимъ образомъ съ однимъ изъ раннихъ «пожалованныхъ» сотниковъ, получившихъ притомъ этотъ чинъ даже не за политическія услуги, а за «домовую службу». Принимая его показаніе о четырехъ годахъ его сотничества (1723—1727),

---

1) Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, въ бумагахъ Черниговскаго Борисоглѣбовскаго монастыря, декретъ, выданный послѣднему изъ генер. войск. суда 28 окт. 1748 г. на владѣніе подсусѣдками въ м. Мринѣ и сс. Селищѣ, Комаровкѣ и Галчинѣ, л. 36 — об.; Переясловецъ показывалъ, что «помнитъ отъ того 730 году напередъ за 50 лѣтъ».

2) Рукопись генер. слѣдствія о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, л. 11 об. — 12.

3) Тамже, л. 60 об.

4) Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отдѣлъ, № 1155.

мы получаемъ для Галеженка около одного года. Далѣе, въ Новомлинской сотнѣ генеральное слѣдствіе передъ Григоріемъ Самойловичемъ называетъ на урядѣ сотничества пятерыхъ лицъ, которыхъ мы не находимъ въ спискѣ нашего автора: Писаренка, Рубана, Манденка, Коркача и Григ. Троцкаго[1]). Наконецъ, пользуясь тѣмъ же источникомъ, можно пополнить сообщаемый г. Лазаревскимъ списокъ Нѣжинскихъ войтовъ (стр. 61 и 509). Перечисляя именно владѣльцевъ с. Плоскаго со времени гетмана Самойловича, слѣдствіе называетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: «Леонтъ войтъ Нѣжинскій, Цурковскій войтъ, зять ево Кузма, а послѣ Кузми войти ж Нѣжинскіе Дмитренко, Иванъ Касяненко, Андрей Васютинскій и Леонтій Касяненко, Стерій Терпавіотъ»[2]). Изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ у г. Лазаревскаго имѣются лишь Васютинскій и Терпавіотъ.

Далѣе, руководясь архивнымъ матеріаломъ, можно сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ даваемымъ г. Лазаревскимъ свѣдѣніямъ о личностяхъ и дѣйствіяхъ сотенной администраціи. Таково, напримѣръ, довольно характерное дѣло сотника Ивангородскаго Андрея Безпалаго, разыгравшееся въ 1728—1731 гг. Въ 1728 г. козаки Ивангородской сотни подали полковнику жалобу на своего сотника «въ томъ», какъ писали они, «что видимъ его сотника великое въ сотнѣ нерадѣніе, а за тимъ нерадѣніемъ и неисправностію все товариство весма разорилось, ижъ, винайшедши на якого товариша вину, а болшъ того, что и безъ вини, до послѣдней нищети обдираетъ и нещадно бьетъ и протчія обиди и разоренія чинитъ», почему жалобщики просили его «отъ чина сотницкого отставити, а на мѣсто его опредѣлити, кого будемъ едностайне и согласне просить». Къ жалобѣ приложены были обвинительные «пункты». Привожу болѣе любопытные изъ нихъ: 1. «сотникъ собралъ зо всей сотнѣ зъ товариства ралецъ по шагу и по алтину, а по якому указу, невѣдомо»; 2. «зъ подсусѣдковъ козачихъ съ каждого человѣка взялъ по гривнѣ, а зъ иншихъ и по золотому»; пункты 3—12 гласятъ о присвоеніи сотникомъ собранныхъ на разныя общія повинности и нужды денегъ; 13. «у Грицка Ващенка взялъ себѣ денегъ золотихъ 5, и за такіе откупніе денги не послалъ его на форпости до берега Днѣпрового»; 14. «козаковъ убогихъ и подсусѣдковъ ихъ на всякіе свои домовіе работизни, яко то лѣтомъ на сѣнокосъ и протчіе, приневолствуетъ безпрестанне, а хто бы когда не пошолъ, велитъ грабити»; 16. «зъ стойки, учрежденной для перевезенія всякихъ писемъ, беретъ козацкіе конѣ и ездитъ за своими дѣлами частокротне»; 17. «у судѣ своемъ сотенномъ накладѣ безмѣрніе беретъ, а справи жадной не учинитъ, якихъ накладовъ брать указъ Его И. В-ва запрещаетъ»....Полковникъ, получивъ эту жа-

1) Рукопись генер. слѣдствія о маетностяхъ Нѣж. полка, л. 60 об. — 61.

2) Тамже, л. 61.

лобу, отнесся 19 декабря 1728 г. къ гетману и послѣдній немедленно распорядился отобрать хоругвь у Безпалаго и поставить ее въ церковь, полковнику же поручилъ назначить въ Ивангородскую сотню наказнаго сотника, которому и передать сотенное правленіе, а надъ Безпалымъ назначить розыскъ. Все это и было исполнено, но затѣмъ козаки раздѣлились на двѣ партіи: одни поддерживали обвиненіе, другіе же, называя ихъ «цѣлой сотни возмутителями», просили сперва полковника, а затѣмъ, 22 марта 1731 г., и гетмана возвратить хоругвь и сотничество Безпалому. Когда гетманъ исполнилъ эту просьбу, первые подали новую жалобу полковнику, въ которой, заявляя, что сотникъ не вознаградилъ обнаруженныхъ розыскомъ обидъ, прибавили еще по его адресу глухое обвиненіе въ измѣнѣ: «по единогласному своему совѣту всѣ обще его Безпалого сотникомъ не желаемъ, понеже онъ человѣкъ злобній, и въ дѣлѣ сотенномъ неисправній, и неслужащій, и неграмотній, и подозрителній, а хочай служилъ, то нѣгде въ походахъ зъ нами сотенцями не козаковалъ, кромѣ въ Быховѣ у змѣнѣ былъ зъ Бындюкомъ, якій Бындюкъ затягалъ охотное войско, и, запершися въ Быховѣ, воевали блаженной памяти Петра Первого императора на его царское величество, а егда онъ Безпалій у насъ сотникомъ будетъ, то развѣ всѣ жилища всякъ сотнѣ нашой товаришъ оставивши принуждени будутъ въ иніе мѣста уходить»... Въ виду такого обвиненія полковникъ не возвратилъ Безпалому уряда и вновь отправилъ дѣло къ гетману въ Глуховъ [1]). Документы молчатъ объ исходѣ этого дѣла, но такъ какъ Безпалый оставался сотникомъ до 1736 г., то, очевидно, онъ благополучно выпутался изъ грозившей ему опасности. Помимо обычныхъ формъ злоупотребленій сотника своею властью, помимо свидѣтельства о ральцѣ, собиравшемся еще въ 1728 г., несмотря на запрещеніе его въ 1722 г., въ этомъ дѣлѣ любопытно еще оружіе, пущенное въ ходъ козаками противъ сотника въ качествѣ послѣдняго средства. Сознаніе грозной силы этого оружія проникло, стало быть, отъ старшины и въ народную массу и среди послѣдней находились люди, готовые за него схватиться. Свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ сотниковъ и о нарушеніи ими выборнаго начала по отношенію къ низшимъ сотеннымъ урядамъ находимъ мы еще въ письмѣ гетмана Апостола къ Нѣжинскому полковнику отъ 17 августа 1731 г. [2]). Атаманы и козаки Кролевецкой сотни жаловались гетману, «что сотникъ Кролевецкій Константій Генваровскій безъ общого согласія по своей волѣ Описка Вечеру атаманомъ городовимъ безъ жаднихъ (всякихъ) заслугъ наставилъ, а оній Описка Вечера великія козакамъ дѣлаетъ обиды, коньми козачими за своими

---

1) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Мал. Коллегіи, Черн. отд., № 1447.
2) Тамже, № 12.450.

ездитъ нуждами, а кто на сотника челобитствуетъ, то онъ жонъ тихъ держитъ въ туремномъ вязенню (заключеніи), которій атаманъ тоей сотнѣ козака Павла Соломашенка хотѣлъ прибить до смерти, колибъ не ушолъ, а жену его держалъ въ туремномъ вязенню цѣлые сутки за тое, что помянутій Соломашенко чоломбитствуетъ на сотника въ своей обидѣ». Гетманъ поручилъ полковнику отрѣшить Вечеру отъ атаманства, и разслѣдовать поданныя на него жалобы, «а атаманомъ городовымъ опредѣлить того, кого атаманія зъ товариствомъ волными голосами изберутъ». И то укрывательство козаковъ и посполитыхъ старшиною отъ «общенародныхъ» повинностей и привлеченіе козаковъ къ работамъ на сотника, примѣры котораго въ изобиліи находятся въ книгѣ г. Лазаревскаго, можетъ быть иллюстрировано новыми фактами. Два изъ нихъ я позволю себѣ привести здѣсь въ виду интереса, представляемаго ихъ яркими красками. Въ 1745 г. житель м. Борзны, Ив. Стеф. Дудченко подалъ на имя императрицы Елизаветы доносъ на всю Борзенскую сотенную старшину, обвиняя ее въ цѣломъ рядѣ злоупотребленій. По словамъ доносчика, «сотникъ Пантелеймонъ Михайловъ сынъ Забѣла въ недавно прошедшіе военные года принялъ подъ защищеніе свое въ оной Борзенской сотнѣ немалое число козаковъ и мѣщанъ подъ видомъ и предлогомъ купли и, отъ оныхъ на нихъ же къ себѣ купчія взявъ, въ собственную свою работу ихъ употребляетъ, тожъ и отецъ его сотника, генеральный, нынѣ въ отставкѣ обрѣтаючійся судія Михайло Забѣла учинилъ. Смотря на нихъ, бывшій Нѣжинскій обозный Иванъ Величковскій, писарь полковій Нѣжинскій Василій Кулаковскій, два брата компанѣйскіе полковники Часники, полковникъ и Глуховскій комендантъ Делятуръ и прочіе не токмо мірскіе, но и церковники, за козацкіе и мѣщанскіе грунта подъ видомъ купли, состоящіе въ цѣнѣ ста рублевъ, давъ точію десять рублевъ, къ себѣ принимаютъ и защищаютъ, еже паппаче полковая и сотенная старшина, охраняя оныхъ отъ всякихъ общенародныхъ повинностей, а въ ревизіялное число пишутъ ихъ подсусѣдками крайнѣйше нищетными, сверхъ же того не всѣхъ въ ревизіялное число включаютъ, но показуютъ несполна. По такимъ ихъ неправеднымъ поступкамъ прочіе слѣдуя, едва не всю Борзенскую сотню себѣ въ подсусѣдки забрали, о чемъ и засвидѣтельствовать можно съ годовыхъ дворового числа ревизій, и кромѣ того изъ остальныхъ за продажею подданныхъ козачого и мѣщанского званія разныхъ ремесниковъ тотъ же Борзенскій сотникъ съ старшиною и владѣльцами на работу свою собственную употребляютъ, а отъ общенародныхъ повинностей защищаютъ, отчего прочіе козаки и мѣщане, исполняя должность свою, въ крайнюю нищету и разореніе пришли, а многіе въ Полское королевство за границу разойшлись». Жалуясь далѣе на неправильное распредѣленіе податей, на самовольное повышеніе ихъ размѣра старшиною, на излишній сборъ

сѣна, произведенный ею въ неурожайные годы изъ личныхъ видовъ, Дудченко прибавлялъ, что онъ уже доносилъ обо всемъ этомъ въ полковую и генеральную войсковую канцеляріи, но безуспѣшно. Назначенный полковникомъ розыскъ не привелъ ни къ чему, а въ генеральной канцеляріи дѣло затягивали ген. судья Мих. Забѣла, ген. писарь Андрей Безбородко, зять сотника, и тесть послѣдняго, ген. асаулъ Федоръ Лысенко. Жаловался Дудченко и генералу Леонтьеву, но и вмѣшательство послѣдняго въ розыскъ назначенныхъ генеральной канцеляріей слѣдователей не удовлетворило его и теперь онъ просилъ прислать для слѣдствія «отъ лейбъ-гвардіи полковъ оберъ-офицера». Новые слѣдователи въ лицѣ капитана Ив. Брянчанинова, бунч. тов. Павла Ломиковскаго и войск. канцеляриста Андрея Лишня были дѣйствительно назначены, но отъ ихъ слѣдствія сохранился только обрывокъ дѣла, начатаго ими противъ бунч. тов. Ив. Пироцкаго[1]). Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ все же дѣло съ обвиненіями, не провѣренными слѣдствіемъ, а потому можемъ сомнѣваться насчетъ дѣйствительнаго размѣра указанныхъ въ нихъ фактовъ. Въ аналогичномъ дѣлѣ, возбужденномъ въ 1760 г. въ Глуховской сотнѣ, имѣются уже факты, обнаруженные судебнымъ слѣдствіемъ, и заключающіяся въ этомъ дѣлѣ указанія на царившіе въ сотнѣ порядки тѣмъ важнѣе, что они отличаются большою точностью и обиліемъ подробностей. Въ 1760 г. по жалобамъ козаковъ Глуховской сотни на обиды, причиняемыя имъ мѣстной сотенной старшиной и владѣльцами, гетманъ Разумовскій назначилъ слѣдствіе, поручивъ производство его бунч. тов. Якову Галецкому, Ямпольскому сотнику Григ. Жовтобрюхову и Глуховскому сот. писарю Семену Уманцу. Слѣдователи, допросивъ жалобщиковъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей, установили такіе факты: «сотнику Глуховскому Турапскому во всю бытность его при командѣ работали козаки такъ, какъ подданніе, разніе работизни его, селъ Березы, Слоута, Собичева, Ясмани и Сопича, а когда бывало хто съ козаковъ по нуждѣ своей не пойдетъ или не поедетъ на ту работу, то асаулчики, имѣючісь при немъ сотнику, били. грабили, а инымъ и денги въ окошка вскидали, чтобъ шли работать, нѣкоторихъ же и самъ сотникъ за то кіями билъ, когда жъ съ тѣхъ же селъ временемъ потребуется бывало козаковъ куда въ указныя надобности, то иныхъ высылали атаманы по другому съ двора, а инымъ за бытіе ихъ у сотника на работахъ ставили за очередь; зъ другихъ же селъ, дальнѣйшихъ отъ его хутора, случайно по нѣсколько человѣкъ козаковъ бывало въ возкѣ дровъ, сѣна и протчіихъ къ дому его сотника потребностей, да онъ же сотникъ въ Слоутскихъ, Собичевскихъ и Ясманскихъ козаковъ поотнималъ

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., Дѣла упраздненныхъ присутств. мѣстъ, архивъ Черниг. Палаты Угол. и Гражд. суда, опись 12, св. 3, № 127.

кроме дворовъ козачихъ многие грунта, яко то поле пахотное, гаи, сѣнокосы, хлѣбъ житній и ярицій»... «Бунчуковый товаришъ Иванъ Скоропадскій защищалъ козаковъ с. Дунайца отъ сотенныхъ нарядовъ и командированій, а употреблялъ около дому его Дунайского въ розъезды, на караулъ и въ посылки, и поотнималъ разные... многіе у козаковъ Дунайскихъ грунта»... «Бунчуковый товаришъ Василь Кочубей села Ярославца козаковъ употреблялъ въ разныя далекія посылки и въ подводы, и съ нимъ въ поѣздки, которыхъ выстатчали (поставляли) тамошніе атаманы по насильнымъ требованіямъ отъ его Кочубея чрезъ компанѣйцовъ и служителей, а за нескорое выстатченіе нѣкоторыхъ атамана и козаковъ компанѣйцы и служители били, о чемъ и сотнику Туранскому отъ атамана Ярославского объявливанно, токмо ничего на то сотникъ не учинилъ»; тотъ же Кочубей «особливо употребляетъ болѣе десяти уже годъ зъ с. Тулиголовъ чотирохъ козаковъ, двохъ гончарей, а двохъ шаповаловъ, на домъ свой Ярославскій насильно». Точно также бунч. тов. Вас. Тумапскій и Яковъ Марковичъ, равно какъ покойный уже въ это время Стеф. Миклашевскій и его дѣти употребляли козаковъ на свои частныя посылки; кромѣ того Миклашевскіе и ген. асаулъ Валькевичъ, къ 1760 г. уже умершій, поотнимали земли у козаковъ. Кромѣ прямаго насилія, для принужденія козаковъ къ работамъ въ свою пользу сотенная старшина и владѣльцы прибѣгали и къ другимъ средствамъ. «Майоръ Яковъ Скоропадскій с. Локин козаковъ употребляетъ въ разныя посылки и въ нѣкоторыя партикулярныя работы, а какъ не поѣхали ему по сѣно, то по согласію изъ сотникомъ запретилъ винное куреніе и шинковать въ домахъ всѣмъ козакамъ, а мужикамъ своимъ и попу тамошнему дозволивъ курить».... И пользовались такими даровыми услугами не только сотникъ и крупные, вліятельные владѣльцы. «Атаманъ Глуховскій Иванъ Яновичъ села Землянки всѣми козаками работалъ чрезъ всю его бытность атаманомъ и до нынѣ такъ, какъ собственными подданными его, всякія домашнія надобности; а когда бывало временемъ некого за указными командированіями атаману тамошнему выслать ему Яновичу на работизны, то бивъ атамана сельского немилостиво и другихъ козаковъ, такожъ, если скоту его Яновича некого послать пасти, то пригоняли оный на дворъ староста его къ сельскому атаману, которой принужденъ по крайней нуждѣ жену свою послать тотъ его Яновича скотъ пасти, которая и пасла у полѣ доколь, пока спскалъ козака и приставилъ пасти оный скотъ; послѣ же того отъ козаковъ показанія оной атаманъ Яновичъ тѣхъ, у коихъ покупилъ двори, державъ подъ карауломъ и грабилъ возы и лошади, поколь ему деньги обратно поотдаютъ, которые и поотдавали, позанимавши разныя движимости; да изъ другихъ селъ случайно онъ же атаманъ Яновичъ употреблялъ козаковъ на свои партикулярныя работы». Это выдержки изъ

«экстракта», составленнаго слѣдователями. Характеръ и условія возлагавшихся на козаковъ работъ яснѣе въ подлинныхъ показаніяхъ ихъ. Вотъ одно изъ нихъ: козаки с. Березы показали, что «они работали сотнику Глуховскому Туранскому разными часы чрезъ всѣ года по бытности его сотникомъ и донынѣ, а именно: поле пахали, сѣно косили, жали хлѣбъ, дрова и сѣно возили всякого года и греблю нѣкоторые гатили съ принужденія его сотника, для чего пріѣздятъ было за ними асауленки его сотника Кирило и Иванъ и, зъ бывшимъ атаманомъ Березовскимъ Андросенкомъ и зятемъ его Игнатомъ ѣздя по селу, ихъ туда выгоняютъ, а буде кого дома не застанутъ, то бьютъ женъ, разгоняютъ дѣтей и вкидаютъ въ окна денги, а иного и безъ заплаты; а кому отъ него сотника и заплата была, токмо несправедливо, ибо которые работаютъ дней по три или по четыре, то получаютъ заплаты только по пяти и по десяти копѣекъ»... Всѣхъ скупленныхъ, захваченныхъ и иными способами отошедшихъ въ подданство къ сотнику и къ другимъ владѣльцамъ дворовъ слѣдователи насчитали въ Глуховѣ и въ Глуховской сотнѣ 377 [1]). Не буду уже приводить другихъ фактовъ, касающихся лицъ и дѣйствій, не отмѣченныхъ г. Лазаревскимъ, но тѣмъ не менѣе не выходящихъ изъ рамокъ общей картины, имъ набросанной, и не приносящихъ въ нее ничего новаго, а только подтверждающихъ соотвѣтствіе ея дѣйствительности.

Остановлюсь еще на одномъ только характерномъ эпизодѣ изъ дѣйствій генералъ-губернатора Малороссіи, П. А. Румянцева, на томъ именно судѣ надъ избирателями — Нѣжинскимъ и Батуринскимъ шляхетствомъ, о которомъ упоминалось выше. До появленія книги г. Лазаревскаго этотъ эпизодъ былъ извѣстенъ лишь въ общихъ чертахъ. Г. Лазаревскій разсказалъ довольно подробно и ходъ столкновенія избирателей съ первымъ ихъ депутатомъ, Селецкимъ, по внушенію Румянцева требовавшимъ перемѣнъ въ наказѣ, и преданіе ихъ суду за выборъ втораго депутата, суду, во время котораго подсудимыхъ держали въ тюрьмѣ, на хлѣбѣ и водѣ, а послѣ объявленія приговора и въ оковахъ; изложеніе автора построено при этомъ на двухъ жалобахъ, поданныхъ императрицѣ отданными подъ судъ лицами. Самый приговоръ и окончательный исходъ дѣла остались ему, однако, неизвѣстны. Въ заключеніе своего разсказа онъ говоритъ только: «впослѣдствіи Нѣжинская исторія была забыта, такъ какъ тотъ же Почека (одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой исторіи со стороны шляхетства) послѣ военнаго суда безпрепятственно служилъ по выборамъ» (стр. 42). Въ печатавшемся одновременно съ книгою г. Лазаревскаго V-мъ томѣ «Чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца» проф. М. Ф.

---

1) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Мал. Коллегіи, Черниг. отд., № 495.

Владимірскимъ-Будановымъ были изданы нѣкоторые документы, относящіеся къ исторіи Нѣжинскихъ выборовъ 1767 г.[1]), извлеченные издателемъ изъ хранящагося въ архивѣ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ сборника распоряженій Румянцева за 1767 г., но, кромѣ полнаго списка преданныхъ суду лицъ, въ этихъ документахъ не заключалось ничего существенно важнаго, такъ какъ они лишь подтверждали извѣстные уже ранѣе факты. Между тѣмъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи хранятся три дѣла, являющіяся непосредственнымъ источникомъ для исторіи какъ самыхъ выборовъ въ Нѣжинѣ, такъ и послѣдовавшаго за ними суда[2]) и дающія возможность не только прибавить новыя и характерныя подробности къ извѣстнымъ уже фактамъ «Нѣжинской исторіи» 1767 г., но и возстановить ту часть ея, которая до сихъ поръ оставалась совершенно неизвѣстной въ литературѣ. Пользуясь указаннымъ источникомъ, я позволю себѣ остановиться здѣсь подробнѣе на этомъ эпизодѣ, въ виду того крупнаго интереса, который представляетъ онъ, будемъ ли мы разсматривать его, какъ одинъ изъ моментовъ отношенія администраціи и общества въ Малороссіи въ Екатерининскую эпоху, или же какъ эпизодъ изъ исторіи Екатерининской Коммиссіи.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Начало шляхетскихъ выборовъ въ Нѣжинѣ назначено было Румянцевымъ на 24 марта[3]). Съѣхавшись къ этому времени въ Нѣжинъ, шляхетство еще до оффиціальнаго

---

1) «Чтенія въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца», кн. 5, отд. III, стр. 111—117. Кромѣ отмѣченнаго въ текстѣ списка, здѣсь напечатаны распоряженіе Румянцева о кассаціи вторыхъ выборовъ депутата и объ отрѣшеніи отъ должностей избирателей, сенатскій указъ о преданіи избирателей суду и распоряженіе Румянцева о назначеніи въ военный судъ полковника фонъ-Зитмана. Къ сожалѣнію, издатель имѣлъ, повидимому, въ рукахъ не особенно исправный списокъ и при печатаніи не провѣрилъ его, благодаря чему въ немъ сохранились досадныя ошибки: такъ, Бахмацкій сотникъ обратился въ «сотника Вахмуцкаго», фамилія Виридарскій обращена въ Виродарскій, Голюнка въ Голунка, Грищенко въ Гриченко, Конисскій въ Каневскій. Разсказъ этого же эпизода у С. М. Соловьева (Р. Вѣстн. т. XXXV и Ист. Россіи, т. XXVII) основанъ на перепискѣ Румянцева съ имп. Екатериною и журналахъ Сената и не даетъ полнаго понятія о дѣлѣ.

2) Это именно дѣло о военномъ судѣ надъ избирателями, озаглавленное въ подлинникѣ: «Фергеръ и кригсъ-рехтъ, произведенной въ учрежденномъ въ г. Глуховѣ воинскомъ судѣ надъ присланными при указѣ Ея И. В-ва изъ Мал. Коллегіи ... малороссійскими воинскими чинами, всего 36 человѣками въ ослушаніи ими ... гр. П. А. Румянцова повелѣнія, даннаго объ отправленіи перво выбраннаго ими подъ присягою ... въ Комиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія депутата, а о уничтоженіи втораго учиненнаго ими выбора» (М. А. М. Ю., Дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, архивъ Черниг. Палаты Угол. и Гражд., опись 4, № 102); дѣло гражданскаго суда — тамже, № 106, и дѣло о возвращеніи осужденному шляхетству Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ чиновъ, — тамже, опись 7-я, № 214. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на эти дѣла я буду называть только ихъ №№. Особенно важно первое; второе сильно попортилось отъ времени.

3) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., Кіевъ, 1889, с. 187.

открытія выборовъ приступило къ частному обсужденію проекта своихъ ходатайствъ и съ этою цѣлью «дѣлало, собираясь въ особыхъ мѣстахъ, записки для сочиненія наказа»[1]). Никакого разногласія на этихъ собраніяхъ, повидимому, не обнаружилось и все шло мирно. 29 марта шляхетство произвело выборы предводителя и избраннымъ оказался земскій судья Лавр. Селецкій, принимавшій участіе въ предшествовавшихъ собраніяхъ[2]) и, слѣдовательно, освѣдомленный о настроеніи избирателей, которое онъ и самъ, повидимому, въ это время раздѣлялъ. Тѣмъ болѣе вѣроятно послѣднее предположеніе, что, когда приступили къ выборамъ депутата, и въ депутаты былъ выбранъ тотъ же Селецкій. Понадобилось въ виду этого избрать новаго предводителя и выборъ шляхетства палъ на этотъ разъ на армейскаго полковника Ив. Тернавіота. Затѣмъ избраны были, по «обряду» выборовъ, пять человѣкъ для составленія наказа: подкоморіи Григ. Долинскій и Андрей Жураковскій, полк. писарь Яковъ Почека, полк. асаулъ Дм. Григоровичъ и Батуринскій сотникъ Дм. Стожко. Предстояло составить наказъ и подписать какъ его, такъ и полномочіе избранному депутату, но въ это время шляхетство стало находить, что оно зажилось въ Нѣжинѣ, и подумывать о томъ, чтобы разъѣхаться на время по домамъ. Предводитель Тернавіотъ уговаривалъ шляхтичей раньше покончить дѣло составленія наказа, но безуспѣшно: «пріѣзжіе повѣтовъ Нѣжинскаго и Батуринскаго, писалъ онъ впослѣдствіи[3]), представляли, что они уже въ Нѣжинѣ прожились, а паче для наступившей Страстной недѣли, что многіе изъ нихъ не говѣли, какъ полномочіе депутату не подписали, такъ и въ сочиненіе наказа не вступили»; къ тому же шляхтичи заявляли, «что и въ другихъ мѣстахъ также собранія для наказовъ отсрочены и что они крайне жить въ Нѣжинѣ болѣе не могутъ, а положили они сами собою срокъ съѣзда въ Нѣжинъ въ (черезъ) мѣсяцъ». Хозяйственныя и религіозныя соображенія рѣшительно брали такимъ образомъ перевѣсъ надъ интересомъ къ общественнымъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ Тернавіотъ счелъ нужнымъ доложить о желаніяхъ шляхетства Нѣжинскому полковнику, какимъ былъ на ту пору Разумовскій, и лишь когда отъ послѣдняго получено было имъ дозволеніе на отсрочку занятій шляхетства и объявлено было собранію, шляхтичи дѣйствительно разъѣхались. Генералъ-губернаторъ Румянцевъ, повидимому, тоже ничего не имѣлъ противъ такой отсрочки и по крайней мѣрѣ не протестовалъ противъ нея. Въ дѣйствительности, получивъ уже нѣкоторыя

1) Изъ втораго рапорта Тернавіота Румянцеву (отъ 28 мая 1767 г.), представленнаго Мал. Коллегіей въ военный судъ, дѣло М. А. М. Ю, № 102.

2) Объ его участіи въ этихъ собраніяхъ говоритъ Тернавіотъ въ своемъ второмъ рапортѣ; въ этомъ избраніи принимало участіе 72 человѣка, Лазар., с. 37.

3) Первый рапортъ его Румянцеву въ дѣлѣ М. А. М. Ю, № 102.

свѣдѣнія относительно настроенія собиравшихся въ Нѣжинѣ шляхтичей, онъ задумалъ воспользоваться сею въ своихъ цѣляхъ. Генералъ-губернаторъ, въ тотъ самый моментъ, когда императрица приглашала всѣхъ своихъ подданныхъ высказать откровенно ихъ нужды и желанія передъ верховною властью, провозглашавшій въ Малороссіи во всеуслышаніе непреложное правило, что «прошеніе, затрудняющее вышнее начальство, есть, конечно, преступленіе, которое заслуживаетъ наказаніе[1])», не могъ быть доволенъ настроеніемъ умовъ въ Нѣжинѣ, гдѣ именно собрались было «затруднять вышнее начальство». Неизвѣстно, путемъ ли угрозъ или увѣщаній, но только Румянцевъ успѣлъ за тотъ мѣсяцъ, на который Нѣжинское и Батуринское шляхетство устроило себѣ своего рода каникулы, отвлечь Селецкаго отъ плановъ его земляковъ и вступить съ нимъ въ нѣкоторое соглашеніе. Въ чемъ оно заключалось и какія послѣдствія повлекло за собою, мы еще увидимъ. Между тѣмъ шляхетство, ничего еще не подозрѣвая, къ 28 апрѣля вновь собралось въ Нѣжинъ и приступило къ составленію наказа. Набросанныя ранѣе предварительныя записки были переданы лицамъ, избраннымъ для редакціи наказа, и послѣдніе занялись этимъ трудомъ. Но теперь выраженныхъ въ этихъ запискахъ желаній казалось уже недостаточно шляхтичамъ и они рѣшили прибавить къ нимъ еще одно, о которомъ ранѣе, повидимому, не было рѣчи, но которое стояло въ связи съ общимъ духомъ составляемаго наказа. Терпавіотъ разсказывалъ впослѣдствіи[2]) такую сцену: 30 апрѣля, передъ вечеромъ, пришелъ онъ въ за̀мокъ, въ помѣщеніе, служившее прежде квартирой Нѣжинскихъ комендантовъ, гдѣ въ это время засѣдали выбранныя для составленія наказа лица и «усмотрѣлъ тамо все собранное шляхетство, и когда я спросилъ тѣхъ сочинителей, зачѣмъ все собраніе сошлось, яко тогда въ нихъ надобности не находилось до окончанія сочиненія наказовъ, то оные сочинители пять человѣкъ объявили мнѣ, что оное шляхетство пришли къ нимъ съ требованіемъ тѣмъ, чтобъ внесть въ наказъ пунктъ съ прошеніемъ о дозволеніи выбрать гетмана, и по тому ихъ объявленію я, вышедши въ прихожую комнату къ обществу, спрося ихъ, для чего оные собрались, то оии объявили тожъ, что пришли съ требованіемъ къ нимъ сочинителямъ, чтобъ пунктъ съ прошеніемъ внесли въ наказѣ и о гетманѣ, и хотя я имъ совѣтовалъ, чтобъ оии тотъ пунктъ отставили, но, не пріемля того моего совѣту, какъ все собранное шляхетство, такъ и сочинители пять человѣкъ наказовъ всѣ обще объявили мнѣ, что имъ тотъ пунктъ потребенъ и оии того желаютъ и просятъ». Такъ этотъ пунктъ и былъ включенъ въ наказъ, внесенный вслѣдъ затѣмъ на разсмотрѣніе общаго собранія шляхет-

1) Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 5, отд. III, с. 117.

2) Его второй рапортъ Румянцеву, въ дѣлѣ М. А. М. Ю, № 102.

ства. Но здѣсь послѣднее ожидалъ совершенно внезапный для него сюрпризъ. Когда прочитанъ былъ составленный выборными отъ шляхетства наказъ, Селецкій не согласился съ нимъ и потребовалъ, чтобы земскій писарь Паскевичъ прочиталъ другой проектъ наказа, имъ, Селецкимъ, составленный. Когда же это было исполнено, онъ рѣшительно заявилъ: «буде вы на моихъ (наказахъ) не подпишитеся, то я вашъ не депутатъ и съ вашими наказами въ Москву не ѣду, потому что мнѣ стыдно ихъ будетъ показать».[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предъявлялъ такое требованіе: «дайте мнѣ такіе наказы, какіе учинены и въ Черниговскомъ полку».[2]) Такого рода требованія были поддержаны лицами, не имѣвшими собственно и права присутствовать на собраніи мѣстнаго шляхетства, такъ какъ они не принадлежали къ его составу, бунч. тов. Безбородкомъ и исправлявшимъ должность секретаря Малороссійской Коллегіи канцеляристомъ Завадовскимъ, прибывшими въ Нѣжинъ, очевидно, по спеціальному порученію Румянцева.[3]) Нужно припомнить, что такое былъ Черниговскій наказъ, чтобы понять весь смыслъ требованія, предъявлявшагося такимъ образомъ. Составленный Безбородкомъ, онъ заключалъ въ себѣ рѣзкое осужденіе порядковъ старой гетманщины и желаніе скорѣйшаго и полнаго уравненія Малороссіи съ остальными частями имперіи. Замѣнять такою программою программу, въ которой отстаиваніе автономныхъ правъ доходило до требованія права выбора гетмана, значило желать, чтобы шляхетство сразу радикально измѣнило свой образъ мыслей и свое политическое настроеніе. Угрожающая обстановка, въ какой проявлялось такое требованіе, присутствіе на собраніи Румянцевскихъ чиновниковъ, не подѣйствовали на шляхетство. Въ горячемъ спорѣ, какой поднялся по поводу предложенія Селецкаго, масса собравшихся высказалась противъ него и настаивала на составленномъ выборными наказѣ. Поведеніе Селецкаго возбудило противъ него негодованіе и подозрѣнія. Одинъ изъ участниковъ собранія и составителей наказа, подкоморій Гр. Долинскій, высказалъ мысль, что ему «сумнительно оную челобитную поручить», и эта мысль нашла себѣ общую поддержку [4]). Тогда Селецкій ушелъ, объявивъ, что отказывается отъ званія депутата. Оставшись безъ представителя, шляхетство приступило къ предводителю своему съ

---

1) Показаніе Григоровскаго на военномъ судѣ, дѣло № 102, л. 81—2.

2) Показаніе Фед. Кониссniго, тамже, л. 74. То же показывали и другіе, напр. Стожко (л. 75) и Лахневичъ (л. 78).

3) О присутствіи на собраніи этихъ лицъ и о поддержкѣ, оказанной ими Селецкому, говорится въ приведенной у г. Лазаревскаго жалобѣ шляхетства. Судебныя дѣла молчатъ объ этомъ обстоятельствѣ. Объясненіе такого молчанія заключается, можетъ быть, въ другомъ пунктѣ жалобы, что судьи не писали въ допросы того, что служило къ оправданію подсудимыхъ.

4) Показаніе Забѣлы, дѣло военнаго суда, № 102, л. 86.

просьбой о дозволеніи выбрать новаго депутата. Тернавіотъ сначала предлагалъ обратиться съ просьбой о разрѣшеніи новыхъ выборовъ къ Румянцеву, который, какъ онъ слышалъ, долженъ былъ въ это время находиться около Нѣжина, но когда оказалось, что этотъ слухъ невѣренъ, далъ свое согласіе подъ условіемъ, чтобы шляхетство представило ему письменную просьбу объ этомъ. Такая просьба была дѣйствительно составлена земскимъ писаремъ Щигловскимъ при участіи полк. пис. Почеки и подк. Жураковскаго. Въ ней говорилось, что Селецкій не можетъ быть депутатомъ отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства, такъ какъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ умахъ всѣхъ избирателей своими дѣйствіями: онъ требовалъ выдачи ему особой суммы денегъ на поѣздку въ Москву и на жизнь въ этомъ городѣ; онъ сперва участвовалъ въ составленіи общаго наказа, а потомъ отступился отъ него и требовалъ принятія наказа, имъ однимъ сочиненнаго. За этимъ въ черновикѣ просьбы слѣдовала любопытная фраза, потомъ вычеркнутая: Селецкій, жаловалось шляхетство, угрожалъ, «что буде мы не окажемъ на тотъ въ полку Черниговскомъ сочиненной наказъ согласія, то всѣ обще будемъ мужиками и вольности въ промыслахъ винокурныхъ и другихъ не имѣтимемъ» [1]). Въ возбужденномъ собраніи шли между прочимъ рѣчи о томъ, чтобы просить о соединеніи Нѣжинскаго уѣзда, вѣроятно вмѣстѣ съ остальной Малороссіей, съ Запорожской Сѣчью подъ одною гетманскою властью [2]). На второй или на третій день послѣ отказа Селецкаго отъ депутатства состоялись новые выборы и 55 присутствовавшихъ шляхтичей избрали своимъ депутатомъ Григ. Долинскаго, подписавъ вмѣстѣ съ тѣмъ составленный имъ съ четырьмя названными выше товарищами наказъ и полномочіе на его имя [3]); шесть же человѣкъ не согласились съ общимъ наказомъ и подписали наказъ Селецкаго, но, передавъ было его предводителю Тернавіоту, затѣмъ взяли у него обратно. При такомъ положеніи дѣлъ Тернавіотъ, вѣроятно, предвидя уже возможность новыхъ осложненій, хотя и передалъ Долинскому наказъ и полномочіе, но предупредилъ его, чтобы онъ до распоряженія Румянцева

---

1) Тамже, л. 172.

2) Эти рѣчи особенно взволновали Румянцева и онъ старательно допытывался у Тернавіота, кто ихъ велъ, требуя отвѣта, «кто особливо проектовалъ соединять Нѣжинской уѣздъ съ Сѣчью Запорожскою, которая никогда быть подъ гетманомъ не хотѣла, толь меньше въ выборахъ ихъ участвовала, и не было ль писано о томъ въ Сѣчь или предлагаемо, чтобъ писать.» Тамже, ордеръ Румянцева отъ 9 мая. Что нѣчто подобное было дѣйствительно, можно заключить изъ того, что Тернавіотъ рѣшительнымъ отрицаніемъ отвѣчалъ только на вторую часть вопроса: «чтобъ подъ предводителствомъ моимъ кто писалъ въ Сѣчь Запорожскую или предлагалъ писать, я о томъ не слыхалъ и не бывало», — тамже, рапортъ его отъ 28 мая.

3) Страннымъ образомъ показанія насчетъ времени расходятся: Конисскій показывалъ, что выборъ Долинскаго произведенъ былъ на другой день послѣ отказа Селецкаго (тамже, л. 74), Яновичъ и Григоровскій — что на третій (лл. 80 и 82).

«въ надлежащее мѣсто не ѣхалъ»[1]). Эти осложненія не заставили себя ожидать. Получивъ извѣщеніе о томъ, что произошло въ Нѣжинѣ, отъ полковника Разумовскаго, Румянцевъ уже 5 мая отправилъ Тернавіоту грозный ордеръ: ставя предводителю на видъ нарушеніе «обрядовъ», выразившееся въ томъ, что шляхетство до окончанія дѣла выборовъ разъѣхалось на мѣсяцъ по домамъ, и указывая на то, что второй выборъ шляхетство произвело, «наруша свою присягу», онъ продолжалъ: «я, какъ сей второй выборъ послѣдовалъ незаконно и не ото всего шляхетства, а только отъ нѣкоторыхъ и не бывшихъ при первомъ собраніи, симъ кассирую, рекомендуя вамъ въ отправленіи перваго депутата въ повелѣнное мѣсто непремѣнно поступить по содержанію манифеста и обрядовъ, а шляхетству, кои съ первымъ выборомъ не соглашаются, объявить, чтобъ они свои доказательства, какихъ ради причинъ господинъ Селецкій депутатомъ быть не можетъ, предъявили, гдѣ заблагоразсудятъ». Напрасно Тернавіотъ пытался объяснить дѣло и доказать свою правоту, скромно выставляя на видъ Румянцеву, что шляхетство не желаетъ имѣть Селецкаго своимъ депутатомъ. Никакихъ оправданій Румянцевъ не принималъ. Уже 9 мая онъ послалъ Тернавіоту новый ордеръ, въ которомъ своимъ путанымъ, тяжелымъ слогомъ упрекалъ шляхетство въ томъ, что они «изъ единаго малодушія и того только ради, что Селецкій, доброжелая соземству своему, отсовѣтывалъ нѣкоторые для уѣзда Нѣжинскаго дворянъ не касающіеся и прямо ихъ благосостоянію вредившіе пункты въ наказъ не вносить, по предложенію нѣкоторыхъ глупыхъ и не знавшихъ себя, не токмо добра отчизны, и не понимая ни силы, ни долгу всего манифеста и обряда, и не чувствуя вовсе нимало толикихъ благодѣяній и безпримѣрной матерней милости Ея И. В-ва, а затѣявъ резонъ, являющій страстный и всѣмъ таковымъ свойственный порокъ сребролюбія, будто бы онъ, Селецкій, безъ дачи ему отъ общества на его содержаніе денегъ, также если они и наказа таковаго, какого онъ согласного съ Черниговскимъ требовалъ, не напишутъ, ѣхать въ Москву не хотѣлъ, сами собою его отрѣшили, а выбрали другаго». Генералъ-губернаторъ находилъ, что всѣ предъявленные ему Тернавіотомъ «резоны прямо суть безотвѣтные, а выборъ сдѣланный самъ собою уничтожается». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ отъ Тернавіота донесенія, «кто былъ первый предлагатель всего сего наказа», подъ страхомъ строгой отвѣтственности за утайку, «чего, продолжалъ онъ, я однако отъ васъ, какъ честію штабъ-офицерскою почтеннаго, не ожидаю, но напротиву, что вы о всемъ происходившемъ, о чемъ можетъ быть и не писано, въ доказательство вашей вѣрности и усердія увѣдомить съ симъ нарочнымъ не оставите».

---

1) Тамже, первый рапортъ Тернавіота Румянцеву.

Предводитель однако не счелъ, должно быть, исполненіе этого требованія вполнѣ совмѣстнымъ съ «штабъ-офицерскою честью» и предпочелъ, не отвѣчая на щекотливый вопросъ, просить объ отставкѣ отъ предводительской должности за болѣзнью. Отвѣчая на эту просьбу, Румянцевъ въ ордерѣ отъ 16 мая писалъ ему: «что жь принадлежитъ до увольненія васъ отъ предводительства, то какъ вы всѣмъ шляхетствомъ въ сіе званіе выбраны, слѣдовательно и надлежитъ вамъ, показавъ имъ о своихъ ко мнѣ прописываемыхъ болѣзняхъ и о прочихъ по обстоятельствамъ вашимъ препятствіяхъ, коихъ ради вы сей трудной должности исправлять себя не въ силахъ находите, просить ихъ согласія на выборъ другаго предводителя, на который по 29-му пункту обряда имъ поступить не воспрещается». Шляхетству, за которымъ отрицалось право выбрать новаго депутата на мѣсто не сошедшагося во взглядахъ со своими избирателями, не возбранялось такимъ образомъ выбрать новаго предводителя. Но правителю Малороссіи было не до того, чтобы считаться съ логикой. Въ томъ же самомъ ордерѣ онъ сообщалъ, что депутатомъ отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства въ коммиссію долженъ отправиться Селецкій, который съ момента своего избранія находится «подъ единственною Ея И. В-ва всемилостивѣйшею протекціею» и потому никѣмъ не можетъ быть лишенъ депутатскаго званія, и что онъ повезетъ съ собою наказъ «за руками тѣхъ, кои отъ прежняго своего безпристрастнаго выбора не отступали». Въ заключеніе Румянцевъ упрекалъ Тернавіота, что тотъ не отвѣтилъ на его вопросы и вновь повторялъ: «ожидаю отъ васъ, яко отъ особы, всѣмъ обществомъ на сіе признанной и высокимъ Ея И. В-ва манифестомъ и всего дѣла обрядами опредѣленной, лучшаго старанія и прямаго о семъ увѣдомленія такъ, какъ вамъ честь ваша, которой въ васъ я совершенно надѣюсь, лучше скажетъ; въ противномъ случаѣ все то причтено будетъ одному вамъ и вы понесете перваго всему тому зачинщика и сочинителя». Тутъ же Румянцевъ сообщалъ, что объ произведшихъ второй выборъ депутата онъ донесъ въ сенатъ и ожидаетъ сенатской резолюціи. Но надеждъ Румянцева Тернавіотъ такъ-таки и не оправдалъ, хотя не былъ затѣмъ привлеченъ и къ начавшемуся дѣлу, такъ какъ Румянцевъ «засвидѣтельствовалъ» передъ сенатомъ, что «преступленіе его не отъ вымыслу, но отъ одной простоты произошло»[1]). Что вызвало такую милость, сказать трудно: быть можетъ, дѣйствительное сознаніе его непричастности къ дѣлу, быть можетъ, соображеніе, что человѣка съ его чиномъ не совсѣмъ удобно втягивать въ задумывавшуюся игру.

Тѣмъ временемъ, какъ шла эта переписка между генералъ-губернаторомъ и предводителемъ шляхетства, въ Нѣжинѣ происходили новыя со-

1) Чтенія въ ист. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 5, отд. III, с. 116.

бытія. Получивъ рѣшительный приказъ Румянцева о кассаціи выборовъ Долинскаго и о признаніи депутатомъ Селецкаго, Тернавіотъ, согласно генералъ-губернаторскимъ инструкціямъ, попытался нѣсколько легализировать принятый дѣломъ оборотъ и съ этою цѣлью созвалъ для выслушанія Румянцевскаго приказа новое собраніе шляхетства. Но послѣднее, почуявъ бурю и не желая вмѣстѣ итти на уступки, предпочло укрыться отъ нея и изъ пятидесяти пяти лицъ, участвовавшихъ въ избраніи Долинскаго, на новое собраніе явилось только шестнадцать[1]). Такою формою пассивнаго протеста дѣло однако не могло быть исчерпано, такъ какъ собраніе все-таки состоялось. Но и оно не привело къ желательнымъ для властей результатамъ. Когда собравшемуся шляхетству объявленъ былъ 15 мая[2]) приказъ Румянцева, полк. пис. Почека потребовалъ для прочтенія наказъ Селецкаго, но единомышленники послѣдняго, подсудокъ Левицкій, сотникъ Сердюковъ и прочіе[3]), объявили, «что оного наказа уже у нихъ нѣтъ, а отосланъ въ Глуховъ»[4]). Шляхетство въ свою очередь заявило, что оно не можетъ подписываться на полномочіи депутату, самый наказъ котораго ему неизвѣстенъ, и собраніе было такимъ образомъ сорвано. 28 мая Тернавіотъ рапортовалъ Румянцеву, что 16 числа этого мѣсяца онъ получилъ отъ шести человѣкъ шляхетства, бывшихъ съ самаго начала на сторонѣ Селецкаго, подписанное ими полномочіе послѣднему, а 26 числа и наказъ, на которомъ 27 мая подписался еще одинъ сотникъ, и испрашивалъ повелѣнія, отправлять ли Селецкаго съ такимъ наказомъ и полномочіемъ[5]). Тогда-то въ конецъ выведенный изъ себя Румянцевъ рѣшился добиться «сатисфакціи» надъ непокорнымъ шляхетствомъ. 5 іюня онъ далъ ордеръ Малороссійской Коллегіи, сообщая, что имъ приказано Селецкаго съ его наказомъ отправить въ Правительствующій Сенатъ, а всѣ участвовавшіе во второмъ выборѣ депутата отрѣшены отъ земскихъ и военныхъ должностей, занимавшихся ими, причемъ «о поступленіи съ ними по законамъ» представлено въ Сенатъ же. Законы подобнаго казуса, правда, не предусматривали, но Правительствующій Сенатъ «въ охраненіе съ званіемъ генералъ-губерна-

---

1) Впослѣдствіи, на военномъ судѣ оказалось, что большинство шляхтичей были или больны или такъ заняты, что не могли попасть на 15 мая въ Нѣжинъ. Троцкій показывалъ, что онъ во время этого собранія былъ боленъ и жилъ въ с. Новыхъ Млинахъ; Пагуновъ— лежалъ больнымъ въ с. Плискахъ Борзенской сотни, Григоровичъ — отправлялъ въ Батуринѣ должность земскаго судьи и не могъ къ сроку прибыть въ Нѣжинъ, Кленусъ—жилъ въ Борзнѣ, уѣзжая по своимъ дѣламъ въ Прилуки и Лубны, Армашевскій — былъ въ отлучкѣ въ Черниговскомъ полку, Яновичъ — не могъ быть по дѣламъ службы, и т. д. — дѣло военн. суда, № 102, лл. 62, 64, 68, 70, 72, 80 и слѣд.

2) День этотъ означенъ въ показаніи Лахневича, тамже, л. 78.

3) Именъ этихъ «прочихъ» нѣтъ въ документахъ; ясно только, что это тѣ 4 человѣка, которые вмѣстѣ съ двумя названными въ текстѣ и на первомъ собраніи стояли за Селецкаго.

4) Показаніе Почеки на военномъ судѣ, дѣло № 102, л. 62.

5) Рапортъ его въ дѣлѣ № 102.

тора связанной власти» рѣшилъ оказать Румянцеву сатисфакцію «въ сихъ явныхъ ему оказанныхъ ослушаніяхъ» и, пойдя на встрѣчу его представленіямъ, постановилъ «первой сихъ повѣтовъ выборъ депутата Селецкаго подтвердить, похваля притомъ его и согласныхъ съ нимъ владѣльцевъ усердіе», предводителя Терпавіота въ виду его «простоты» отрѣшить отъ должности, а участниковъ избранія Долинскаго отослать «воинскихъ на воинской, а гражданскихъ и не служащихъ на гражданской судъ, которымъ велѣть, надъ виновными заключа сентенціи, подать въ Малороссійскую Коллегію, а оной, разсмотря, съ своимъ мнѣніемъ представить Сенату»[1]). Указъ этотъ полученъ былъ въ Глуховѣ 31 іюля[2]), но уже ранѣе этого полученія разнеслись слухи о его вѣроятномъ содержаніи и подъ вліяніемъ такихъ слуховъ, равно какъ принятой уже Румянцевымъ мѣры отрѣшенія отъ должностей, среди шляхетства, понявшаго, что генералъ-губернаторъ не намѣренъ церемониться въ дѣлѣ выбора средствъ для усмиренія ослушниковъ своей воли, стало проявляться обратное движеніе. Приподнятое настроеніе, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ участниковъ Нѣжинскихъ выборовъ, быстро смѣнилось упадкомъ духа и въ концѣ іюня къ Румянцеву поступили просьбы о прощеніи отъ шести лицъ, — Як. Почеки, Ив. Армашевскаго, Ив. Григоровскаго, Як. Володковскаго и компанейскихъ сотниковъ Карпа Забѣлы и Якима Демидовскаго[3]); изъ этихъ шести человѣкъ одинъ — Почека, несомнѣнно, былъ въ числѣ наиболѣе видныхъ руководителей всего предшествовавшаго движенія. Запоздавшаго раскаянія разгнѣванный генералъ-губернаторъ, однако, не принималъ, равно какъ не хотѣлъ онъ слышать и никакихъ оправданій, и просьбы эти были лишь переданы имъ впослѣдствіи въ военный судъ, который точно также не обратилъ на нихъ никакого вниманія, пріобщивъ лишь ихъ къ своему дѣлопроизводству, должно быть, въ качествѣ свидѣтельства для потомства. 2 августа по указу Малороссійской Коллегіи въ Глуховѣ назначенъ былъ военный судъ, которому предавались не только бунчуковые товарищи, полковые писарь, аса-

1) Чтенія въ ист. общ. Нестора, кн. 5, отд. III, с. 111—112 и 115—116.

2) Въ «Чтеніяхъ» на немъ стоитъ дата 31 іюля, но такъ какъ на основаніи его Мал. Коллегія уже 2 августа издала указъ объ учрежденіи военнаго суда, то надо думать, что эта дата проставлена въ Коллегіи, означая день прибытія указа.

3) Почека писалъ: «яко то не умышленно, но единственно ошибкою учинено, того ради ... всенижайше прошу погрѣшность свою вамъ съ особливаго вашего сіятельства природнаго великодушія милостиво простить и прежнюю довѣренность пожаловать и первому депутату полномочіе и наказъ подписать дозволить». Точно также мотивировалъ свою просьбу Григоровскій. Армашевскій просилъ исключить его изъ списка виновныхъ въ ослушаніи лицъ, «яко я для выбору депутата въ присягѣ не былъ, къ тому жъ кромѣ челобитной ни на чемъ не подписывался, и при баллотированіи на второго депутата не былъ и согласія на то не имѣлъ». Забѣла и Демидовскій, повторяя тѣ же доводы, что̀ и Армашевскій, прибавляли, что они согласны подписаться на перваго депутата — Селецкаго. Всѣ эти просьбы помѣчены 27 іюня, см. дѣло № 102, лл. 32—35.

улы и хоружіе, сотники, войсковые и значковые товарищи, но и отставной капитанъ (Пагуновъ), вѣроятно, по тому соображенію, что онъ прежде служилъ въ военной службѣ. Презусомъ военнаго суда назначенъ былъ полковникъ кн. Хованскій, ассессорами Прилуцкій полковой судья Александровичъ, Стародубовскій полк. асаулъ Панковскій, Глуховскій сотникъ Уманецъ, войск. товарищи Іос. Чуйкевичъ и Лихошерстовъ и компанейскій сотникъ Левъ Порохненскій, а аудитора Коллегія рѣшила «истребовать отъ походной его сіятельства канцеляріи». Подкоморіи, земскій писарь, войсковые канцеляристы и возные, всего 18 человѣкъ, были преданы гражданскому суду. Впослѣдствіи обвиняемые жаловались на дѣйствія обоихъ судовъ, ихъ несправедливость и притѣсненія[1]). Но даже и безъ этихъ жалобъ одного дѣлопроизводства суда вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что судебное слѣдствіе и приговоръ явились въ данномъ случаѣ лишь не совсѣмъ подходящею формою для прикрытія начальственнаго произвола. 4 августа открылись засѣданія военнаго суда. Чтобы получить понятіе о дѣлѣ, подлежавшемъ его разбору, онъ рѣшилъ затребовать отъ Мал. Коллегіи «данныхъ отъ его сіятельства повелѣніевъ, противъ коихъ ослушны явились» подсудимые, и вмѣстѣ постановилъ допросить послѣднихъ, не имѣютъ ли они неудовольствія па составъ суда. Въ тотъ же день подсудимые заявили свое довольство и судьи принесли присягу. Но судъ еще не начинался, такъ какъ не всѣ подсудимые были на лицо. Къ 7 августа еще не явились значковые товарищи Ив. Медовникъ, Сид. Черный и Пав. Полишко, о чемъ судъ и сообщилъ Коллегіи, распорядившейся вытребовать этихъ лицъ. Затѣмъ въ дѣйствіяхъ суда произошла новая задержка. Хованскій уже 11 августа просилъ объ увольненіи своемъ изъ состава суда за болѣзнью. Скоро онъ и умеръ, а новымъ презусомъ Румянцевъ назначилъ полковника Ростовскаго карабинернаго полка фонъ-Зитмана. Одновременно съ этимъ измѣнился и составъ ассессоровъ, и 31 августа судъ въ обновленномъ составѣ приступилъ наконецъ къ своимъ занятіямъ, начавъ допросъ подсудимыхъ. Отъ открытія суда до дѣйствительнаго начала его занятій прошелъ такимъ образомъ цѣлый мѣсяцъ. Приступая къ допросу подсудимыхъ, судъ поставилъ имъ восемь вопросныхъ пунктовъ, изъ которыхъ пять носили, впрочемъ, формальный характеръ. Изъ нихъ стоитъ отмѣтить лишь второй вопросъ: «знаешь ли военный артикулъ», на который всѣ подсудимые дали почти буквально одинъ и тотъ же отвѣтъ: «права и указы и за что какой штрафъ чинится, знаю, а военной артикулъ не знаю, потому

---

1) См. эти жалобы у Лазаревскаго, стр. 41. Подсудимые обвиняли судъ въ пристрастіи, заявляя, будто судьи не записывали въ допросы всѣхъ показаній, а исключали изъ нихъ то, что могло служить къ оправданію подсудимыхъ, и затѣмъ насильственными мѣрами принуждали подписываться на составленныхъ такимъ образомъ допросахъ.

что никогда не читалъ». Къ существу дѣла относились лишь пятый, шестой и седьмой вопросы. Въ пятомъ обвиняемыхъ спрашивали, были ли они при первомъ выборѣ депутата, по шестому каждый изъ нихъ долженъ былъ отвѣтить, «какія имѣлъ причины и намѣреніе первой тотъ выборъ отставить, а ко второму приступить», по седьмому, — «для чего ты противъ его сіятельства повелѣнія и увѣщеванія своего генералъ-губернатора ослушнымъ и неисполнителемъ сдѣлался и кто первой какъ при томъ ослушаніи, такъ и при выборѣ втораго депутата въ сочиненіи наказа предлагатель былъ». Обвиненіе группировалось, стало быть, на двухъ пунктахъ — выборѣ втораго депутата и неисполненіи приказа Румянцева о возстановленіи полномочій Селецкаго, и въ обоихъ случаяхъ судебное слѣдствіе стремилось открыть зачинщиковъ. Обвиняемые усвоили себѣ такую тактику защиты. Они объясняли, что необходимость избранія втораго депутата создана была самимъ Селецкимъ, и затѣмъ въ большинствѣ не указывали ничьей частной инициативы въ дѣлѣ выбора втораго депутата, выражаясь по этому поводу неопредѣленно: «просили все общество, въ томъ числѣ и я», и отзываясь, что «предлагателей» не примѣтили[1]). Часть же ихъ указывала «предлагателей» въ лицѣ авторовъ наказа. Инициаторами наказа уже большинство прямо называло пятерыхъ его составителей. Трудно сказать, было ли это естественнымъ послѣдствіемъ положенія послѣднихъ, какъ выборныхъ представителей шляхетства, положенія, до нѣкоторой степени слагавшаго съ нихъ отвѣтственность обратно на массу избирателей, или же тутъ проявилось своего рода малодушное предательство. Едва ли не вѣрнѣе будетъ первое объясненіе, хотя въ то же время по деталямъ дѣла видно, что именно эти пять человѣкъ, вмѣстѣ, правда, съ немногими другими, и были истинными инициаторами и руководителями движенія шляхетства. Что касается послѣдняго, и самаго щекотливаго, вопроса относительно неисполненія приказа Румянцева, то на него большинство допрашиваемыхъ отвѣчало, что они не были на самомъ собраніи, гдѣ этотъ приказъ былъ объявленъ, и доказывало невозможность для себя присутствовать на немъ, кто болѣзнью, кто отлучкой, кто служебными дѣлами. Изъ бывшихъ же на собраніи большинство заявляло, что они готовы были исполнить приказаніе и съ этой цѣлью просили наказъ Селецкаго, но такъ какъ онъ не былъ представленъ имъ, то не на чемъ было и подписаться. Такъ не оказывалось не только состава преступленія, но и того ослушанія, которое Румянцевъ

1) Особенно комично вышло при этомъ оправданіе Почеки: «о выборѣ втораго депутата кто первый предлагатель былъ, упомнить не могу, ибо я въ то время выходилъ для своей надобности на дворъ, и когда возвратился въ собраніе, то мнѣ сказано было, что выбранный депутатъ Селецкій въ Москву не ѣдетъ и надо другаго, на что и я согласился», дѣло № 102, л. 62. Въ исторіи политическихъ процессовъ врядъ ли часто встрѣчаются подобныя оправданія.

возводилъ въ преступленіе. Только четыре человѣка нашли въ себѣ достаточно мужества, чтобы и передъ лицомъ военнаго суда не отказаться вполнѣ отъ своихъ убѣжденій и только двое изъ нихъ рѣшились высказать эти убѣжденія съ гордой прямотой[1]). Зато имъ и было въ сентенціи военнаго суда вмѣнено въ особое преступленіе, что они требовали наказа Селецкаго не для исполненія приказа подписать его, а для предварительнаго разсмотрѣнія[2]). Какъ и слѣдовало ожидать, военный судъ вполнѣ усвоилъ себѣ ту теорію генералъ-губернатора Малороссіи, согласно которой выборы депутатовъ въ Коммиссію и составленіе для нихъ наказовъ слѣдовало производить по правиламъ фронтовой дисциплины. Но особое преступленіе, усмотрѣнное судомъ въ поведеніи этихъ четырехъ обвиняемыхъ, не особенно, впрочемъ, отягчило ихъ участь по сравненію съ ихъ товарищами, равно какъ способъ защиты, избранный послѣдними, не очень много принесъ имъ пользы. Нѣкоторые изъ допрашиваемыхъ показали, что на послѣднемъ собраніи имъ предлагали для подписи полномочіе Селецкому, но они отказались подписать его. Судьи немедленно поставили всѣмъ остальнымъ вопросъ, отчего они не подписали депутатскаго полномочія, которое было на лицо и имъ предлагалось, и почему утаили это обстоятельство на судѣ. Тѣ отвѣчали, что не показывали объ этомъ на судѣ потому, что ихъ не спрашивали, а не подписали полномочія потому, что не видѣли съ нимъ наказа. Но ослушаніе было уже констатировано и рѣшеніе дѣла не заставило себя ждать. Приговоръ военнаго суда, подписанный 2 ноября 1767 г., постановилъ: 16 человѣкъ, бывшихъ на собраніи при объявленіи приказа генералъ-губернатора о возстановленіи депутатскихъ полномочій Селецкаго и не исполнившихъ этого приказа[3]), «равно и тѣхъ, которые въ согласіи съ ними противъ повелѣнія его сіятельства упрямство учинить отважились», въ количествѣ 17 человѣкъ, на основаніи Морскаго Устава 5 книги 9 арт. и Воинскаго Устава 27 арт., «лишить живота», и впредь до исполненія этого приговора, на основаніи Воинскаго Устава 50 гл. 3 пункта, аресто-

1) Это были именно Ф. Конисскій, П. Жураковскій, Весинскій и Стожко. Первый заявилъ, что, еслибы наказъ Селецкаго былъ на лицо, онъ «по разсмотрѣнію можетъ быть и подписался бы»; второй, что при указанномъ условіи «по разсмотрѣнію его и всего общества, буде въ силу обрядовъ сочиненъ, то бъ оный и подписали»; Весинскій прямо заявилъ, что на наказѣ Селецкаго не подписался, такъ какъ этотъ наказъ не правиленъ, сочиненъ не 5-ю выборными, какъ слѣдовало бы, да онъ и не знаетъ содержанія этого наказа; наконецъ Стожко, разсказавъ о собраніи 15 мая въ общемъ согласно съ Почекой, прибавилъ: «а когда бъ оный наказъ и былъ, то, если бъ сходенъ съ нашими, тогда бъ я и подписался, а буде не сходенъ, то такъ и остался бъ по прежнему».

2) Дѣло № 102, л. 238—239.

3) Эти 16 человѣкъ были: Як. Почека, Ф. Конискій, Дм. Стожко, Гр. Лахневичъ, Ив. Григоровскій, Як. Володковскій, П. Жураковскій, Ал. Костенецкій, Ив. Комашинскій, Ант. Клепусъ, Ив. Велентій, Ив. Медовникъ, Ив. Вирндарскій, П. Писаревскій, Ив. Весинскій, Андр. Голюнка.

вать, заковавъ въ желѣза; трехъ же обвиняемыхъ, войск. тов. П. Христіановича и значковыхъ товарищей Пант. Лободу и Вас. Дроздовскаго, лишить чиновъ и подвергнуть аресту безъ заковыванія въ кандалы [1]). Въ такомъ же духѣ велся процессъ и гражданскимъ судомъ, дѣлопроизводство котораго не дастъ уже, впрочемъ, никакихъ почти существенно новыхъ и важныхъ фактовъ сравнительно съ дѣломъ военнаго суда. Укажу одну лишь любопытную подробность этого процесса, вполнѣ подтверждающую жалобы подсудимыхъ: ихъ держали въ оковахъ еще до произнесенія приговора, почему Щигловскій, напр., отказывался даже итти къ допросу [2]). Въ концѣ концовъ гражданскій судъ, которымъ явился именно судъ генеральный, приговорилъ всѣхъ 18 судившихся въ немъ лицъ къ «вѣчной ссылкѣ». Когда это дѣло поступило на разсмотрѣніе Сената, то «сената третій департаментъ, разсматривая произведенныя слѣдствія о гражданскихъ чинахъ, нашелъ, что подведенные въ сентенціи генеральнаго суда законы приняты не въ прямой силѣ и къ сему дѣлу не приличны, и потому мнѣніемъ своимъ заключилъ, чтобъ приговоренныхъ къ вѣчной ссылкѣ, по точной силѣ книги Статута розд. 1, артик. 11, расковавъ, посадить въ тюрьму на шесть недѣль, а какъ власти учинили себя недостойными званія своего и должности, то лишить ихъ всѣхъ чиновъ и впредь къ дѣламъ не опредѣлять» [3]). Приговоръ военнаго суда, очевидно, тоже былъ кассированъ, и, по всей вѣроятности, Сенатомъ же, но чѣмъ онъ былъ замѣненъ, изъ данныхъ дѣлъ не видно; знаемъ только, что обвиняемые во всякомъ случаѣ 8 мѣсяцевъ просидѣли въ тюрьмѣ. Напрасно пытались они добиться оправданія путемъ жалобъ императрицѣ, въ которыхъ указывали на явно неправильное веденіе всего дѣла Румянцевымъ. Наконецъ и они поняли, что оправданія для нихъ не можетъ быть. 15 января 1770 года имп. Екатеринѣ доложенъ былъ «экстрактъ, учиненной изъ поданнаго Ея В-ву отъ малороссійскихъ шляхтичевъ, Гр. Долинскаго, Як. Почеки, Мих. Яновича, П. Жураковскаго, прошенія, въ которомъ написано: по обнародованіи высочайшего обряда выбрали они, Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ малороссійское шляхетство,

---

1) Позволю себѣ напомнить здѣсь статью Воинск. Уст., на которую ссылался судъ: «Буде офицеру или солдату въ Его В-ва службѣ отъ начальника своего что управить повелено будетъ, а онъ того изъ злости или упрямства не учинитъ, но тому нарочно и съ умысломъ противится будетъ, оный имѣетъ, хотя вышній, или нижній, всемѣрно живота лишенъ быть» (П. С. З., № 3006, Воинск. Уст., арт. 27). Снисхожденіе къ послѣднимъ тремъ лицамъ, несомнѣнно, объясняется тѣмъ, что они слѣдовали рецепту, который Румянцевъ старался внушить Тернавіоту, и говорили даже о томъ, о чемъ ихъ не спрашивали; такъ, Христіановичъ разсказывалъ, что обвиняемые, передъ отъѣздомъ въ Глуховъ, уговорились съѣхаться на дорогѣ у Великаго Яра, чтобы столковаться насчетъ своихъ показаній, и дѣйствительно собирались тамъ.

2) Дѣло гражд. суда, № 106, л. 48.

3) Изъ сенатскаго указа 25 янв. 1770 г. дѣло № 214.

состоящее изъ 54 человѣкъ, отъ себя депутата въ Коммиссію для сочиненія новаго Уложенія, но выбраннаго еще не дѣйствительнымъ почли депутатомъ, когда онъ отъ нихъ наказа принять не хотѣлъ, а сочинилъ свой безъ согласія ихъ, и потому выбранный отъ депутатства отказывался, а они на мѣсто его другаго выбрали и въ томъ по неразумѣнію своему правыми себя почитали, въ такомъ ихъ мнѣніи ежели бы могли они на то время отъ кого лучшій совѣтъ получить, никогда бы не сопротивились прямому толкованію обряда, но ни предводитель ихъ, ни они того по отдаленности своей не разумѣли и за то, какъ ослушники, наказаны осьмимѣсячнымъ заключеніемъ въ оковахъ и лишены всѣхъ чиновъ своихъ, просятъ изъ милосердія помилованія въ ихъ неумышленномъ преступленіи, *не приносятъ никакого оправданія*, и чтобъ имъ возвратить прежніе ихъ чины и должности». «Ея И. В-во на ономъ экстрактѣ собственною рукою подписать соизволила тако: Богъ проститъ», и затѣмъ въ силу послѣдовавшаго именнаго указа Сенату «Правительствующій Сенатъ приказали въ Малороссійскую Коллегію послать указъ и велѣть ей оный всемилостивѣйшій указъ помянутому шляхетству объявить и всѣ отобранные у нихъ чины и на оные патенты, универсалы и открытые ордеры имъ возвратить и по прежнему къ должностямъ ихъ опредѣлить, словомъ во всемъ ихъ въ прежнее состояніе возстановить»[1]). Получивъ этотъ указъ, подписанный въ Сенатѣ 25 янв. 1770 г., Малороссійская Коллегія, заслушавъ его въ засѣданіи 23 февраля, рѣшила призвать находившихся тогда въ Глуховѣ Почеку и Жураковскаго, прочесть имъ сенатскій указъ, возвратить чины и поручить имъ передать остальнымъ ихъ товарищамъ, чтобы они ѣхали въ Глуховъ. Это и было исполнено, но три лица, полк. ас. Занкевичъ, в. т. Ант. Кленусъ и зн. т. А. Голюнка, не смогли уже воспользоваться монаршею милостью, такъ какъ за это время они умерли. Таковъ былъ эпилогъ этого тяжелаго дѣла, являющагося любопытной страничкой изъ исторіи Екатерининской Коммиссіи и вмѣстѣ мрачнымъ памятникомъ грубаго административнаго произвола. Въ его свѣтѣ все же яснѣе выступаютъ нѣкоторыя черты первыхъ годовъ Екатерининскаго царствованія, тѣхъ годовъ, которые часто считаютъ временемъ по преимуществу либеральнаго правленія.

II. Заселеніе и землевладѣніе.

А. *Заселеніе.* Исторіи заселенія территоріи Нѣжинскаго полка въ книгѣ г. Лазаревскаго посвящены краткій историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Нѣжинскій полкъ, и масса мѣстъ при изложеніи исто-

1) Дѣло № 214, указъ Сената Мал. Коллегіи 25 янв. 1770 г.

ріи отдѣльныхъ поселеній, мѣстъ, въ которыхъ авторъ сообщаетъ свои свѣдѣнія и предположенія о времени и обстоятельствахъ возникновенія этихъ поселеній. Въ общемъ очеркѣ своемъ авторъ лишь подводитъ въ немногихъ словахъ итоги множества тѣхъ частныхъ эпизодовъ заселенія страны, которые разсѣяны по страницамъ его книги. Если въ тѣхъ частяхъ книги г. Лазаревскаго, о которой я говорилъ въ предшествовавшей части своего разбора, авторъ почти не имѣлъ предшественниковъ и наново пролагалъ путь изслѣдованія, то по исторіи заселенія края у него былъ такой предшественникъ въ лицѣ архіеп. Филарета Гумилевскаго, составившаго въ свое время «Описаніе Черниговской епархіи» (Черниговъ, 1873 г.), и мы можемъ, слѣдовательно, оцѣнить здѣсь результаты работы автора еще и путемъ сравненія ея съ трудомъ предыдущаго изслѣдователя. Книга г. Лазаревскаго чрезвычайно выигрываетъ при такомъ сравненіи: его «Описаніе» частью уничтожаетъ, частью замѣняетъ «Описаніе» его предшественника. Безчисленныя догадки и предположенія, переполняющія трудъ архіеп. Филарета и направленныя главнымъ образомъ къ тому, чтобы доказать древность нынѣ имѣющихся на данной территоріи поселеній и существованіе ихъ еще въ до-татарскую эпоху, эти догадки, въ высшей степени порою произвольныя и доходящія иногда до удивительной смѣлости въ выводахъ и сопоставленіяхъ, въ большей своей части совершенно разбиваются критикою г. Лазаревскаго, опирающеюся къ тому же на обильный новый матеріалъ. Произвольныя построенія преосв. Филарета у послѣдняго ученаго по большей части замѣнены неподлежащими сомнѣнію фактами и въ общемъ съ появленіемъ его книги исторія заселенія края пріобрѣтаетъ гораздо болѣе достовѣрный характеръ, нежели какой она имѣла въ трудѣ его предшественника. Дѣйствительно, въ основу этой части своей работы г. Лазаревскій положилъ разнообразный и цѣнный матеріалъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ непосредственно извлеченный имъ изъ источниковъ. Кругъ его печатныхъ источниковъ весьма широкъ: въ него входятъ и лѣтописи, и отдѣльные документы, разбросанные въ повременныхъ изданіяхъ, какъ Чернич. Губ. Вѣдомости, Кіевск. Старина, Чтенія Общ. Ист. и Древн., Чтенія въ ист. общ. Нестора, Памятная книжка Черниг. губ. и др., и актовый матеріалъ такихъ изданій, какъ Дворцовые Разряды и Разрядныя Книги, Акты Западной Россіи и Акты Ю. и З. Россіи, но особенно много свѣдѣній доставляютъ здѣсь автору описанія Малороссіи, произведенныя московскими переписчиками въ 1654 г. (А. Ю. З. Р., т. X) и въ 1666 г.[1]), и акты Румянцевской Описи, извлекае-

1) Часть этой переписи, составленной при передачѣ Брюховецкимъ малороссійскаго посполства въ вѣдѣніе московскихъ воеводъ, напечатана по документу Моск. Архива Мин. Юст. у Костомарова, Историч. монографіи и изслѣдованія, т. XV, Рунна, стр. 132—141.

мые имъ изъ составленнаго нѣкогда имъ же Обозрѣнія Рум. Описи по Нѣжинскому полку (Черниговъ, 1866, вып. 2-й). Далѣе, не ограничиваясь русскими источниками, авторъ нерѣдко пользуется и матеріаломъ источниковъ польскихъ, почерпая его какъ изъ малоизвѣстныхъ у насъ работъ польскихъ историковъ, такъ и непосредственно изъ изданій памятниковъ. Но все же особенно цѣнныя свѣдѣнія, на которыхъ и построена бо́льшая часть работы автора, доставляютъ ему источники неизданные. Въ ряду ихъ, несомнѣнно, на первое мѣсто слѣдуетъ поставить генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Нѣжинскомъ полку, произведенное въ 1729—1731 гг. и заключающее въ себѣ для массы поселеній болѣе или менѣе точныя данныя, относящіяся ко времени и обстоятельствамъ ихъ возникновенія. Многочисленные документы, принадлежащіе библіотекѣ самого автора и изученные имъ въ различныхъ архивахъ, какъ архивъ генеральной войсковой канцеляріи, собраніе монастырскихъ актовъ въ Черниговской Казенной Палатѣ, архивы Черниговскаго Дворянскаго Собранія и Кіевской Археографической Коммиссіи, даютъ ему возможность нерѣдко подтвердить показанія этого основнаго источника, генеральнаго слѣдствія, болѣе точными актовыми свидѣтельствами или же дополнить и исправить эти показанія.

Искусно группируя этотъ богатый и разнородный матеріалъ, находившійся въ его распоряженіи, А. М. Лазаревскій возстановляетъ, какъ я уже сказалъ, исторію заселенія края въ болѣе достовѣрныхъ чертахъ, нежели она была извѣстна раньше. Основныя положенія, къ которымъ онъ приходитъ и съ которыми въ общемъ ихъ видѣ трудно было бы не согласиться, имѣя передъ собою массу выдвинутыхъ авторомъ въ подкрѣпленіе ихъ частныхъ фактовъ, заключаются въ слѣдующемъ. Послѣ татарскаго нашествія мѣстность, впослѣдствіи образовавшая территорію Нѣжинскаго полка, совершенно запустѣла. Южная часть ея, къ югу отъ рѣкъ Сейма и Остра, повидимому, до XVII вѣка представляла собою полную пустыню. На сѣверъ отъ этихъ рѣкъ, въ лѣсистой части данной территоріи, посели-

---

Ею и пользуется г. Лазаревскій. Укажу здѣсь кстати, что въ томъ же архивѣ хранится другая часть этой описи, относящаяся къ территоріи Нѣжинскаго полка — къ сотнямъ Батуринской, Бахмацкой, Конотопской и Новомлинской, именно книга Малор. Приказа 7174 г., № 121. Полное ея заглавіе по описи: «Переписная наличная книга 7174 г. малороссійскимъ городамъ, какъ то Батурину, Бахмачу, Конотопу, Новымъ Млинамъ и городамъ, приписаннымъ къ г. Батурину, съ обозначеніемъ, сколько находится въ каждомъ изъ нихъ жителей разныхъ чиновъ служилыхъ и жилецкихъ людей, а также и въ принадлежащихъ къ нимъ селахъ, деревняхъ и слободахъ крестьянъ съ ихъ дѣтьми и родственниковъ, сколько у нихъ всякаго скота, хлѣбныхъ запасовъ, рыбныхъ ловель и всякихъ угодій, сколько собираютъ съ нихъ оброка, сколько платятъ податей и сколько находится въ городахъ и селеніяхъ разныхъ строеній и прочаго»; книга эта заключаетъ въ себѣ 758 маленькихъ листовъ.

нія существовали и ранѣе этого времени, особенно въ хорошо защищенныхъ природою мѣстахъ, но во всякомъ случаѣ количество ихъ было не особенно велико и болѣе значительные впослѣдствіи городки возникли здѣсь лишь позже. Наиболѣе же усиленное заселеніе всей этой территоріи происходило около второй четверти XVII вѣка, когда послѣ Деулинскаго перемирія поляками воздвигнутъ былъ на ней рядъ укрѣпленныхъ городковъ, подъ защитою которыхъ стали селиться и села. Около этого времени вновь заселился Нѣжинъ, ранѣе представлявшій изъ себя пустое «городище», и возникло большинство позднѣйшихъ сотенныхъ мѣстечекъ Нѣжинскаго полка, равно какъ и большое количество селъ. Затѣмъ, уже съ значительно меньшею интенсивностью, шло заселеніе края во второй половинѣ XVII-го и первой XVIII-го столѣтій. Рядъ тщательно собранныхъ авторомъ фактовъ позволилъ ему для многихъ поселеній впервые точно установить время ихъ возникновенія, относительно котораго въ литературѣ существовали до сихъ поръ неясныя или невѣрныя представленія, для другихъ — опредѣлить это время приблизительно, и такимъ путемъ, освободивъ въ немалой мѣрѣ исторію заселенія края отъ гаданій, вмѣстѣ внести въ нее весьма серьезныя поправки, выразившіяся въ указанныхъ общихъ его положеніяхъ. Чтобы обстоятельнѣе выяснить значеніе этой части труда г. Лазаревскаго, я остановлюсь еще на нѣкоторыхъ наиболѣе любопытныхъ изъ числа этихъ частныхъ фактовъ, обнаруженныхъ его изслѣдованіемъ.

Основываясь на сообщенномъ въ одной изъ старыхъ работъ Э. Руликовскаго свѣдѣніи, заимствованномъ этимъ польскимъ ученымъ изъ знаменитаго архива Росцишевскихъ, г. Лазаревскій окончательно опровергаетъ старую сказку объ основаніи г. Батурина Стефаномъ Баторіемъ, такъ распространенную до послѣдняго времени въ нашей литературѣ и повторявшуюся и въ литературѣ польской, гдѣ не было обращено вниманія на явившееся уже однажды болѣе точное свѣдѣніе. Батуринъ, изъ котораго лѣтописи и историки дѣлали то устроенную Баторіемъ столицу козаковъ, то мѣстопребываніе мнимаго «русскаго трибунала», въ дѣйствительности былъ поселенъ по королевскому порученію въ 1625 г. администраторомъ находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра имѣній п. Пясочинскаго, Матвѣемъ Стахорскимъ, очевидно, въ качествѣ пограничной крѣпости. Пясочинскимъ же вновь поселенъ былъ и Глуховъ, какъ доказываетъ это г. Лазаревскій, пользуясь показаніями старожиловъ, занесенными въ документъ начала XVIII вѣка, и отрывкомъ грамоты Владислава IV 1646 г. вдовѣ Пясочинскаго на м. Глуховъ, которую авторъ получилъ отъ П. М. Бѣлозерскаго и которая ведетъ свое происхожденіе, какъ онъ думаетъ, изъ того же архива Росцишевскихъ. Руководясь печатными польскими источниками, авторъ устанавливаетъ далѣе поселеніе г. Кролевца полякомъ Вышлемъ (с. 377 — 8),

на основаніи генеральнаго слѣдствія относитъ съ большою вѣроятностью къ этому же времени, — началу XVII вѣка—основаніе Воронежа (с. 345), а одинъ изъ актовъ, помѣщенныхъ въ Обозрѣніи Рум. Описи, даетъ ему возможность къ той же порѣ пріурочить и возникновеніе м. Веркіевки, поселенной Григоріемъ Веркіемъ Осишковскимъ (с. 117). Въ виду этихъ твердо установленныхъ авторомъ фактовъ довольно вѣроятными представляются и его догадки о поселеніи приблизительно въ это же время Борзны, Олишевки, Мрина. Большое количество аналогичныхъ фактовъ устанавливаетъ авторъ и въ исторіи отдѣльныхъ селъ, которой я уже не буду касаться. Источники не даютъ г. Лазаревскому достаточнаго матеріала для рѣшенія вопроса о томъ, откуда являлось населеніе, заполнявшее собою новые или возобновлявшіеся города и села. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ пополняетъ этотъ пробѣлъ путемъ соображеній, которыя во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. Таково, напримѣръ, остроумно обставленное предположеніе автора о поселеніи сс. Холмовъ, Краснаго-Става и Прачей въ Борзенской сотнѣ Нѣжинскаго полка малорусскими переселенцами изъ гг. Холма, Краснаго-Става и Парчова, находящихся въ нынѣшней Люблинской губерніи (с. 149—50), равно какъ сближеніе Батуринской Тростянки съ Люблинской (с. 276); такого рода сближенія тѣмъ болѣе имѣютъ вѣроятія, что авторъ въ подтвержденіе ихъ опирается на единичные, правда, но зато уже несомнѣнные факты существованія въ лѣвобережной Малороссіи въ XVII в. выходцевъ изъ Галиціи (с. 147, 149).

Значеніе собранныхъ такимъ образомъ г. Лазаревскимъ фактовъ и сдѣланныхъ имъ выводовъ для исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи врядъ ли требуетъ подробныхъ комментаріевъ. Несомнѣнно, и въ этой области къ сообщаемымъ въ ней фактамъ можно бы сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Немаловажный матеріалъ для такихъ дополненій долженъ заключаться, какъ указываетъ самъ авторъ, въ архивѣ Росцишевскихъ или Пѣсочинскаго, копіи съ актовъ котораго находятся нынѣ въ Варшавѣ, въ библіотекѣ Красинскихъ, а подлинники, повидимому, въ Львовскомъ музеѣ Оссолинскихъ: въ большой мѣрѣ, по всей вѣроятности, подобный матеріалъ могутъ доставить и акты Литовской Метрики, равно какъ указанная выше и оставшаяся неизвѣстной г. Лазаревскому неизданная часть переписи Нѣжинскаго полка въ 1666 г. Но возможность такихъ дополненій нимало не устраняетъ серьезной цѣнности произведенной уже работы. Внося въ науку большое количество остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными фактовъ и прочно устанавливая на основаніи ихъ нѣкоторыя общія положенія, она является значительнымъ шагомъ впередъ и можетъ сдѣлаться надежной исходной точкой для дальнѣйшаго труда.

Но если въ деталяхъ своихъ эта работа представляется, вообще го-

воря, тщательно и искусно выполненной, если общіе выводы ея автора являются прочно обоснованными, то имѣются въ изложеніи ея и такія частности, которыя способны вызвать сомнѣніе и споръ. Таковъ прежде всего одинъ изъ пріемовъ изложенія почтеннаго автора, — введеніе въ работу слишкомъ слабо обоснованныхъ предположеній. Г. Лазаревскій упрекаетъ, и совершенно справедливо, своего предшественника по описанію территоріи Нѣжинскаго полка, преосв. Филарета, въ переполненіи труда малоосновательными догадками; какъ я уже говорилъ, большую часть этихъ догадокъ онъ уничтожаетъ и замѣняетъ точными фактами. Въ то же время, однако, онъ самъ не свободенъ отъ этого недостатка, хотя далеко не поддается ему въ такой мѣрѣ и не доходитъ въ своихъ догадкахъ до тѣхъ предѣловъ, какъ его предшественникъ. Но онъ, такъ сказать, перегибаетъ дугу въ другую сторону, и если преосв. Филаретъ всякое современное село стремился найти въ Руси XII—XIII вв., то г. Лазаревскій нерѣдко ставитъ датой возникновенія поселенія XVII столѣтіе, когда для этого нѣтъ никакихъ или есть весьма слабыя основанія. Съ общими положеніями его, что въ XVI в. южная, степная часть территоріи Нѣжинскаго полка являлась почти незаселенной, а въ сѣверной—поселенія должны были главнымъ образомъ помѣщаться въ защищенныхъ природой мѣстностяхъ, можно легко согласиться, но эти положенія далеко еще не имѣютъ такого строго обязательнаго характера, чтобы примѣненіе ихъ къ каждому отдѣльному случаю не требовало особыхъ доказательствъ. Между тѣмъ авторъ какъ будто не замѣчаетъ этого и каждый разъ почти, какъ онъ находитъ село южнѣе Сейма и Остра или сѣвернѣе, но въ открытой мѣстности, онъ рѣшительно относитъ его возникновеніе къ XVII в. и наоборотъ, села, лежащія въ укрѣпленныхъ природой мѣстахъ, только по одному мѣстоположенію пріурочиваетъ къ XVI столѣтію, выражая притомъ подчасъ эти предположенія въ очень категорической формѣ. Такъ, напр., о с. Вересочи авторъ говоритъ еще въ предположительной формѣ, что, какъ «защищенная съ юга громаднымъ болотомъ, она можетъ быть поселена раньше XVI в.» (с. 95), а о с. Ковчинѣ уже инымъ тономъ замѣчаетъ: «по защищенному водою мѣстоположенію Ковчинъ поселенъ не позже XVI в.» (с. 96). Но вѣдь и въ XVII в., не говоря уже о XVI-мъ, населеніе этой мѣстности нуждалось нерѣдко въ защищенномъ мѣстоположеніи; почему же тогда не могли возникнуть эти села? Или: о с. Носилевкѣ авторъ не менѣе категорически заявляетъ: «по нахожденію на южномъ берегу Дочи, поселена не раньше начала XVII в.» (с. 160), о с. Стрѣльникахъ — «поселены не раньше начала XVII в., судя по малозащищенному положенію» (с. 160). Столь рѣшительныя утвержденія врядъ ли удобны, когда единственнымъ основаніемъ для нихъ служитъ мѣстоположеніе поселенія, и, быть можетъ, лучше было

бы обойтись вовсе безъ нихъ. Въ другихъ случаяхъ авторъ руководится инымъ признакомъ, именно наличностью или отсутствіемъ въ селѣ церкви. Такъ о с. Занькахъ онъ говоритъ, что «они возникли около половины XVII вѣка, такъ какъ первая церковь построена здѣсь около 1685 г.» (с. 120). Это опять слишкомъ рѣшительно, такъ какъ трудно вѣдь опредѣлить въ самомъ дѣлѣ, сколько времени село могло обходиться безъ собственной церкви. Авторъ же продѣлываетъ съ этимъ критеріемъ давности поселенія довольно неожиданныя комбинаціи. Такъ, на 130 стр. его книги читаемъ о с. Махновкѣ: «по описи 1654 г. значится съ церковью, изъ чего слѣдуетъ заключить, что поселена не позже начала XVII в.»; о. с. Бильмачевкѣ: «по описи 1654 г. показана съ церковью и потому поселена, можетъ быть, одновременно съ Махновкою»; о с. Мартыновкѣ: «по описи 1654 г. значится съ церковью и потому можетъ быть поселена одновременно съ Махновкою и Бильмачевкою»; о с. Хвастовцахъ: «по описи 1654 г. показаны съ церковью, что указываетъ на одновременное, быть можетъ, поселеніе съ Мартыновкой и др. селами Ивангородской сотни». Но если и признать, что церковь никогда не могла возникнуть одновременно съ селомъ, а отъ основанія послѣдняго до появленія въ немъ церкви непремѣнно проходило 35—50 лѣтъ, то такое признаніе еще не даетъ полномочія на новый выводъ, дѣлаемый авторомъ: если изъ трехъ селъ одно возникло 150, другое 100, третье 50 лѣтъ назадъ, то церковь будетъ имѣться во всѣхъ трехъ, но какъ же заключить отсюда объ одновременномъ ихъ возникновеніи? Иногда же авторъ высказываетъ свои предположенія и безъ всякой мотивировки, тѣмъ самымъ лишая читателя возможности провѣрить ихъ основательность; такъ, о д. Переходовкѣ онъ говоритъ только, что она, «повидимому, возникла одновременно съ Стодолами» (с. 100), или о с. Митченкахъ, что они «поселены, нужно полагать, одновременно съ Батуринымъ» (с. 277), о с. Британахъ, что они, «повидимому, возникли около половины XVII вѣка» (с. 118, ср. с. 119 о сс. Берестовцѣ и Смоляжѣ, с. 121 о с. Ильинцахъ). Или о сс Великой Загоровкѣ, Красиловкѣ, Конашевкѣ авторъ лишь говоритъ, что они «поселены не позже начала XVII в.», не сообщая источника и такихъ скромныхъ свѣдѣній (с. 143, 145, 148). При опредѣленіи времени основанія с. Озаричъ мотивировка имѣется, но столь шаткая, что и заключеніе автора страдаетъ опять крайней неопредѣленностью. «Начало Озаричъ, говоритъ онъ именно, должно быть отнесено къ нач. XVII в., а можетъ быть, и къ XVI в., такъ какъ водяныя мельницы должны были здѣсь появиться, по удобству мѣстности для ихъ устройства, очень давно» (с. 225). Трудно сказать, имѣется ли нужда въ такомъ опредѣленіи времени, тѣмъ болѣе, что не всѣ же удобныя для устройства мельницъ мѣста были заселены въ XVI и даже въ началѣ XVII в.: мельницы строили еще и въ XVIII вѣкѣ на

незанятыхъ мѣстахъ. Но иногда авторъ идетъ и дальше и столь же шаткія предположенія противопоставляетъ имѣющимся точнымъ даннымъ: такъ, о с. Старой онъ говоритъ: «по генеральному слѣдствію, поселена Пѣсочинскимъ, но едва ли это показаніе вѣрно, такъ какъ поселеніе здѣсь должно было возникнуть изъ хатъ мельниковъ, жившихъ около тѣхъ водяныхъ мельницъ, которыя здѣсь устроены были благодаря удобной для того мѣстности, вѣроятно, еще раньше Пѣсочинскаго» (с. 219). Трудно, пожалуй, согласиться и съ другою догадкою автора, что с. Переяславка «поселена въ концѣ первой половины XVII в., вѣроятно, владѣльцемъ Бурковки Синявскимъ, который, живя въ Переяславѣ, и назвалъ это село Переяславкою» (с. 224). Дѣло въ томъ, что, какъ говоритъ генеральное слѣдствіе (и это показаніе его г. Лазаревскій самъ добросовѣстно приводитъ на той же страницѣ), Синявскій владѣлъ Бурковкою «за гетманства Сомка», а исторію Переяславки генер. слѣдствіе знаетъ еще со времени гетманства Выговскаго, когда ею владѣлъ Гулянпцкій, но Синявскаго въ числѣ ея владѣльцевъ не называетъ. Въ подобныхъ попыткахъ опредѣлить время основанія того или иного поселенія съ помощью ненадежныхъ признаковъ, не имѣющихъ серьезнаго значенія, г. Лазаревскій порою запутывается и до явнаго противорѣчія съ самимъ собою. Напримѣръ, говоря о с. Шаповаловкѣ, онъ относитъ ея возникновеніе къ началу второй половины XVII в. на томъ основаніи, что она не занесена въ опись 1654 г. (с. 237). С. Мельня тоже не занесена въ эту опись, но по отношенію къ ней, по мнѣнію автора, это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ она уже въ универсалѣ Брюховецкаго 1663 г. названа селомъ, и изъ послѣдняго факта авторъ выводитъ заключеніе, что Мельня въ моментъ описи 1654 г. «должна была уже существовать» (с. 284). Но Шаповаловка всего тремя годами позднѣе фигурируетъ въ источникахъ, и именно въ описи 1666 г., тоже съ названіемъ села.[1]) Равнымъ образомъ о с. Богдановѣ авторъ заключаетъ, что онъ «поселенъ во второй половинѣ XVII вѣка, потому что еще и въ 1730 г. называется слободкою» (с. 440), но Демьяновка, напр., тоже еще и въ 1730 г., и позже даже называется слободкою, что не мѣшаетъ г. Лазаревскому принимать показаніе генеральнаго слѣдствія, что ею владѣлъ Пѣсочинскій (с. 493).

Нельзя, конечно, сказать, чтобы присутствіе подобныхъ догадокъ составляло прямо отрицательную сторону разбираемой книги, но оно во всякомъ случаѣ ничего не прибавляетъ къ ея положительнымъ достоинствамъ и потому было бы, можетъ быть, лучше, еслибы авторъ дальнѣйшіе томы своей работы не загромождалъ этимъ лишнимъ балластомъ или, по меньшей

---

1) Костомаровъ, Руина, с. 141 въ примѣчаніи.

мѣрѣ, высказывая тѣ или иныя предположенія тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ серьезной опоры въ источникахъ, не облекалъ бы ихъ въ такую категорическую форму, какую они принимаютъ у него иногда въ настоящемъ трудѣ. Важнѣе другое замѣчаніе, которое можетъ быть сдѣлано по поводу этой части книги г. Лазаревскаго и которое относится уже не къ пополненію авторомъ пробѣловъ, оставляемыхъ источниками, а къ пользованію самыми источниками. Выше я упоминалъ, что въ числѣ источниковъ г. Лазаревскаго имѣется и напечатанная у Костомарова часть описи 1666 г. Къ сожалѣнію, авторъ не счелъ нужнымъ внести ея данныя цѣликомъ въ свою книгу: изъ 26 значащихся въ ней свободныхъ селъ Нѣжинскаго уѣзда онъ только относительно пяти приводитъ тотъ фактъ, что они занесены въ опись 1666 г., и то въ двухъ изъ нихъ (Безугловкѣ и Кропивной) не отмѣчаетъ даваемаго описью числа дворовъ, а объ одномъ не говоритъ, что оно означено въ описи свободнымъ (с. Дремайловка). Точно также о свободныхъ селахъ Борзенскаго и Иванъ-Городищенскаго уѣзда онъ вовсе не беретъ данныхъ изъ этой описи; между тѣмъ, хотя бы цифру населенія Ивангорода, даваемую описью 1666 г., — 31 чел. мѣщанъ [1]), любопытно сопоставить съ такой же цифрой 1654 г. — 254 чел. Одно это сопоставленіе лишаетъ убыль населенія въ Ивангородѣ того постояннаго характера, которое какъ будто придаетъ ей авторъ, замѣчая, что къ 1736 г. въ немъ не осталось и половины населенія 1654 г. и прибавляя: «убылая половина поросходилась, конечно, по слободамъ» (стр. 129). Если принять, далѣе, показаніе ген. слѣдствія, то окажется, что съ 1730 г. посполитское населеніе въ Ивангородѣ возростало. Пропуская данныя описи 1666 г. въ своей книгѣ, авторъ могъ, конечно, руководиться тѣмъ соображеніемъ, что они уже напечатаны, и притомъ въ распространенномъ изданіи, тогда какъ на свою книгу онъ смотритъ, какъ на собраніе по преимуществу новаго или малоизвѣстнаго матеріала, но врядъ ли это соображеніе было правильнымъ. Если г. Лазаревскій нашелъ въ своей книгѣ мѣсто для перепечатки произведеннаго въ 1654 г. московскими писцами описанія укрѣпленій цѣлаго ряда городковъ Нѣжинскаго полка, то тѣмъ болѣе можно и должно было удѣлить мѣсто для воспроизведенія гораздо болѣе краткихъ по формѣ и важныхъ по существу свѣдѣній описи 1666 г. Это — во-первыхъ, а во-вторыхъ, игнорированіе данныхъ, заключающихся въ описи 1666 г., создаетъ порою пробѣлы и даже ошибки въ самомъ из-

1) Костомаровъ, Руина, стр. 141. Въ генеральномъ слѣдствіи о маетностяхъ мы объ Ивангородѣ читаемъ: «посполитие люде за прежнихъ гетмановъ и за г. Самойловича были подъ сотеннымъ Ивангородскимъ правленіемъ въ диспозиціи войсковой, а за гетмана Мазепи повписовались въ козаки, а иние пошли прочь, и нынѣ въ мѣстечку посполитихъ ни одного двора». Рукопись слѣдствія о маетностяхъ въ Нѣж. полку, л. 67.

ложенія г. Лазаревскаго. Къ только что приведенному примѣру населенія м. Ивангорода можно присоединить другіе, болѣе убѣдительные. Такъ, о с. Черняховкѣ авторъ говоритъ только, что въ 1695 г. оно было отдано Дм. Максимовичу, и читатель можетъ подумать, что объ этомъ селѣ и не имѣется болѣе раннихъ свѣдѣній (стр. 84); между тѣмъ оно значится въ описи 1666 г. въ числѣ свободныхъ селъ Нѣжинскаго уѣзда [1]). Доказывая позднее возникновеніе с. Прохоровъ («не раньше второй половины XVII в.»), авторъ говоритъ: «видно, что это село было молодое, которое возникало помимо Нѣжинскаго магистрата, почему и крестьяне здѣсь явились только во второй половинѣ XVIII в. и то лишь въ видѣ подсосѣдковъ» (стр. 123). Во второй части этой фразы авторъ основывается на ревизіи 1736 г., которая не называетъ въ Прохорахъ крестьянъ. Но опись 1666 г. знаетъ Прохоры и знаетъ въ нихъ 53 крестьянскихъ двора и 6 бобыльскихъ [2]). О сс. Куликовкѣ, Жуковкѣ, Дроздовкѣ и Будѣ авторъ замѣчаетъ: «населеніе всѣхъ этихъ четырехъ селъ первоначально состояло изъ однихъ козаковъ, почему можно думать, что села эти возникли уже послѣ изгнанія поляковъ. Крестьянское населеніе въ этихъ селахъ образовано было мѣстною сотенною старшиною, съ помощью насилій и скупли» (стр. 112—113). То, что распространено въ данномъ мѣстѣ авторомъ на всѣ эти села, въ генер. слѣдствіи сказано только о с. Будѣ или Будахъ, и притомъ въ болѣе ограниченной формѣ: «за гетмана Самойловича въ с. Будахъ посполитихъ людей не було» [3]), опись же 1666 г. называетъ въ свободныхъ селахъ Жуковкѣ — 23 крест. двора, Куликовкѣ — 19 крест. и 4 боб. двора, Дроздовкѣ — 28 крест. дворовъ [4]), и это свѣдѣніе, по крайней мѣрѣ, относительно с. Куликовки, находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ генеральномъ слѣдствіи, гдѣ мы объ этомъ селѣ читаемъ: «за гетмана Самойловича не были посполитые Куликовские люди ни подъ кимъ въ подданствѣ» [5]).

Нѣсколько бо́льшее вниманіе къ свѣдѣніямъ описи 1666 г., надо думать, избавило бы книгу г. Лазаревскаго отъ этихъ ошибокъ. Еще болѣе вниманія и осторожности, естественно, требовалось при пользованіи рукописными источниками, по отношенію къ которымъ значительная часть читателей находится уже въ полной зависимости отъ автора, не имѣя возможности ни провѣрить сообщаемые имъ факты, ни восполнить въ нихъ пробѣлы, если таковые имѣются. Но и здѣсь можно указать отдѣльные, правда, немногочисленные, случаи недостаточно внимательнаго отношенія автора къ одному

1) Костомаровъ, Руина, стр. 139.
2) Также.
3) Рукопись слѣдствія о маетностяхъ въ Нѣж. полку, л. 5 об.
4) Костомаровъ, Руина, стр. 139.
5) Рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 58 об.

изъ наиболѣе цѣнныхъ неизданныхъ его источниковъ — генеральному слѣдствію о маетностяхъ въ Нѣжинскомъ полку. Мѣстами г. Лазаревскій опускаетъ въ своемъ изложеніи прямо относящіяся къ его задачѣ показанія этого источника или же сообщаетъ свѣдѣнія, находящіяся въ противорѣчіи съ ними, не указывая мотивовъ, по которымъ онъ предпочелъ эти свѣдѣнія даннымъ въ слѣдствіи и не приводя опять-таки послѣднихъ. О д. Хвостикахъ г. Лазаревскій говоритъ, что она возникла «не раньше половины XVIII в., такъ какъ по ревизіи 1736 г. не значится» (стр. 83). Въ генеральномъ же слѣдствіи, составленномъ въ 1729—1731 гг., эта деревня не только значится, но и сказано объ ней, что она «з давнихъ годовъ до ратуши Нѣжинской надлежитъ», причемъ указано и населеніе ея въ 1 дворъ[1]). При такомъ количествѣ населенія возможно, что Хвостики въ промежутокъ времени 1731—1736 гг. запустѣли совсѣмъ, а потомъ опять населились, но возможно также и то, что въ ревизіи 1736 г. они пропущены просто по недосмотру. Во всякомъ случаѣ возникла эта деревня не во второй половинѣ XVIII вѣка, разъ она была извѣстна уже въ 1730 г. Разсказывая о поселеніи сл. Даниты (стр. 90), авторъ опускаетъ небезънитересную для исторіи заселенія подробность, что Григорій Самойловичъ, владѣя хуторомъ Данитой, «купилъ у помѣжниковъ того хутора грунтъ и на ономъ поселилъ слободку прихожими людми»[2]). Говоря о Конотопѣ и приводя свидѣтельство Освѣцима, что въ 1647 г. имъ владѣлъ Юрій Оссолинскій, авторъ умалчиваетъ о прямомъ свидѣтельствѣ слѣдствія, по которому Конотопъ во время владѣнія поляковъ этимъ краемъ поселенъ «шляхтичемъ Пѣсочинскимъ»[3]). Съ именемъ Пѣсочинскаго связываетъ генер. слѣдствіе и другое поселеніе, с. Обложки, говоря, что оно «здавна было польского шляхтича Пѣсочинского, которой отъ себе надалъ ксензамъ въ владѣніе, а за гетмана Богдана Хмелницкого надано по универсалу на монастырь Новгородскій, а нынѣ владѣетъ монастырь Катедри Чернѣговской»[4]). У г. Лазаревскаго мы въ этомъ случаѣ встрѣчаемъ прямо невѣрную передачу текста памятника: «с. Обложки, говоритъ онъ, по свидѣтельству ген. слѣдствія, поселены Н.-Сѣверскими доминиканами на земляхъ с. Полошекъ, вмѣстѣ съ которыми въ 1670 г. поступили во владѣніе Черниговской «катедры» (стр. 441). Разногласіе съ слѣдствіемъ относительно времени основанія поселеній имѣется еще и въ слѣдующемъ случаѣ. О с. Ховзовкѣ и дд. Вязенкѣ и Будищахъ авторъ говоритъ на основаніи универсала Дорошенка 1668 г., что они поселены около 1660 г. монахами Петро-Павловскаго

1) Тамже, л. 67 об. — 68.
2) Тамже, л. 65 об.
3) Тамже, л. 39 об. — 40.
4) Тамже, л. 3 об. — 4.

монастыря (стр. 466), въ слѣдствіи же читаемъ о д. Будищахъ: «здавна была за гетмана Богдана Хмелницкого въ диспозиціи войсковой, а послѣ досталось во владѣніе по унѣверсалу гетмана Многогрѣшного на монастырь Петропавловскій», и то же самое о Вязенкѣ и Ховзовкѣ[1]). Старожилы могли не знать объ универсалѣ Дорошенка, или лица, составлявшія экстрактъ изъ слѣдствія, могли не имѣть его въ рукахъ, но въ виду яснаго показанія слѣдствія о существованіи этихъ поселеній при Хмельницкомъ и той точности, которой вообще отличаются свѣдѣнія этого источника, я нѣсколько затруднился бы такъ легко рѣшить вопросъ о времени возникновенія данныхъ селъ на основаніи лишь словъ универсала Дорошенка «на ихъ монастырскомъ грунтѣ новосѣлые деревнѣ або села». Монастырскія притязанія иногда шли очень далеко. Г. Лазаревскій самъ разсказываетъ въ своей книгѣ исторію завладѣнія монахами Крупицкаго Батуринскаго монастыря с. Спасскимъ на томъ только основаніи, что жители этого села были прихожанами одноименной съ монастыремъ церкви св. Спаса (Крупицкій монастырь сперва звался Спасскимъ, а позже сталъ называться Николаевскимъ). Мнѣ извѣстенъ случай, когда Кіево-Печерская Лавра утверждала, что вся земля Смѣлянской сотни принадлежитъ собственно ей, Лаврѣ, и козаки этой сотни должны быть монастырскими подданными[2]). А ужь назвать передъ гетманомъ, да еще правобережнымъ, старое поселеніе «новосѣлой на монастырскомъ грунтѣ деревней» — было рядомъ съ этимъ вовсе не трудно. Въ универсалъ же Многогрѣшнаго эта фраза могла быть прямо перенесена изъ подтверждаемаго документа. Во всякомъ случаѣ, г. Лазаревскому слѣдовало бы, мнѣ кажется, упомянуть о показаніи слѣдствія, если даже онъ лично и не склоненъ придавать ему большой вѣры. О д. Черневѣ авторъ сообщаетъ, что она «поселена въ началѣ второй половины XVII в., причемъ по нахожденію здѣсь козачьяго населенія можно думать, что козаки Черневъ и поселили, а П.-Павловскіе монахи захватили Черневскія земли уже впослѣдствіи» (стр. 466). Въ слѣдствіи опять иное — «здавна былъ за гетмана Б. Хмелницкого и протчіихъ по немъ бывшихъ гетмановъ въ диспозиціи войсковой, а въ 7176 г. по жалованной грамотѣ владѣетъ монастырь П.-Павловскій и поднесь»[3]). Грамоту 7176 г. приводитъ далѣе самъ г. Лазаревскій и не довѣрять первой половинѣ показанія слѣдствія, кажется, не было здѣсь никакого основанія. О д. Мацковѣ авторъ говоритъ лишь, что она была поселена въ началѣ второй половины XVII в. и въ 1669 г. отдана П.-Павловскому монастырю (стр. 465), тогда какъ слѣдствіе

1) Такжe, л. 42, 42 — об.

2) Архивъ Черниг. Каз. Палаты, по общей описи № 274.

3) Рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 41.

повторяетъ здѣсь тѣ же данныя, что и при д. Будищахъ[1]). Но мало того: на 467 стр. авторъ уже говоритъ, что «изъ селъ, возникшихъ самостоятельно, монастырь получилъ только два — Холопковъ и Банич», а всѣ остальныя осадилъ самъ, въ томъ числѣ, стало быть, и Черневъ, и Мацковъ. Далѣе, о сс. Холопковѣ и Баничѣ авторъ замѣчаетъ, что по свидѣтельству генер. слѣдствія они поселены при Пѣсочинскомъ (стр. 465); въ дѣйствительности въ слѣдствіи говорится только, что ими владѣлъ Пѣсочинскій[2]). Аналогичный случай разногласія мы имѣемъ еще относительно с. Слѣпорода: у г. Лазаревскаго о немъ читаемъ: «ген. слѣдствіе называетъ первымъ владѣльцемъ Слѣпорода Фил. Уманца, при которомъ онъ, кажется, только и возникъ» (стр. 477), обращаясь же къ слѣдствію, видимъ, что оно знаетъ Слѣпородъ еще при Б. Хмельницкомъ, когда онъ былъ еще «въ диспозиціи войсковой», и уже послѣ того дѣлаетъ Уманца его владѣльцемъ[3]). Иного рода разногласіе наблюдается въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: основателемъ д. Потаповки г. Лазаревскій называетъ войск. тов. Ивана Потапенка (стр. 482), слѣдствіе же козака Потапа[4]); поселеніе с. Марчишиной Буды у г. Лазаревскаго приписано вдовѣ Марка Кимбары, въ слѣдствіи — самому Марку[5]). Наконецъ, отмѣчу еще мѣста, въ которыхъ авторъ игнорируетъ свидѣтельства слѣдствія, дополняющія и разъясняющія однако сообщаемые имъ факты. Такъ, говоря о д. Новой Греблѣ (стр. 477), онъ упускаетъ моментъ заселенія ея, отмѣченный слѣдствіемъ, которое сообщаетъ, что здѣсь «за гетманства Брюховецкого» около существовавшей раньше мельницы осѣла слободка, назвавшая Н. Греблей[6]). О сл. Рубановкѣ у автора находимъ только слѣдующія свѣдѣнія: «при с. Зазиркахъ находился приселокъ Рубанка, поселенная, конечно, еще сотникомъ Рубаномъ. По ревизіи 1736 г. Рубанка почему-то значится за Андреемъ Лизогубомъ» (стр. 461). Разсказъ слѣдствія даетъ болѣе точные факты о поселеніи Р—ки и разъясняетъ, почему она перешла въ руки Лизогуба[7]). Равнымъ образомъ опущенъ авторомъ и разсказъ слѣдствія о с. Семеновкѣ, сообщающій и приблизительную дату основанія здѣсь сло-

1) Тамже, л. 42 — об.

2) Тамже, л. 41 об.

3) Тамже, л. 24 об. — 25.

4) Тамже, л. 51 об. — 52.

5) Тамже, л. 52.

6) Тамже, л. 52 об. — 53.

7) «Сперва на р. Вирглѣ занялъ займу и збудовалъ млинъ козакъ сотнѣ Глуховской житель Зазѣрскій Федоръ Зоръ, . . . а купивши тотъ млинъ Данило Рубанъ, знатній товаришъ войсковій, житель Глуховскій, осадилъ къ оному млину слободку и владѣлъ нею, а по смерти поручилъ во владѣніе зятевѣ своему Михаилу Миклашевскому, а нынѣ владѣетъ по женѣ своей дѣдизною своею Андрей Лизогубъ бунчуковій товаришъ», получившій на эту слободку и жал. грамоту, тамже, л. 26 об.

боды, и имя основателя ея, и время ея обращенія въ село[1]). Не совсѣмъ точно изложены у г. Лазаревскаго и обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе д. Хотьминовки (стр. 492). Всю исторію ея основанія онъ сжимаетъ въ одну фразу, что она «поселена Глуховскимъ протопопомъ Максимомъ Сафоновичемъ», между тѣмъ какъ слѣдствіе даетъ здѣсь гораздо болѣе подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія. Согласно имъ оказывается, что на мѣстѣ, гдѣ позже возникла Хотьминовка, въ давніе годы «занялъ займъ на р. Есманѣ и збудовалъ млинъ» козакъ Глуховской сотни Хома Хотминецъ (откуда, очевидно, и позднѣйшее названіе деревни) сообща («посполу») съ козакомъ же Максимомъ Сафоновичемъ, а по смерти Хотминца жена его продала половинную часть этого млина, доставшуюся ей отъ мужа, Сафоновичу; около этой-то мельницы осѣла слободка и была утверждена Сафоновичу универсаломъ г. Самойловича за услуги войсковыя[2]).

Я перечислилъ, кажется, всѣ болѣе существенные случаи не вполнѣ достаточнаго пользованія со стороны автора данными генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, останавливаясь на нихъ, въ виду того важнаго значенія, какое имѣетъ этотъ источникъ и какое, думаю, нѣсколько выясняется уже и въ приведенныхъ примѣрахъ, съ особою придирчивостью, которая, быть можетъ, покажется даже излишней и мелочной. Общее число такихъ случаевъ однако невелико и въ громадной массѣ собранныхъ въ книгѣ г. Лазаревскаго фактовъ по исторіи заселенія края они являются скорѣе довольно рѣдкими исключеніями. Можно, конечно, пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ томахъ своей работы авторъ совершенно не давалъ повода къ такимъ замѣчаніямъ со стороны критики, всецѣло исчерпывая находящційся въ его распоряженіи матеріалъ, но вмѣстѣ необходимо признать, что указанные единичные факты нѣкотораго невниманія автора къ своимъ источникамъ не могутъ и не должны сколько-нибудь серьезно ослабить высказаннаго выше общаго заключенія о большой тщательности этой части работы г. Лазаревскаго и серьезной цѣнности достигнутыхъ ею результатовъ.

Землевладѣніе. Переходя теперь въ порядкѣ своего разбора къ даннымъ, собраннымъ г. Лазаревскимъ для характеристики землевладѣнія на территоріи Нѣжинскаго полка, я долженъ прежде всего замѣтить, что именно этотъ отдѣлъ работы уважаемаго историка требовалъ бы, можетъ

---

1) Тамже, лл. 22 об. — 23: «Прежде осажовалъ на купленной землѣ слободку Семенъ Тарасовичъ Чорній, знатній товаришъ войсковій и житель Глуховскій за позволеніемъ гетмана Ивана Самойловича. А по немъ осталось во владѣніе Василію Федоровичу Ялоцкому, сестренцевѣ Чорного, за гетманства Мазепи и державъ оную слободку по государевой грамотѣ 7198 г. и унѣверсалахъ гетманскихъ, а за его владѣнія людей примножилось и назвали село Семеновка», ср. Лазаревскій, стр. 474.

2) Рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 64 об.

быть, наибольшаго количества дополненій. И это не потому, чтобы собранный имъ матеріалъ былъ незначителенъ, но потому, что самая задача его собранія поставлена была авторомъ нѣсколько узко и односторонне. Въ одной изъ наиболѣе авторитетныхъ рецензій на первый томъ «Описанія старой Малороссіи», посвященный Стародубскому полку, именно въ рецензіи, принадлежащей перу проф. Лучицкаго[1]), высказано было мнѣніе, что данная работа представляетъ изъ себя описаніе не «старой» вообще, а спеціально «владѣльческой» Малороссіи. Такой отзывъ, въ цѣломъ чрезмѣрно рѣзкій, наибольшее оправданіе для себя находитъ именно въ примѣненіи къ отдѣлу книги А. М. Лазаревскаго, посвященному землевладѣнію, и въ этомъ смыслѣ онъ, хотя и съ нѣкоторыми довольно существенными ограниченіями, можетъ имѣть значеніе и для настоящаго тома «Описанія старой Малороссіи». Дѣйствительно, авторъ послѣдняго, говоря о землевладѣніи на территоріи Нѣжинскаго полка, главное вниманіе обращаетъ на землевладѣніе державческаго класса, прослѣживая процессъ сосредоточенія земельныхъ богатствъ страны въ рукахъ козацкой старшины и монастырей и всецѣло почти подчиняя цѣлямъ этого наблюденія свой матеріалъ. Всѣ остальныя явленія, относящіяся къ области землевладѣнія, не занимаютъ въ его изложеніи виднаго мѣста и авторъ останавливается на нихъ лишь попутно, какъ бы даже мимоходомъ. Такая постановка описанія находитъ себѣ объясненіе и въ отмѣченномъ выше общемъ направленіи работъ г. Лазаревскаго, сосредоточившаго свое вниманіе, какъ историка, по преимуществу на изображеніи судебъ класса старшины, и въ особенностяхъ находившагося въ его распоряженіи матеріала, на которыя придется еще указывать. Но разъ будучи принята авторомъ, она уже необходимо повлекла за собою и пробѣлы въ его изложеніи. Такіе вопросы, какъ существовавшія на данной территоріи формы землевладѣнія, какъ размѣры землевладѣнія различныхъ группъ населенія, объемъ ихъ правъ на землю и взаимныя отношенія этихъ правъ и т. п., оказываются въ книгѣ г. Лазаревскаго или вовсе почти не представленными, или представленными небольшимъ количествомъ болѣе или менѣе случайно занесенныхъ въ нее фактовъ. Не принимая на себя задачи пополненія этихъ пробѣловъ во всемъ ея объемѣ, я попытаюсь въ дальнѣйшемъ разборѣ труда г. Лазаревскаго лишь намѣтить главнѣйшія черты нѣкоторыхъ изъ явленій, опущенныхъ авторомъ въ этой части его описанія.

Свѣдѣнія, сообщаемыя послѣднимъ о существовавшихъ на территоріи Нѣжинскаго полка формахъ землевладѣнія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. владѣнія землею, а не населенными имѣніями, можно сказать, болѣе,

---

1) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1889, № 12.

чѣмъ скудны, скорѣе намекая на порядки жизни, чѣмъ обрисовывая ихъ. Указаніе на свободную въ началѣ XVIII в. Куренскую степь, которую «кто было займетъ на свою потребу, тотъ и коситъ» (стр. 179), на вольную пущу, въ которой селились с. Чарторія или Черторыги и другія села Глуховской сотни (стр. 437), и на договоръ, заключенный въ 1691 г. жителями с. Чарторіи съ Лазаремъ Матвѣевичемъ, которому они позволили занять часть общей пущи въ его исключительную собственность и окопать, сохранивъ остальную часть въ общемъ пользованіи (стр. 362), — вотъ и все, что даетъ разбираемая книга по этому вопросу. Въ виду общей неразработанности вопроса о порядкахъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, затрудняющей, естественно, и собираніе относящагося къ нему матеріала, равно какъ въ виду хаотическаго состоянія архивовъ, въ которыхъ разсѣянный матеріалъ такого рода приходится подбирать по клочкамъ, рискуя не получить отвѣта и на ясно и опредѣленно поставленный вопросъ, трудно было бы дѣлать серьезный упрекъ автору по поводу этой скудости свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ изъ архивныхъ источниковъ можно извлечь и нѣсколько болѣе ясныя свидѣтельства для характеристики формъ землевладѣнія, чѣмъ имѣющіяся у г. Лазаревскаго, и иногда такія свидѣтельства находятся въ тѣхъ самыхъ источникахъ, надъ которыми работалъ послѣдній. Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько подобныхъ свидѣтельствъ, вскрывающихъ существованіе на территоріи Нѣжинскаго полка оригинальныхъ формъ и порядковъ землевладѣнія, общихъ, правда, у нея съ остальной лѣвобережной Малороссіей. Одно изъ нихъ заключается въ томъ дѣлѣ, изъ котораго извлекъ г. Лазаревскій упомянутый выше договоръ Чарторійцевъ съ Лазаремъ Матвѣевичемъ въ 1691 г. По этому договору козаки и посполитые с. Чарторіи дозволили Лазарю Матвѣевичу закопать часть вольной пущи, лежавшей около села, а сдѣланный имъ раньше безъ вѣдома и разрѣшенія ихъ закопъ обратили въ общее пользованіе для всѣхъ жителей с. Чарторіи, съ условіемъ, однако (эта послѣдняя черта опущена г. Лазаревскимъ), чтобы никто не могъ здѣсь занимать земли въ частную собственность. Самый договоръ этотъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Лазарь Матвѣевичъ сталъ захватывать значительную часть Чарторійской вольной пущи въ свою исключительную собственность. Но въ дальнѣйшемъ и этотъ договоръ не положилъ предѣла такимъ захватамъ. Съ Лазаремъ Чарторійцы жили послѣ того мирно, но на сына его они подали въ 1729 г. жалобу гетману Апостолу, заявляя, что онъ захватываетъ принадлежащую имъ пущу и «грабитъ» ихъ самихъ при попыткахъ пользованія ею, почему Апостолъ потребовалъ, чтобы обвиняемый удовлетворилъ жалобщиковъ въ ихъ обидахъ или явился въ генеральный судъ для разбора дѣла. Мировой на этотъ разъ между сторонами не состоялось, очевидно,

такъ какъ въ 1730 г. генер. войск. канцелярія поручила бунч. тов. Вас. Дорошенку и Переяславскому полк. судьѣ Семену Новаковичу разсмотрѣть дѣло о спорной пущѣ между Чарторійцами и бунч. тов. Стеф. Лазаревичемъ, внукомъ Лазаря Матвѣевича. Слѣдователи, замѣтивъ, что по договору 1691 г. Чарторійцы и своимъ односельчанамъ и Лазарю дозволили только невозбранный въѣздъ въ пущу и рубку въ ней дровъ, «а рощищать поля или удѣлю себѣ закопувать кождому особно возбранили писменно», нашли затѣмъ, что Лазаревичъ не устоялъ на этомъ контрактѣ, но и «поля многія въ реченномъ общемъ грунтѣ поросчищалъ», и не допускалъ Чарторійцевъ къ рубкѣ хворосту и дровъ въ захваченной имъ части пущи, и что изъ Чарторійцевъ многіе тоже закопали себѣ «немалое число гаевъ». Въ виду этого они полагали рѣшить дѣло слѣдующимъ образомъ: Лазаревичъ долженъ былъ впредь владѣть только тою частью пущи, которая уступлена была его дѣду по акту 1691 г., и той нивой въ общей пущѣ, какая была расчищена еще его дѣдомъ, Чарторійцы же, устроившіе себѣ закопы, могли сохранить въ частномъ владѣніи только тѣ изъ нихъ, которые были устроены лѣтъ сорокъ или тридцать назадъ, а всѣ недавно занятые должны уступить въ общинное владѣніе («повинны въ общину уступити»); общая пуща должна сохраниться въ пользованіи тѣхъ жителей с. Чарторіи, которые не имѣютъ въ ней своихъ отдѣльныхъ закоповъ. Мнѣніе это слѣдователи представили на утвержденіе гетмана и, повидимому, оно и было утверждено послѣднимъ. Но и судебный приговоръ подѣйствовалъ лишь на время. Въ іюнѣ 1749 г. атаманъ и войтъ с. Чарторіи снова подали въ ген. войск. канцелярію жалобу на Стеф. Лазаревича, обвиняя его въ томъ, что онъ не допускаетъ ихъ къ въѣзду въ ихъ пущу «общую займанную издревле». Указомъ генер. канцеляріи Лазаревичу было предписано воздержаться отъ такихъ самовольныхъ дѣйствій и, если у него есть права на данную землю, отыскивать ихъ судомъ. Но уже въ іюлѣ просители опять жаловались, что Лазаревичъ не возвращаетъ имъ заграбленныхъ лошадей, и ген. канцеляріи пришлось отправлять для отбора послѣднихъ отъ него особаго нарочнаго — компанейца[1]). Въ этомъ характерномъ примѣрѣ передъ нами является земельная община, въ составъ которой входятъ и козаки, и посполитые, и мѣстный «панъ» или «державца». Такая община, владѣя землею, въ данномъ случаѣ лѣсомъ, считаетъ себя въ правѣ выдѣлять части этой общей земли въ полную собственность отдѣльныхъ лицъ, не признавая вмѣстѣ съ тѣмъ ни за кѣмъ изъ членовъ общины права совершать заимки на ея землѣ безъ общаго согласія на то со стороны остальныхъ членовъ. Такія права общины признаются и судомъ, допускающимъ лишь нѣкоторое

---

1) Харьк. Ист. Арх., Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 14.529; см. приложеніе № 1.

смягченіе ихъ въ видѣ охраняющаго частныя заимки, произведенныя безъ согласія общины, права давности. На практикѣ далѣе, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, эти права общины подвергаются постоянному нападенію: болѣе сильные элементы стремятся выдѣлиться изъ общины, захватывая часть ея угодій, и съ общиннымъ владѣніемъ успѣшно конкуррируетъ вольный захватъ. Что такіе факты не были вполнѣ единичнымъ и исключительнымъ явленіемъ, можно подтвердить и другими примѣрами. Право вольнаго пользованія лѣсомъ, регулируемаго общиною, встрѣчается на земляхъ м. Салтыковой Дѣвицы: въ 1684 г. сотенный урядъ этого мѣстечка заключилъ мировую сдѣлку съ монахами Нѣжинскаго Красноостровскаго монастыря, помѣнявшись съ монастыремъ сѣнокосными землями и выговоривъ при этомъ условіе, чтобы на части уступленной такимъ образомъ монастырю земли всѣ Дѣвицкіе обыватели могли свободно рубить лозы[1]). Аналогичныя съ дѣломъ Чарторійцевъ черты можно найти еще въ одномъ документѣ 1739 года, по которому козаки с. Мутина уступаютъ свой «общій груитъ съ посполитыми Мутинскими жителями владѣной на всякіе наши потребы за прадѣдовъ и отцовъ нашихъ» по берегамъ р. Сейма, захваченный Глуховскимъ Петропавловскимъ монастыремъ, генералу фонъ-Штофелю подъ обязательствомъ дать 10 р. на поправку Мутинской церкви, когда такая поправка будетъ производиться, и, если устроитъ на этой землѣ перевозъ черезъ р. Сеймъ, перевозить на немъ козаковъ даромъ[2]). Помимо факта совмѣстнаго владѣнія козаковъ и посполитыхъ, признаваемаго въ этомъ документѣ, въ немъ любопытна еще подробность продажи общинной земли съ платою въ пользу церкви, совершенно аналогичная подобнымъ же фактамъ, указывавшимся проф. Лучицкимъ для южной Малороссіи. Совмѣстное же владѣніе козаковъ и посполитыхъ, но уже въ болѣе

---

1) Архивъ Черниг. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{2288}$: «поедналисмося і во всемъ з честными отцами погодили в тотъ способъ, же сѣножати . . . прозиваемие Чорние Лози, за прозиваемий же Дубовий Рогъ в замѣну пускаемъ, до которого жаденъ з насъ, такъ козацкого, яко и посполитого стану людей жадного дѣла и потребы не маетъ мѣти и мочи не будетъ, кромѣ волного всѣмъ людемъ рубаня лозъ. При той же Дубового Рога сѣножати и островъ Перекопъ, противко Хворостянки, цале честнимъ отцамъ Нѣжинскимъ подаемъ, в якомъ уже з насъ нѣкому и лози не волно урубати. Около стану зась, где монастырскій теперъ на сей часъ остаетъ станъ, жадною мѣрою не толко окоповать, албо огорожовать, що нѣкгди не бивало, але и косою не позволяемъ . . . ударити». Сбоку документа еще приписка: «на остатокъ просили насъ уряду, би позволилисмо честнимъ отцамъ у стану на стадо учинити стадницу и огородъ, окроме кошенія и урази бѣднимъ людемъ и мѣсту, що позволилисмо». Документъ помѣченъ 13 авг. 1684 г. и подписанъ сотникомъ Дѣвицы Салтыковой Матв. Мих. Шендюхомъ, городовымъ атаманомъ Павломъ Асмановскимъ и войтомъ Василіемъ Романовичемъ. Въ началѣ акта упоминается о «заводахъ, турбаціяхъ и контроверсіяхъ», втеченіе многихъ лѣтъ продолжавшихся между жителями м. Дѣвицы и Красноостровскимъ монастыремъ.

2) См. приложенія, № 2.

серьезныхъ размѣрахъ, находимъ мы еще въ половинѣ XVIII вѣка въ с. Образкѣевкѣ. Въ 1751 г. именно между козаками этого села и владѣльцемъ его, Черниговскимъ Каѳедральнымъ монастыремъ, возникъ споръ за лежащую около села рощу. Козаки доказывали, что эта роща издавна находилась въ общемъ владѣніи козачьяго и посполитскаго населенія Обрaжѣевки, монастырь же утверждалъ, что роща вновь занята его городничимъ въ 1731 г. Въ доказательствахъ своихъ монастырь пошелъ и дальше, утверждая, что Обрaжѣевка поселена по осадчому письму архіеп. Барановича на принадлежащей монастырю землѣ и затѣмъ утверждена царскими грамотами 7184 и 7196 гг., «посля же того оного жъ села Преображѣевки жители разными временами по проискамъ тамошнихъ сотниковъ приняты въ козацкую службу и, оную отправляя, корыстуются тимъ жалованнымъ монастырскимъ грунтомъ». Представленные «Катедрой» документы не оправдали однако ея притязаній. Жалованныя грамоты 7174, 7184 и 7196 гг., утверждая за нею сс. Ивотъ и Преображѣевку, вмѣстѣ содержали въ себѣ обычныя оговорки насчетъ неприкосновенности земельныхъ владѣній козаковъ этихъ селъ, осадчое же письмо архіеп. Лазаря Барановича отъ 18 марта 1669 г. сотеннымъ Кролевецкимъ правленіемъ, судившимъ это дѣло, не было признано имѣющимъ силу доказательства, какъ не утвержденное на урядѣ. Наконецъ, изъ предъявленнаго монастыремъ на судѣ универсала Стародубскаго полковника Петра Рославца отъ 6 мая 1673 г., по словамъ сотеннаго правленія, «видно, что еще мужики, оселившіеся по тому осадчому писму, зъ десяти лѣтъ воли, имъ данной, имѣли досиживать шесть лѣтъ на земляхъ Катедри Чернѣговской, а козакамъ Обрaжѣевскимъ уже ихъ козачие землѣ послѣ осадчого того писма въ 4 года отдѣлении отъ Катедралнихъ». Поэтому сотенное правленіе отказалось признать рощу, изъ-за которой шелъ споръ, исключительной собственностью монастыря, признавая даже за козаками, которыхъ въ селѣ было больше, чѣмъ посполитыхъ, и право на бóльшую часть спорной рощи и отрицая относительно послѣдней монастырскую заимку, какъ совершенную безъ согласія соучастниковъ, причемъ оно основывало свой приговоръ на п. 1 арт. 18-го разд. IX-го Статута. Это рѣшеніе было подтверждено и универсаломъ гетм. Разумовскаго отъ 14 сент. 1751 г., въ которомъ онъ приказывалъ монастырю уничтожить свою займу и уплатить козакамъ навязку. Генеральный судъ, на разсмотрѣніе котораго поступило это дѣло, рѣшилъ его, ссылаясь на то же мѣсто Статута, нѣсколько иначе, найдя, что козакамъ и посполитымъ слѣдуетъ «владѣть пополамъ, а не по персонамъ», мотивируя такое рѣшеніе еще и признаніемъ козаковъ, «что по осадчому архіепископа Барановича писму, въ которомъ о козачихъ грунтахъ оглушилъ (sic), то архіеп. Углицкій (Ѳеодосій) изъяснилъ и роздѣлилъ пополамъ, едну часть подданимъ, а дру-

гую часть войсковимъ людямъ»[1]). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ, что владѣлецъ села — монастырь, перенеся на себя земельныя права посполитыхъ, стремится выдѣлить ихъ земли изъ совмѣстнаго съ козаками владѣнія, причемъ однако это стремленіе легко переходитъ въ захватъ козачьей земли. Съ обращеніемъ свободныхъ посполитыхъ во владѣльческихъ совмѣстное владѣніе двухъ сословныхъ группъ — крестьянской и козацкой — землей становится часто прямо опаснымъ для послѣдней изъ этихъ группъ и она стремилась сама обособиться и отдѣлить свои земли. Правда, на территоріи собственно Нѣжинскаго полка мнѣ такихъ случаевъ не встрѣтилось. Наконецъ, совмѣстное владѣніе разныхъ группъ населенія на началахъ сябринства можетъ быть указано еще въ одной мѣстности Нѣжинскаго полка, въ сѣверо-восточномъ углу его, именно въ Ямпольской сотнѣ. Въ 1768 г. 40 козаковъ с. Орловки жаловались въ Малороссійскую Коллегію на маіора Як. Мих. Скоропадскаго, завладѣвшаго принадлежавшей къ этому селу пущей. По словамъ жалобщиковъ, дѣло было уже рѣшено противъ нихъ земскимъ судомъ, но неправильно, такъ какъ судъ не вызвалъ къ отвѣту всѣхъ участниковъ владѣнія, хотя козаки и заявляли ему, «что ми не едни въ той пущи, въ которую онъ, Скоропадскій, занапрасно владѣніемъ входитъ, но суть многіе владѣлци и сябри, яко то посполитие въ с. Орловкѣ жителствующіе . . . Ив. Ив. Неплюева и прочіе». Неправильно былъ, по словамъ козаковъ, произведенъ и подкоморскій розыскъ, при которомъ не были допрошены они сами и ихъ свидѣтели. Спорной пущей, какъ утверждали козаки, Скоропадскій завладѣлъ только потому, что отецъ его ген. подскарбій Мих. Скоропадскій «з вѣдома, прошенія и дозволенія всего села Орловки козаковъ и посполства къ гаченю гребли зъ свободной къ с. Орловкѣ принадлежащей пущи закопалъ» окопъ, а потомъ сынъ его захватилъ и всю пущу къ своему хутору. Скоропадскій не возражалъ козакамъ по существу, но указывалъ, что они пропустили срокъ аппелляціи на рѣшеніе подкоморскаго суда, и благодаря этому обстоятельству дѣло дѣйствительно рѣшено было противъ козаковъ[2]).

---

1) Моск. Арх. Мин. Юст., дѣла упраздн. присутств. мѣстъ, Дѣла Черн. Пал. Уг. и Гр., опись 12-я, св. 5, № 217.

2) Оно восходило до Сената и было окончательно рѣшено въ 1803 г. противъ козаковъ сенатскимъ указомъ, но разбирательства по существу, о которомъ просили козаки, такъ и не состоялось. По словамъ козаковъ, «приговоръ въ томъ подкоморскомъ судѣ произошолъ неслиханно посягателный, приговоривъ бо онымъ землю всю по показаніямъ свидѣтелскимъ . . . Скоропадскому утвердить . . . тѣ же свидѣтели ни еденъ и до присяги приводими не были и писали, будто отъ нихъ показанія, сами, что хотѣли, и столь наглостно и насилственно» . . . О спорной землѣ повѣренный козаковъ въ 1780 г. писалъ: «яко та земля зъ искони съ начала оселенія с. Орловки къ тому селу принадлежитъ вобщѣ всѣмъ козакамъ и посполитымъ; и всѣ жъ вобщѣ козаки и посполитые частьми изстари по предкамъ своимъ до того подкоморского суда спокойное владѣніе свое имѣли». — лл. 30, 40. Архивъ Черниг. Окружн. Суда, Дѣла Гражданскія, № 143.

Приведенныя указанія вскрываютъ существованіе на территоріи Нѣжинскаго полка, рядомъ съ господствовавшей здѣсь въ XVIII в. формой чистаго подворнаго владѣнія, формъ землевладѣнія общинной и сябринной, главнымъ образомъ послѣдней. Къ сожалѣнію, имѣющійся у меня матеріалъ не даетъ возможности болѣе обстоятельнаго описанія способовъ этого владѣнія въ данной мѣстности. Само собой разумѣется, этихъ отрывочныхъ указаній недостаточно и для того, чтобы судить о степени распространенности такихъ формъ землевладѣнія. Но положеніе изслѣдователя въ данномъ случаѣ таково, что приходится довольствоваться группировкой разсѣянныхъ показаній источниковъ за отсутствіемъ болѣе подходящаго матеріала. Просмотрѣнный мною матеріалъ Румянцевской Описи Нѣжинскаго полка не даетъ возможности сдѣлать сколько-нибудь значительныя дополненія къ приведеннымъ выше свидѣтельствамъ, и къ тому же этотъ источникъ, обыкновенно наиболѣе богатый въ сообщеніи подобнаго рода свѣдѣній, не сохранился какъ разъ для тѣхъ мѣстностей, къ которымъ относится наибольшее число такихъ свидѣтельствъ, — для Ямпольской, Глуховской и Воронежской сотенъ.

Цифровыя данныя, заключающіяся въ Румянцевской Описи, ярко освѣщаютъ зато другой важный вопросъ, доставляя изслѣдователю малорусскаго землевладѣнія въ XVIII в. возможность по крайней мѣрѣ для одного хронологическаго момента точно опредѣлить размѣры землевладѣнія различныхъ сословныхъ группъ и характеръ распредѣленія земельной собственности внутри этихъ группъ, между отдѣльными ихъ членами. Было бы немыслимо, конечно, требовать, чтобы авторъ «Описанія старой Малороссіи» самъ произвелъ подобную работу, требующую затраты массы времени и труда, но нельзя не пожалѣть, что онъ не воспользовался для своей книги тѣмъ, что́ уже сдѣлано въ этой области. Я разумѣю именно взаимно пополняющія другъ друга статьи г. Червинскаго [1]) и г. Шликевича [2]), которыя захватываютъ какъ разъ часть территоріи Нѣжинскаго полка и пользованіе которыми позволило бы автору ввести въ свое изложеніе не-

---

1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниг. губ., т. XV, Кролевецкій уѣздъ, статья П. Червинскаго: Подворная перепись 1767 и 1883 гг. Здѣсь и составленныя по Рум. Описи подворныя таблицы для 33 селеній, изъ которыхъ 7, впрочемъ, не входили въ составъ Нѣжинскаго полка.

2) «Лучше ли жилось въ Малороссіи за 100 лѣтъ назадъ?» Земскій сборникъ Черниговской губ. 1890, №№ 11—12, отд. IV, стр. 152—179. Здѣсь цѣнны нѣкоторыя поправки къ предыдущей статьѣ, именно къ характеру пользованія матеріаломъ Рум. Описи со стороны г. Червинскаго, остальная же часть статьи, направленная противъ выводовъ работы г. Лазаревскаго о малорусскихъ крестьянахъ, основана на ничтожномъ матеріалѣ и не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Авторъ, напр., рѣшается установить процессъ измѣненія величины ренты на протяженіи столѣтія на основаніи двухъ извѣстныхъ ему примѣровъ.

маловажную иллюстрацію земельныхъ отношеній. Насколько серьезное значеніе могла бы имѣть въ немъ подобная иллюстрація, можно видѣть уже изъ того, что въ настоящее время единственнымъ въ книгѣ точнымъ указаніемъ такого рода является опредѣленіе количества земли, находившейся во владѣніи посполитыхъ с. Обтова въ 1727 г. (стр. 322—323).

Болѣе уже матеріала собрано г. Лазаревскимъ для характеристики самаго процесса передвиженія земельной собственности между различными группами населенія. На страницахъ его книги разсѣяно значительное число примѣровъ «скупли» земель козаковъ и свободныхъ посполитыхъ свѣтскими и духовными державцами, имъ приводятся здѣсь и цифровыя данныя, относящіяся если не къ количеству земли, то къ количеству дворовъ, переходившихъ такимъ путемъ въ руки державцевъ, онъ указываетъ далѣе общія причины успѣшнаго хода такой скупли, усматривая ихъ главнымъ образомъ въ тяжести повинностей, лежавшихъ на козачьихъ и свободныхъ посполитскихъ земляхъ, и въ насиліяхъ, пускавшихся въ ходъ со стороны державцевъ. Приводимые имъ конкретные примѣры относятся по преимуществу къ послѣдней сторонѣ дѣла, ярко обрисовывая тѣ по истинѣ поразительные размѣры, до какихъ доходили иногда подобныя насилія. Укажу хотя бы на дѣйствія въ с. Сосновкѣ въ 1713 г. сотника Андрея Лизогуба, который, принуждая козака продать ему землю, приковалъ его къ дымовой трубѣ и недѣль семь окуривалъ дымомъ (стр. 235—236). Менѣе представлена въ собранныхъ авторомъ фактахъ другая сторона вопроса — тѣ нужды, которыя и безъ насилій со стороны владѣльцевъ заставляли козаковъ продавать свои земли. Между тѣмъ въ документахъ можно найти нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ, позволяющія дополнить изложеніе г. Лазаревскаго. Въ бумагахъ Омбишскаго монастыря, напр., сохранилось 11 купчихъ 1723 г. и 1 — 1724 г., выданныхъ монастырю на разныя земли мѣстными козаками, которые продавали эти земли, нуждаясь, какъ они заявляютъ, въ деньгахъ «ку пилной своей потребѣ ку споряженю походу на услугу Императорскую»[1]). Иногда походъ ложился такимъ тяжкимъ

1) Ближайшее содержаніе этихъ купчихъ, являющееся любопытной иллюстраціей къ вопросу о переходѣ земель изъ рукъ козаковъ къ другимъ сословіямъ, таково: по первой — Ив. Шевченко продаетъ монастырю 2 нивы за 11 золотыхъ; по 2-й — Ив. Фесенко — ниву за $13^1/_2$ золотыхъ; по 3-й — Ил. Куценко ниву за 10 тал.; по 4-й — Ив. Жучокъ 2 нивы за 6 копъ; по 5-й — Кость Даниленко ниву за 8 копъ; по 6-й Кон. Сердюченко сѣножать за 9 копъ; по 7-й — Ил. Лузаненко 2 нивы за 8 копъ; по 8-й, выданной черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, онъ же 2 нивы за 8 копъ; по 9-й — Стеф. Даниленко ниву за 8 копъ; по 10-й — Кон. Сердюченко одну ниву продаетъ за 8 копъ, другую заставляетъ на 3 года за 10 золотыхъ; по 11-й — Зин. Кугивиденко заставляетъ ниву на 3 года за 6 копъ; по 12-й (1724 г.) — Якимъ Лузаненко продаетъ монастырю ниву за 6 копъ. За всѣми этими продажами и заставами въ документахъ слѣдуетъ фраза: отъ данной земли «зрекаюся и въ далшой моей потреби, аще ми нужно будетъ, и на прочій грунтъ мой всякій кредитъ себѣ у поменeной

бременемъ на хозяйство козака, что сразу подрывалъ его состоятельность и вынуждалъ лишиться всей земли. Такъ, козакъ с. Холопкова, Федоръ Негреба, не желая самъ отправляться въ низовый Сулацкій походъ, нанялъ за себя другаго козака за 100 талярей, но не смогъ уплатить этихъ денегъ и занялъ ихъ у Глуховскаго Петропавловскаго монастыря, отдавъ монахамъ въ заставу «грунтъ свой власній, то есть дворъ з строеніемъ, з гумномъ и з полемъ в селѣ Холопковѣ»; однако въ срокъ онъ не отдалъ долга и монастырю, и земля перешла окончательно во владѣніе послѣдняго[1]). Такой переходъ козацкой земли въ руки владѣльцевъ облегчался далѣе и самыми формами землевладѣнія, при которыхъ существовала общность владѣнія между козаками и посполитыми, съ теченіемъ времени, какъ я уже упоминалъ, становившаяся весьма неудобной для первыхъ. Какъ это происходило, можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій примѣръ. Въ 1734 г. Мринскій козакъ Иванъ Огій и посполитые Ярмола Вуйтенко и Мих. Прадченко заявили въ сотенномъ Мринскомъ правленіи, что они продаютъ мѣстному монастырю свой гай за 81 зол., «а въ томъ гаю козака Огія двѣ части, а посполитихъ Вуйтенка и Прадченка третая една часть». Мотивами продажи лѣса съ своей стороны Огій выставилъ: «1-е, что тотъ его гай стоитъ между грунтами монастирскими и ему въ порубѣ того гаю немаліе чинятся утиски; 2-е, что того его гаю (понеже очень клиноватій) отдѣлить нѣлзя отъ мужиковъ, а части мужичой козаку Огію, чтобъ весь его гай билъ, заплатить городничіе Мринскіе не попускаютъ, а хотя де онъ Огій продавалъ многимъ козакамъ Мринскимъ тіе двѣ части своего гаю, толко де нѣхто зъ козаковъ того гаю (понеже сполній зъ посполитими подданими монастирскими) не похотѣлъ купити». Входя въ положеніе Огія, сотенное правленіе разрѣшило ему эту продажу монастырю[2]). Стремленіе законодательства къ строгому разграниченію козацкой и посполитской земли должно было часто оказываться безсильнымъ передъ такими порядками жизни, въ основѣ которыхъ лежала совсѣмъ иная тенденція, къ тому же имѣвшая и свое правовое обоснованіе. Въ слѣдующемъ случаѣ мы какъ разъ имѣемъ примѣръ рѣзкаго нарушенія дѣйствующихъ законовъ на основаніи «права посполитаго». Въ 1736 г. козакъ с. Тиницы Вас. Колодченко продалъ Крупицкому Батуринскому монастырю «ради нужди незпос-

---

обытели святой салву зоставую и близкость записую и на тое все мой добровольный сей записъ... даю». Монастырь такимъ образомъ получалъ нѣкоторую гарантію перехода къ нему въ будущемъ и остальной козацкой земли. Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, подъ общимъ № 1616, №№ 1769, 1778, 1780, 1781, 1782, 1785—1789, 1792, 1774.

5) Тамже, № $\frac{1616}{912}$.

6) Тамже, № $\frac{1616}{2941}$.

ной» свой плацъ и огородъ «единой ради великой близкости келіи монастырской, цѣною за 10 талярій, которой ради и право посполитое не токмо не возбраняетъ, лечъ и повелѣваетъ куповати всякому помѣщикови у помѣщика грунтъ праведною цѣною»; при этомъ однако Колодченко остался жить на проданной землѣ и обязался отбывать «монастирскую повинность зъ дворовими людьми монастирскими безъ всякой змаги и противности»[1]). Натяжка въ данномъ случаѣ очевидна: Колодченко въ силу «права посполитаго» продаетъ свою землю не-козаку и самъ переходитъ изъ козаковъ въ посполитые, и это въ виду существованія указовъ, запрещающихъ то и другое. Но, и признавая такую натяжку, нельзя не видѣть, что данные указы не охватывали собою всѣхъ сторонъ тѣхъ жизненныхъ явленій, на которыя они пытались воздѣйствовать, почему и самое воздѣйствіе часто не могло осуществиться. Между тѣмъ именно эти стороны мѣстныхъ порядковъ, не охваченныя касавшимся Малороссіи имперскимъ законодательствомъ, находили себѣ порой у мѣстной администраціи не только торжественную санкцію, но и спеціальное примѣненіе въ интересахъ владѣльцевъ. Таково, напримѣръ, изданное полковой Нѣжинской старшиной въ 1723 г. по просьбѣ Омбишскаго монастыря распоряженіе, которымъ она запрещала козакамъ с. Омбиша продавать или отдавать въ заставу свои земли кому бы то ни было, кромѣ мѣстныхъ посполитыхъ[2]).

Поскольку старшина и вообще владѣльцы старались муссировать процессъ мобилизаціи козацкой земли, постольку же они уже съ очень ранней поры стали стремиться предупредить и задержать вынесеніе на рынокъ земель, принадлежавшихъ владѣльческимъ посполитымъ, устанавливая сперва ограниченія правъ собственности посполитыхъ по отношенію къ этимъ землямъ, а затѣмъ и совершенно перенося такія права съ посполитыхъ на ихъ владѣльцевъ. Для разъясненія этой стороны земельныхъ отношеній въ книгѣ г. Лазаревскаго имѣются весьма цѣнные факты, значительно дополняющіе то, что было собрано имъ по этому вопросу въ его работѣ о малорусскихъ крестьянахъ и что вообще извѣстно въ литературѣ[3]). Таково напечатанное имъ распоряженіе ген. судьи Вас. Кочубея 1707 г., которымъ онъ запрещалъ своимъ посполитымъ въ с. Ярославцѣ покупать и принимать въ заставу земли отъ посполитыхъ сосѣдняго села Погребковъ безъ вѣдома державцы послѣдняго, —

---

1) Такжe, № $\frac{1616}{1500}$. «Помѣщикъ» здѣсь = помѣжникъ, т. е. сосѣдъ.

2) См. приложенія, № 3.

3) «Малороссійскіе посполитые крестьяне», Записки Черн. Губ. Стат. Комитета, кн. 1, Чернигов, 1866, с. 27—30. Ср. также нѣкоторыя замѣчанія въ цитированной выше статьѣ А. Ф. Кистяковскаго и мою статью «Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII столѣтіи», Русское Богатство, 1894, № 2, с. 39—44.

наиболѣе ранній фактъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ попытокъ владѣльцевъ наложить свой контроль на распоряженіе посполитыхъ землею (с. 444); таковъ разсказываемый авторомъ и относящійся къ 1715 г. случай истязанія державцею с. Пехаевки, Гавр. Милорадовичемъ, козака за покупку земли у посполитаго этого села (с. 308); сюда же можно отнести и передаваемые авторомъ случаи отнятія владѣльцами уже въ началѣ XVIII столѣтія земли у посполитыхъ, происходило ли такое отнятіе въ видѣ наложеннаго доминіальнымъ судомъ штрафа или являлось оно простымъ, ничѣмъ неприкрытымъ насиліемъ (см. напр. с. 398, 308). Къ этому ряду фактовъ можно сдѣлать нѣкоторыя добавленія. Прежде всего можно указать болѣе ранній случай запрещенія посполитымъ продавать свои земли козакамъ, нежели запрещеніе Кочубея. Въ 1691 г. именно Мринскій «городничій» (монастырскій управляющій) Варлаамъ Хоминскій обратился къ Нѣжинскому полковнику Обидовскому съ жалобой, что козаки Мринской сотни покупаютъ сѣнокосы и другія земли у посполитыхъ Черниговскаго Каоедральнаго монастыря и тѣмъ наносятъ ущербъ и посполитымъ, и монастырю, такъ какъ «чрезъ таковыя продажи тяглые люди бѣднѣютъ». Удовлетворяя этой просьбѣ, полковникъ въ томъ же году и издалъ универсалъ, которымъ запретилъ какъ въ селахъ Мринской сотни, такъ и въ самомъ м. Мринѣ козакамъ покупать земли у посполитыхъ, и обратно — посполитымъ у козаковъ, подъ страхомъ штрафа въ 100 талярей[1]). Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка взглядъ на посполитскую землю, какъ на неподлежащую продажѣ безъ разрѣшенія державцы, уже очень прочно укрѣпился во владѣльческихъ кругахъ Малороссіи, но проведеніе этого взгляда на практикѣ встрѣчало серьезныя затрудненія и осуществлялось лишь съ помощью высшей власти страны — гетмана. Такъ, въ 1717 г. игуменъ Максаковскаго монастыря, Іосифъ Бѣлицкій, жаловался Скоропадскому, что «въ многихъ тамошнихъ посполитихъ жителей, подданихъ монастирскихъ, обыватели сотнѣ Борзенской лѣси и иніе кгрунта потаемнимъ способомъ мимо вѣдома ихъ законниковъ, яко державцовъ, поскупововали, черезъ що тие маетности до крайнего пришли и приходятъ знищеня и разореня», и просилъ гетманской обороны. Скоропадскій дѣйствительно запретилъ всѣмъ обывателямъ Борзенской сотни покупать земли у монастырскихъ посполитыхъ, ссылаясь при этомъ на общій установившійся въ Малороссіи порядокъ[2]). Это не помѣшало однако черезъ 12 лѣтъ игумену

1) См. приложенія, № 4.

2) «Мы теди гетманъ, писалъ Скоропадскій, вѣдаючи здавна ухваленний зде въ Малой Россіи порадокъ, же не волно нѣкому въ державскихъ маетностяхъ въ посполитихъ людей жаднихъ кгрунтовъ скуповивати, пилно черезъ сей универсалъ упоминаемъ и грозно приказуемъ, абы такъ духовніе особи, якъ козаки и посполитіе, помянутой сотнѣ Борзенской обы-

вновь «жалостливе доносить» гетману, на этотъ разъ Апостолу, «что въ маетностяхъ, до обители святой падлежачихъ, въ полку Нѣжинскомъ, въ сотнѣ Борзенской и Шаповаловской имѣючихся, у многихъ тамошнихъ посполитихъ жителей, подданихъ монастирскихъ, обыватели сотни Борзенской и Шаповаловской власніе лѣсы и кгрунта монастирскіе потай отважаются скуповати, а скупленними владѣти». Подтверждая универсалъ своего предшественника, Апостолъ вновь, и еще болѣе строго, запретилъ козакамъ и посполитымъ названныхъ сотенъ покупать землю у монастырскихъ подданныхъ[1]). Слѣдя за этими распоряженіями, исходившими отъ носителей высшей власти въ странѣ, легко подумать, что тотъ общій порядокъ, на который они такъ рѣшительно ссылаются, дѣйствительно существовалъ въ жизни, и тогда только приходится удивляться, почему для поддержанія его требовались столь постоянныя и энергическія усилія. Но, обращаясь къ памятникамъ иного рода, въ которыхъ нашла себѣ отраженіе сама текущая жизнь, а не заботы администраціи, направленныя на ея упорядоченіе, мы встрѣчаемъ въ нихъ слѣды иного порядка, не похожаго на тотъ, который рисуютъ гетманскіе универсалы, и такіе слѣды попадаются сравнительно очень даже поздно. Тѣ самые монастыри, которые въ теоріи такъ рѣшительно отрицали за своими посполитыми право распоряженія ихъ земельными участками, на практикѣ нерѣдко бывали вынуждены прямо или косвенно признавать это право и могли удержать за собою ускользавшую изъ-подъ ихъ владѣнія землю лишь путемъ компромиссовъ, для которыхъ, казалось бы, не было мѣста въ виду рѣшительныхъ заявленій гетманскихъ универсаловъ. Такъ, въ 1739 г. игуменъ Максаковскаго монастыря Іоасафъ Кватипцкій «откупилъ» отъ жителя с. Прачей Ив. Сладковскаго и жены его скупленныя бывшимъ Прачевскимъ священникомъ Никифоромъ у монастырскихъ посполитыхъ земли въ видѣ нивъ, огородовъ, садковъ, и уплатилъ за нихъ 22 р. 22 к.[2]). Стало быть, земли, которыя

вателѣ, жадною мѣрою не важился у подданихъ монастира Максакувского анѣ явнимъ, анѣ потаемнимъ способомъ кгрунтовъ куповати, а еслибы хто надъ сей нашъ указъ смѣлъ тое чинити, таковий за донесенемъ непоблажне каранъ будетъ, деклярусмъ»... Архивъ Черниг. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{640}$. Универсалъ помѣченъ 21 іюля 1717 г.

1) Тамже, № $\frac{1616}{645}$. Универсалъ гетм. Апостола 30 іюля 1729 г.: «упоминаемъ и грозно приказуемъ, абы такъ съ козаковъ, яко и зъ посполитихъ людей помянутой сотнѣ Борзенской и Шаповаловской нихто жадною мѣрою у подданихъ монастира Максаковского нѣ явнимъ, нѣ потаемнимъ образомъ лѣсовъ и грунтовъ монастирскихъ не важился скуповати; а еслибы хто надъ сей нашъ указъ смѣлъ тое чинити, таковий въ своихъ денгахъ, якіе бы за купленний грунтъ далъ, шкодовати имѣетъ и неслушне купленного грунту уступити мусить, зверхъ того за ослушание нашего указу и наказаниемъ прикритъ будетъ».

2) Тамже, № $\frac{1616}{687}$.

монастырь какъ будто имѣлъ возможность вернуть себѣ даромъ, въ качествѣ незаконно отошедшей отъ него собственности, онъ возвращалъ лишь путемъ денежныхъ пожертвованій. Трудно думать, чтобы монахи рѣшились на послѣднія безъ серьезной надобности въ нихъ. Другой примѣръ, имѣющійся въ источникахъ и относящійся къ тому же 1739 г., пожалуй, еще характернѣе. Священникъ Хмѣловскій Сем. Стефановъ купилъ у посполитой Крупицкаго Батуринскаго монастыря Анны Зленчихи и сына ея Якова ихъ лѣсъ и «фундушъ ступника» на монастырской землѣ около хутора монастыря на Будищахъ «безъ благословенія монастырского» за 175 золотыхъ, но затѣмъ уступилъ эту покупку монастырю, взявъ отъ монаховъ сумму, равную той, которую онъ уплатилъ Зленчихѣ, «понеже не токмо права малороссійскіе таковій помѣжній грунтъ зъ лѣсомъ и фундушъ ступника въ грунтѣ монастирскомъ не мнѣ повелѣваютъ куповати, лечъ и самое право посполитое и звичай кажутъ помѣжниковѣ у помѣжника куповати, а къ тому еще и въ подданного своего»[1]). Здѣсь выкупъ проданной посполитымъ земли, совершаемый владѣльцемъ имѣнія, мотивируется въ такой же, и едва ли не бо́льшей мѣрѣ, правомъ сосѣда, какъ и собственно владѣльческимъ правомъ. Рядомъ съ этими фактами можно указать и случаи, правда, болѣе поздніе, строгаго примѣненія статей Литовскаго Статута, трактующихъ о крестьянской землѣ, проданной безъ вѣдома и согласія пана. Въ 1747 г. Глуховскій Успенскій монастырь привлекъ къ суду въ мѣстномъ сотенномъ правленіи жителя с. Березы Исая Слѣпорода, обвиняя его въ завладѣніи дворомъ монастырскаго посполитаго въ этомъ селѣ. Отвѣтчикъ показывалъ на судѣ, что мѣсто, на которомъ стоитъ спорный дворъ, онъ купилъ четыре года назадъ у монастырскаго посполитаго Тишка Грѣшнаго съ дозволенія бывшей игуменьи Евфросиніи, къ этому времени уже умершей, и на этомъ мѣстѣ самъ затѣмъ выстроилъ дворъ. Монастырь отрицалъ однако существованіе такого дозволенія игуменьи, а Слѣпородъ не имѣлъ письменнаго документа, который бы доказывалъ его, и сотенное правленіе, ссылаясь на раздѣлъ IX, артик. 27 Лит. Статута, присудило возвратить дворъ Слѣпорода Грѣшному, какъ построенный на неправильно купленной землѣ[2]).

Сдѣланными указаніями я, конечно, не думалъ исчерпать особенностей козацкаго и посполитскаго землевладѣнія на территоріи Нѣжинскаго полка. Путемъ приведенныхъ выше частныхъ примѣровъ я пытался лишь намѣтить типичныя черты того, во многомъ еще не уясненнаго, строя земель-

---

1) Тамже, № $\frac{1616}{1501}$.

2) Тамже, № $\frac{1616}{2372}$.

ныхъ отношеній, какой сложился здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ лѣвобережной Малороссіи, за XVII—XVIII столѣтія. Полное изслѣдованіе этого строя, при состояніи нашихъ источниковъ, врядъ-ли и возможно подъ условіемъ пользованія матеріалами только одной какой-либо мѣстности, хотя бы эта мѣстность равнялась территоріи цѣлаго полка. Но задача описанія, посвященнаго вопросамъ землевладѣнія, можетъ, мнѣ кажется, заключаться и въ томъ, чтобы подобрать подобные факты изъ этой области и тѣмъ подготовить матеріалъ для будущаго изслѣдованія.

Главную часть того отдѣла книги г. Лазаревскаго, который посвященъ землевладѣнію, составляютъ однако, какъ было уже упомянуто, данныя, относящіяся къ землевладѣнію державческаго класса, и именно къ владѣнію имѣніями, или, употребляя оффиціальный терминъ старой Малороссіи, маетностями. Къ этой части я теперь и перехожу. Она изложена авторомъ въ формѣ ряда очерковъ по исторіи отдѣльныхъ селъ, причемъ въ каждомъ такомъ очеркѣ перечисляются владѣльцы даннаго поселенія въ ихъ хронологической послѣдовательности съ опредѣленіемъ тѣхъ правъ, на которыхъ основывалось ихъ владѣніе, и съ указаніемъ причинъ, въ силу которыхъ село переходило изъ однихъ рукъ въ другія. Такова собственно схема, въ которую авторъ заключаетъ свои свѣдѣнія; не всегда, конечно, ему удается заполнить всѣ ея рубрики, но въ общемъ она выдержана на протяженіи всей книги. Громадный и свѣжій матеріалъ, тщательно собранный авторомъ, составляетъ неоспоримое достоинство и этой части работы г. Лазаревскаго. Главнымъ источникомъ его свѣдѣній по исторіи владѣнія имѣніями за XVII вѣкъ и до 1730 года служитъ рукописное генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Нѣжинскомъ полку. Данныя этого источника онъ дополняетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ показаніями различныхъ документовъ, въ значительномъ количествѣ извлеченныхъ имъ изъ оффиціальныхъ и семейныхъ архивовъ. Гетманскіе универсалы и царскія жалованныя грамоты, указы генер. войсковой канцеляріи и приговоры генеральнаго суда, купчія крѣпости, завѣщанія, частная переписка — таковы разнообразные источники, при помощи которыхъ авторъ дѣлаетъ свои добавленія къ даваемой въ текстѣ генеральнаго слѣдствія исторіи маетностей, а съ 1730 г. и исключительно на основаніи которыхъ возсоздаетъ онъ эту исторію; къ ряду ихъ надо еще прибавить ревизію 1736 г. и описаніе намѣстничествъ 1781 г., изъ печатныхъ же источниковъ особенно Обозрѣніе Рум. Описи. Тамъ, гдѣ авторъ опирается на эти источники, сообщаемыя имъ богатыя данныя заслуживаютъ полнаго довѣрія и требовали бы развѣ нѣкоторыхъ дополненій по оставшемуся неизвѣстнымъ автору рукописному матеріалу, всегда, конечно, возможныхъ. Но въ подборѣ свидѣтельствъ источниковъ, сдѣланномъ авторомъ, есть, мнѣ кажется, и одна слабая сторона, на кото-

рую я и обращу особенное вниманіе. Г. Лазаревскій именно, на мой взглядъ, недостаточно внимательно отнесся къ тексту основнаго источника этой части своей работы — генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ и въ зависимости отъ этого въ картинѣ малорусскаго землевладѣнія XVII—XVIII вв., какъ она обрисовывается въ приводимыхъ авторомъ фактахъ, стушевываются или не совсѣмъ вѣрно представляются нѣкоторыя черты, свойственныя этому землевладѣнію въ дѣйствительности. Постараюсь доказать и уяснить свою мысль путемъ сопоставленія нѣкоторыхъ мѣстъ въ изложеніи г. Лазаревскаго съ текстомъ слѣдствія, служащимъ для него источникомъ. Но прежде два слова о самомъ источникѣ этомъ, къ которому мнѣ приходится возвращаться уже третій разъ втеченіе своего разбора.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ составлено было въ 1729—31 гг. въ силу «рѣшительныхъ пунктовъ», данныхъ гетману Апостолу, причемъ цѣлью его составленія являлась какъ провѣрка правъ владѣльцевъ на находившіяся въ ихъ обладаніи имѣнія, такъ и приведеніе въ извѣстность количества имѣній, оставшихся еще свободными, никому не розданными во владѣніе. Матеріалъ для этого слѣдствія собранъ былъ путемъ опроса мѣстныхъ старожиловъ о владѣльцахъ маетностей, настоящихъ и бывшихъ, и ихъ правахъ на владѣніе и путемъ повѣрки добытыхъ изъ этого опроса свѣдѣній документами, представленными самими владѣльцами. Затѣмъ этотъ матеріалъ разсмотрѣнъ былъ генеральною старшиною вмѣстѣ съ полковниками и полковой старшиною и всѣ маетности въ результатѣ такого разсмотрѣнія были раздѣлены на 6 разрядовъ или «статей»: наслѣдственныя маетности частныхъ владѣльцевъ, монастырскія, ранговыя или приписанныя къ должностямъ, носители которыхъ пользовались и доходами съ этихъ имѣній, сомнительныя, ратушныя или принадлежащія городамъ и свободныя войсковыя. Въ полномъ видѣ книги «слѣдствія» и дѣлятся на двѣ части, изъ которыхъ въ первой заключается самое слѣдствіе объ отдѣльныхъ маетностяхъ, а во второй сокращенное извлеченіе или «экстрактъ» изъ него (изъ «ревизіальныхъ книгъ о маетностяхъ», какъ называется еще оно въ текстѣ подлинника) и приговоръ, постановленный генеральною старшиною и полковниками по поводу каждой маетности относительно зачисленія ея въ ту или другую статью; въ приложеніи къ слѣдствію помѣщались наконецъ копіи съ представленныхъ владѣльцами документовъ на владѣніе[1]). Въ сохранившейся книгѣ

---

1) Слѣдствіе по Черниговскому полку издано А. М. Лазаревскимъ (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, Черниговъ, 1892), по Кіевскому и Гадяцкому — Н. П. Василенкомъ, пользовавшимся для изданія рукописями библіотеки А. М. Лазаревскаго (Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Кіевскаго полка. Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 7, и Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Гадяцкаго полка, Полтава, 1893). О характерѣ слѣдствія, какъ источника, кромѣ предисловій издателей, см.

генеральнаго слѣдствія по Нѣжинскому полку первая часть слѣдствія отсутствуетъ и мы имѣемъ только окончательное распредѣленіе маетностей по статьямъ, сопровождаемое однако свѣдѣніями объ ихъ прошлой судьбѣ, и документы. Этотъ источникъ, заключая въ себѣ такимъ образомъ матеріалъ для исторіи имѣній лѣвобережной Малороссіи въ промежутокъ времени 1654—1730 гг. и для опредѣленія отношеній между различными родами владѣній къ послѣднему хронологическому моменту, имѣетъ первостепенное значеніе для исторіи малорусскаго землевладѣнія, тѣмъ болѣе, что его показанія отличаются въ общемъ замѣчательною точностью. Свѣряя занесенныя въ слѣдствіе «сказки» старожиловъ, излагающія исторію отдѣльныхъ селъ, съ документами тамъ, гдѣ такая свѣрка возможна, приходится, правда, иногда вскрывать въ этихъ сказкахъ мелкія погрѣшности и неточности, но число подобныхъ случаевъ очень невелико, чтобъ не сказать — ничтожно. Вообще же показанія старожиловъ, сообщавшихъ факты лишь за тотъ промежутокъ времени, «якъ ихъ память осягнетъ», даютъ чрезвычайно точныя свѣдѣнія, благодаря которымъ получается возможность возстановить характеръ владѣнія имѣніями въ лѣвобережной Малороссіи за XVII и начало XVIII столѣтія съ бо́льшею обстоятельностью, чѣмъ это можно было бы сдѣлать по сохранившимся въ сравнительно незначительномъ количествѣ актамъ этой поры. И это тѣмъ болѣе важно, что весь строй землевладѣнія гетманской Малороссіи съ этой его стороны остается еще весьма мало выясненнымъ въ литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что въ старой Малороссіи имѣніями владѣли и города, и монастыри, и урядники или лица, отправлявшія тѣ или иныя общественныя должности, и наконецъ лица изъ класса старшины, не занимавшія никакого уряда; знаемъ далѣе, что раздача имѣній производилась и гетманами и царскимъ правительствомъ, что имѣнія раздавались на время и въ наслѣдственное владѣніе. Но порядокъ возникновенія этихъ формъ владѣнія, взаимныя отношенія ихъ между собою, степень устойчивости правъ, пріобрѣтавшихся на имѣніе тѣмъ или инымъ путемъ, условія, которыми обставлялось владѣніе, группировка имѣній по родамъ владѣнія и происходившія въ ней измѣненія — все это вопросы, не рѣшенные еще въ литературѣ и едва только поднятые ею[1]). Въ виду этого задача описанія, основывающагося на такомъ источникѣ, какъ генеральное слѣдствіе о маетностяхъ, должна бы заключаться

рецензію И. В. Лучицкаго на первый томъ «Описанія старой Малороссіи» (Кіев. Ун. Изв. 1889, № 12), весьма важную по даваемымъ въ ней обобщеніямъ, и мои рецензіи на названныя изданія въ Кіев. Старинѣ, 1893, № 8 и 1894, № 4.

1) См. указанную въ предыдущемъ примѣчаніи рецензію И. В. Лучицкаго, указанія котораго по вопросу о формахъ держанія земель въ лѣвобережной Малороссіи могутъ стать отправною точкою для дальнѣйшей работы въ этомъ направленіи.

въ данномъ случаѣ въ строго точномъ пересказѣ ряда фактовъ изъ исторіи имѣній со всѣми характерными особенностями, въ сопровожденіи какихъ являются они въ источникахъ, фактовъ, отъ которыхъ могъ бы уже спокойно отправляться будущій изслѣдователь въ своихъ изысканіяхъ. Такъ, конечно, понималъ свою задачу и самъ А. М. Лазаревскій. Выполнена однако она, на мой взглядъ, въ работѣ почтеннаго историка не въ той мѣрѣ, въ какой это требовалось положеніемъ вопроса и характеромъ источника.

Сличая изложеніе г. Лазаревскаго съ текстомъ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, приходится во многихъ случаяхъ открывать разногласіе между ними, ничѣмъ не оправдываемое со стороны автора «Описанія старой Малороссіи». Иногда это разногласіе заключается лишь въ пропускѣ авторомъ одного или нѣсколькихъ владѣльцевъ села, упомянутыхъ въ слѣдствіи. Въ перечнѣ владѣльцевъ с. Евлашовки напр. пропущенъ послѣ Шпаковскаго зять Нѣжинскаго попа Пучковскаго, полк. писарь Федоръ[1]). О с. Синякахъ авторъ говоритъ только, что оно послѣ изгнанія поляковъ принадлежало Нѣжинскому магистрату, слѣдствіе же знаетъ еще, что при полковникѣ Толстомъ имъ владѣлъ полк. асаулъ Моисей Левицкій, а затѣмъ, втеченіе одного мѣсяца, полк. пис. Леонтій Грановскій, послѣ чего оно вновь вернулось къ магистрату[2]). О с. Крапивнѣ мы у г. Лазаревскаго читаемъ, что оно находилось «во владѣніи полковниковъ до Лук. Жураковскаго, который отдалъ ее на урядъ полковыхъ писарей»; въ слѣдствіи же владѣльцемъ ея послѣ Л. Жураковскаго показанъ полк. пис. Иванъ Ананіевичъ, потомъ полк. ас. М. Левицкій и потомъ опять полк. пис. Л. Грановскій[3]). С. Володькова-Дѣвица, по словамъ г. Лазаревскаго, послѣ Гуменскаго «была присвоена Нѣжинскими полковниками и шла на ихъ урядъ» до 1708 г., а слѣдствіе называетъ ея владѣльцемъ послѣ полковника Ст. Забѣлы сына его Василія и потомъ уже опять полковниковъ[4]). Владѣльцемъ с. Пашковки послѣ Нѣжинскихъ полковниковъ авторъ считаетъ полк. ас. Левицкаго, которому, по его словамъ, она была отдана гетм. Скоропадскимъ въ 1720 г., между тѣмъ въ слѣдствіи говорится, что послѣ Л. Жураковскаго ею владѣлъ полк. пис. Иванъ Ананіевичъ и уже послѣ него п. ас. Левицкій по универсалу полковника Толстого 1720 г. за войсковыя услуги[5]). Въ перечнѣ владѣльцевъ с. Бакаевки г. Лазаревскій опускаетъ гетм. Мазепу, который, по слѣдствію, владѣлъ ею послѣ Т. Борсука, и, не совсѣмъ точно излагая дальнѣйшую ея исторію, опускаетъ въ ней любопыт-

1) Лазар., с. 85; рукопись Нѣж. слѣдствія, л. 1.
2) Лазар., с. 89; рукопись Нѣж. сл., л. 66.
3) Лазар., с. 89; рукопись Нѣж. сл., л. 59—об.
4) Лазар., с. 89; рукопись Нѣж. сл., л. 57.
5) Лазар., с. 92; рукоп. Нѣж. сл., л. 63.

ныя черты. По его словамъ, именно, «при Мазепѣ Бакаевка отдана тогдашнему Дѣвицкому сотнику Вас. Селецкому, въ родѣ котораго и оставалась до конца XVIII в.» Слѣдствіе же говоритъ, что В. Селецкій владѣлъ Бакаевкой по универсалу гетм. Скоропадскаго 1708 г. «до ласки», а послѣ него владѣлъ его сынъ Як. Селецкій по универсаламъ гетм. Скоропадскаго 1717 г. и Апостола 1729 г., даннымъ «за услуги»[1]). Называя владѣльцевъ сс. Крупичполя, Вишневки и Сварпчовки, авторъ опускаетъ занесенную въ слѣдствіе подробность, что Іос. Завадскій владѣлъ этими селами, будучи не только полк. писаремъ, но и полковымъ сотникомъ, и что послѣ полковн. Обидовскаго они находились втеченіе нѣкотораго времени во владѣніи его жены, равно какъ владѣлъ ими и полковникъ Толстой; для с. Вишневки же авторъ не указалъ момента ея возвращенія въ ранговое владѣніе, отмѣченнаго въ слѣдствіи, гдѣ сказано, что послѣ б. т. Як. Жураковскаго ею владѣетъ полковникъ Хрущовъ по универсалу гетм. Апостола[2]). Неполонъ равнымъ образомъ у автора и списокъ владѣльцевъ сс. Рожновки и Максимовки, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ упоминаемые въ слѣдствіи послѣ Ст. Забѣлы — сынъ его Василій и жена послѣдняго, послѣ Вас. Кочубея — гетм. Мазепа[3]). Говоря о принадлежности с. Печи Нѣжинскому магистрату, авторъ не сообщаетъ свѣдѣнія слѣдствія, что «по опредѣленію ратушной старшины» имъ владѣлъ прежде магистратскій писарь Драбко, а въ моментъ составленія слѣдствія — магистратскій же писарь Кошевій[4]). Въ перечнѣ владѣльцевъ с. Шабалинова отсутствуетъ послѣ Зах. Шийкевича гетм. Мазепа[5]), въ такомъ же перечнѣ для с. Ярославца первымъ его владѣльцемъ названъ при Мазепѣ Вас. Кочубей, отъ котораго оно и перешло къ его наслѣдникамъ, но слѣдствіе знаетъ здѣсь владѣльца раньше Кочубея, еще при гетм. Самойловичѣ — Якова Лизогуба[6]).

Уже въ приведенныхъ примѣрахъ нѣсколько уясняется характеръ пользованія источникомъ со стороны автора и результаты такого пользованія. Авторъ бралъ изъ своего источника, видимо, лишь тѣ свѣдѣнія, которыя обрисовывали, казалось, постоянныя и прочно установившіяся явленія, опуская въ своемъ подборѣ фактовъ то, что представлялось случайнымъ и неопредѣленнымъ. Но дѣло въ томъ, что при такомъ пріемѣ какъ разъ утерялась самая постоянная и характерная особенность изображаемаго строя, немедленно и ярко выступающая, какъ только мы возста-

---

1) Лазар., с. 92; рукоп. Нѣж. сл., л. 2—об.
2) Лазар., с. 94; рукоп. Нѣж. сл., лл. 1 об. — 2, 58.
3) Лазар., с. 94; рукоп. Нѣж. сл., л. 57 об.
4) Лазар., с. 123; рукоп. Нѣж. сл., л. 66 об.
5) Лазар., с. 306; рукоп. Нѣж. сл., л. 16 об.
6) Лазар., с. 443; рукоп. Нѣж. сл., л. 22 об.

новимъ относящіяся сюда мѣста источника въ ихъ неприкосновенномъ видѣ. Это именно — полная почти неразграниченность, господствовавшая въ XVII и даже въ началѣ XVIII вѣка, въ группѣ селъ, находившихся въ ранговомъ владѣніи, отсутствіе приписки опредѣленныхъ маетностей къ опредѣленнымъ должностямъ. Почти каждое изъ тѣхъ опредѣленій, какія мы встрѣчаемъ у автора при отдѣльныхъ селахъ, вродѣ: «шло на рангъ полковниковъ», «находилось въ ранговомъ владѣніи полковыхъ писарей» и т. п., требовало бы серьезныхъ поправокъ и оговорокъ. Однимъ и тѣмъ же селомъ владѣлъ полковой писарь, потомъ полковой асаулъ или хоружій; мѣсто полковника занималъ въ качествѣ владѣльца села полковой писарь, за нимъ слѣдовалъ сотникъ, потомъ опять писарь или полковникъ. Иногда одинъ и тотъ же человѣкъ, проходя различные войсковые уряды, удерживалъ за собою одно или нѣсколько селъ въ ранговомъ владѣніи. Въ этой, на первый взглядъ, пестрой и безпорядочной смѣнѣ владѣльцевъ, въ этомъ отсутствіи строгой связи между маетностью и урядомъ, или, точнѣе, въ отсутствіи строгихъ правилъ, опредѣляющихъ такую связь, и заключался настоящій порядокъ жизни, по крайней мѣрѣ, первое время послѣ освобожденія Малороссіи отъ поляковъ. Съ теченіемъ времени онъ подвергался видоизмѣненіямъ: съ одной стороны маетности, оставшіяся въ ранговомъ владѣніи, постепенно болѣе точно и постоянно распредѣлились между отдѣльными урядами, съ другой — рядомъ съ имѣніями ранговыми сложилась и разрослась группа имѣній, находившихся въ частномъ владѣніи, которая поглотила весьма значительную долю первыхъ. Зерномъ, вокругъ котораго образовалась такая группа, послужили, повидимому, имѣнія оставшейся въ Малороссіи послѣ возстанія и перешедшей въ ряды козацкаго войска шляхты, подтвержденныя ей гетманскими универсалами и царскими грамотами. Съ своей стороны гетманы уже очень рано начали вновь раздавать имѣнія отдѣльнымъ лицамъ изъ среды войска, даже и не несшимъ никакого опредѣленнаго уряда, «за услуги войсковыя». Иногда лицо, владѣвшее тѣмъ или другимъ селомъ на урядъ, переводило это село въ свое частное владѣніе съ помощью гетманскаго пожалованія «за услуги», и самая неопредѣленность ранговаго владѣнія должна была облегчать возможность подобнаго перехода. Первоначально и такая раздача имѣній предполагала лишь временное и условное пользованіе ими, совершаясь подъ характернымъ терминомъ «до ласки гетманской и войсковой», но постепенно пріобрѣтаемыя владѣльцами на имѣнія права отвердѣвали и временное владѣніе переходило во многихъ случаяхъ въ наслѣдственное, причемъ происходило и соотвѣтствующее измѣненіе терминологіи: пожалованіе «до ласки» замѣнялось пожалованіемъ «въ зуполное» или «спокойное владѣніе». Такъ землевладѣніе малорусскихъ державцевъ вылилось въ три формы,

соотвѣтствовавшія тремъ группамъ имѣній: ранговыхъ, имѣній отданныхъ «до ласки», или находившихся во временномъ пользованіи владѣльцевъ, носившемъ однако частный характеръ, и наконецъ наслѣдственныхъ или данныхъ «въ зуполное владѣніе», причемъ послѣдняя группа постоянно разросталась на счетъ двухъ первыхъ. Но, не говоря уже о томъ, что такое разграниченіе этихъ разрядовъ имѣній происходило лишь медленно, условный характеръ всѣхъ этихъ видовъ владѣнія продолжалъ существовать очень долго и даже послѣдняя группа, наиболѣе подходившая къ типу полной частной собственности, не скоро высвободилась изъ-подъ зависимости своей отъ гетманской власти, не смотря на энергичныя усилія, направленныя къ этой цѣли старшиной, пытавшейся обезсилить эту власть путемъ противопоставленія ей договорныхъ статей и царскихъ жалованныхъ грамотъ. Въ виду этихъ фактовъ, какъ ни бѣгло и неполно очерчены они здѣсь, понятно уже будетъ, какъ важно при описаніи владѣнія имѣніями точное опредѣленіе характера держанія въ каждомъ данномъ случаѣ, такъ какъ подобныя опредѣленія дали бы возможность установить взаимныя отношенія различныхъ видовъ землевладѣнія и прослѣдить на массѣ примѣровъ направленіе и силу совершавшагося въ этой области процесса.

Обращаясь къ этой сторонѣ изображаемой въ очеркахъ г. Лазаревскаго исторіи имѣній, мы и здѣсь находимъ однако случаи неточной передачи авторомъ текста генеральнаго слѣдствія, благодаря чему скрадываются или представляются въ не совсѣмъ вѣрномъ видѣ довольно существенныя порою черты описываемыхъ явленій. Такъ, о с. Липовомъ-Рогѣ мы находимъ у г. Лазаревскаго свѣдѣніе, что онъ, «начиная съ Вас. Золотаренка, принадлежалъ на рангъ Нѣжинскихъ полковниковъ», а въ 1708 г. былъ укрѣпленъ царской грамотой за Лук. Жураковскимъ. Слѣдствіе излагаетъ исторію этого села иначе. Сперва оно было во владѣніи наказнаго гетмана Золотаренка, затѣмъ Нѣжинскаго полковника Як. Жураковскаго, потомъ владѣлъ Липовымъ-Рогомъ сынъ Якова, Лукьянъ Жураковскій, проходя послѣдовательно чины полковаго товарища, сотника, полк. асаула и судьи; во время нахожденія въ послѣднемъ чинѣ это село было утверждено за нимъ универсаломъ полковника Обидовскаго 1701 г. «за услуги» и онъ продолжалъ владѣть имъ, ставъ полковникомъ. По смерти его оно было утверждено его женѣ съ дѣтьми универсаломъ гетмана Скоропадскаго въ 1718 г., а въ моментъ составленія слѣдствія имъ владѣлъ сынъ Лукьяна, Яковъ, по универсалу гетмана Апостола, данному въ 1727 г. «за услуги войсковыя» дѣда и отца владѣльца и его самого[1]). Картина владѣнія, очевидно, получаетъ совсѣмъ иной характеръ: грамота 1708 г. не вывела село изъ ранговаго

---

1) Лазар., с. 83; рукоп. Нѣж. слѣдствія, л. 1 об.

владѣнія въ частное, а только подтвердила уже существовавшій фактъ частнаго владѣнія и въ свою очередь сама потребовала дальнѣйшихъ подтвержденій. Говоря объ утвержденіи с. Хибаловки за полк. ас. Ос. Тарасевичемъ универсаломъ г. Скоропадскаго въ 1709 г., авторъ опускаетъ занесенный въ слѣдствіе характерный титулъ владѣнія Тарасевича по этому универсалу: «за услуги войсковыя до ласки»[1]). Такое же опущеніе этого титула дѣлаетъ авторъ, говоря объ отдачѣ с. Березанки въ 1713 г. полковн. Жураковскимъ полк. об. Шрамченку, опуская притомъ и свѣдѣніе слѣдствія, что въ 1729 г. гетманъ Апостолъ подтвердилъ Шрамченку это же село «за службы въ спокойное владѣніе»[2]). Здѣсь такимъ образомъ остался неотмѣченнымъ моментъ перехода имѣнія изъ одной группы владѣній въ другую. О. с. Ильинцахъ авторъ замѣчаетъ, что они «находились въ ранговомъ владѣніи полк. хоружихъ», въ 1718 г. были отданы въ личное владѣніе п. хор. Ив. Величковскому, но по смерти послѣдняго возвращены въ ранговое владѣніе хоружихъ. Первое свѣдѣніе требовало бы здѣсь оговорки, второе же, кажется, невѣрно. Слѣдствіе говоритъ о владѣніи хоружихъ только съ гетманства Самойловича, умалчивая о предыдущемъ времени; что касается Величковскаго, то, по словамъ слѣдствія, онъ владѣлъ Ильинцами по универсалу г. Скоропадскаго 1718 г. на урядъ полковаго хоружества[3]). Въ разсказѣ о с. Сиволожѣ авторъ пропускаетъ имѣющуюся въ слѣдствіи подробность объ утвержденіи этого села за Вас. Жураковскимъ, помимо универсала гетм. Скоропадскаго, и царской грамотой въ вѣчное владѣніе[4]). При сс. Поповкѣ и Подлипномъ у г. Лазаревскаго отсутствуетъ показаніе слѣдствія, что при гетм. Многогрѣшномъ они «надлежали на его гетманскую особу»[5]). О с. Обмочевѣ авторъ говоритъ лишь, что оно принадлежало Батуринскому Крупицкому монастырю, было временно отобрано Мазепой и затѣмъ тутъ же былъ устроенъ послѣднимъ хуторъ, оставшійся во владѣніи гетмановъ. По словамъ слѣдствія, это село «за гетмана Многогрѣшного зъ его респекту было во владѣніи судіи енералного Ив. Самойловича», а, ставши гетманомъ, Самойловичъ далъ его Крупицкому монастырю. Позднѣйшій гетманскій хуторъ, по даннымъ слѣдствія, тоже устроенъ въ Обмочевѣ Самойловичемъ, который построилъ здѣсь дворецъ на купленной

---

1) Лазар., с. 96; рукоп. Нѣж. сл., л. 4—об.

2) Лазар., с. 97; рукоп. Нѣж. сл., л. 4. Равнымъ образомъ относительно с. Смолянки авторъ опускаетъ, что Л. Шрамченко владѣлъ имъ по универсаламъ г. Мазепы 1697 г. и г. Скоропадскаго 1715 г. «за услуги войсковыя до ласки», и относительно с. Топчіевки, что универсалъ полк. Жураковскаго 1709 г. давалъ его Шрамченку опять-таки «за услуги войсковыя до ласки», Лазар., с. 106; рукоп. Нѣж. сл., л. 5 — об.

3) Лазар., с. 121; рукоп. Нѣж. сл., л. 59 об.

4) Лазар., с. 125; рукоп. Нѣж. сл., л. 64—об.

5) Лазар., с. 229, 240; рукоп. Нѣж. сл., л. 44—об.

землѣ «и тимъ дворцомъ и приселившимися до него людми владѣлъ»[1]). Относительно с. Алтыновки авторъ не приводитъ свѣдѣнія, что дано оно было гетм. Скоропадскимъ Діаковской «до ласки войсковой»[2]). Изложенная въ слѣдствіи исторія с. Бужанки почему-то совсѣмъ отсутствуетъ въ книгѣ г. Лазаревскаго, приводящаго только свѣдѣніе, что съ конца XVIII вѣка здѣшніе крестьяне принадлежали гр. Румянцеву[3]). О с. Малой Загоровкѣ авторъ говоритъ, что она послѣ Ст. Кожуховскаго была «Апостоломъ отдана майору Мих. Дм. Банину», а слѣдствіе сообщаетъ, что Банинъ владѣлъ ею «по женѣ Стеф. Кожуховскаго и по указу бывшей Малороссійской Коллегіи 1727 г.», т. е. въ данномъ случаѣ дѣйствовало наслѣдственное право. Объ этомъ же селѣ у автора находимъ свѣдѣніе, что оно «послѣ поляковъ принадлежало, вмѣстѣ съ Сиволожью, нѣжинской артиллеріи», а въ слѣдствіи читаемъ: с. М. Загоровка «найдовалось до сотнѣ Прохорской и всякое надлежащое послушаніе отдавалы той сотнѣ сотникамъ, а за гетманства Бруховецкого оное село было ажъ по Самойловича гетмана въ диспозиціи войсковой»[4]). Но это противорѣчіе выводитъ уже насъ въ новую область, для которой необходимы нѣкоторыя предварительныя разъясненія. Раньше сдѣлаю только еще одно общее замѣчаніе по поводу сказаннаго до сихъ поръ. Дѣлая указанія на разногласія г. Лазаревскаго съ генеральнымъ слѣдствіемъ, я еще не хочу этимъ сказать, чтобы во всѣхъ случаяхъ подобныхъ разногласій авторъ былъ безусловно неправъ и свѣдѣнія его были невѣрны. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаевъ, равно какъ нѣсколькихъ, опускаемыхъ мною, авторъ руководился свѣдѣніями другихъ документовъ, имѣющихся у него и болѣе заслуживающихъ довѣрія, нежели данныя слѣдствія. Но въ такомъ случаѣ автору слѣдовало бы, мнѣ кажется, обнаружить противорѣчіе источниковъ и точно указать, какія именно свидѣтельства онъ предпочитаетъ показаніямъ слѣдствія. Пока это не будетъ сдѣлано, подобныя утвержденія его, противорѣчащія слѣдствію, останутся недоказанными.

Перехожу теперь къ третьей и самой многочисленной группѣ разногласій изложенія г. Лазаревскаго съ текстомъ слѣдствія о маетностяхъ. До сихъ поръ у насъ шла рѣчь объ имѣніяхъ, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ розданныхъ во владѣніе державцевъ. Но во какомъ положеніи находились села, никому еще не отданныя? Отыскивая отвѣтъ на этотъ вопросъ въ трудѣ г. Лазаревскаго, приходится какъ будто прійти къ убѣж-

---

1) Лазар., с. 273—4; рукоп. Нѣж. сл., лл. 36, 45 об. — 46.

2) Лазар., с. 413; рукоп. Нѣж. сл., л. 13.

3) Лазар., с. 320; въ слѣдствіи читаемъ: «за гетм. Самойловича дано было во владѣніе Ивану Быховцю, а потомъ знову отнято и отдано до канцеляріи войсковой енералной и якъ здавна, такъ и нынѣ до оной канцеляріи надлежитъ», сл., л. 56.

4) Лазар., с. 126; рукоп. Нѣжин. сл., л. 7.

денію, что, по мнѣнію автора, такія села принадлежали городамъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая книгу г. Лазаревскаго, мы относительно массы селъ находимъ въ ней опредѣленія, что они послѣ изгнанія поляковъ до отдачи въ ранговое или частное владѣніе «прислушали къ ратушѣ» того или другаго города или «находились въ числѣ ратушныхъ селъ»[1]). Авторъ не опредѣляетъ ближе содержанія понятія, скрывающагося подъ этими терминами, но и обычная терминологія и нѣкоторыя мѣста въ изложеніи самого автора какъ бы навязываютъ представленіе, въ силу котораго такіе термины надо понимать въ смыслѣ нахожденія данныхъ селъ во владѣніи ратушъ. Прежде всего именно къ такимъ селамъ былъ примѣненъ терминъ «ратушныхъ» въ 1730 г. и въ такомъ только смыслѣ употребляется онъ въ генеральномъ слѣдствіи[2]). Самъ г. Лазаревскій, далѣе, какъ будто противополагаетъ въ текстѣ своей книги принадлежность села къ «ратушнымъ» несенію имъ какихъ-либо обязанностей по отношенію къ войсковой администраціи[3]) и — что еще важнѣе — ничѣмъ не отдѣляетъ опредѣляемыхъ имъ такимъ образомъ селъ отъ имѣній, дѣйствительно, какъ мы знаемъ, находившихся во владѣніи ратушъ. Если только усвоить себѣ вытекающее отсюда представленіе, то общая картина землевладѣнія гетманской Малороссіи рисуется въ такомъ видѣ, будто послѣ изгнанія поляковъ масса селъ перешла немедленно во владѣніе городовъ, а затѣмъ уже изъ этого владѣнія была роздана старшинѣ. Но уже a priori можно замѣтить полное неправдоподобіе подобной картины и дѣйствительно, обращаясь къ источникамъ, мы не находимъ въ нихъ никакого подтвержденія для нея ни въ цѣломъ ея видѣ, ни въ частяхъ. Въ текстѣ слѣдствія мѣсто употребляемыхъ г. Лазаревскимъ терминовъ замѣняютъ совсѣмъ иныя опредѣленія,

1) См. о с. В. Загоровкѣ, с. 144, с. Конашевкѣ, с. 148, с. Веревкѣ, с. 227, с. Сосновкѣ, с. 233, с. Шаповаловкѣ, с. 237, с. Дубовичахъ, с. 394, Андреевкѣ, с. 395, с. Добротовѣ, с. 412, сс. Чарторіи и Землянкѣ, с. 437—8; о всѣхъ этихъ селахъ у автора читаемъ, что они прислушали къ той или иной ратушѣ. О с. Уздицѣ авторъ говоритъ, что она «находилась въ числѣ ратушныхъ селъ», с. 442, о с. Ярославцѣ — «входилъ въ число ратушныхъ селъ», с. 443, о с. Волокитинѣ — «оставался въ числѣ ратушныхъ селъ», с. 461 и т. д.

2) Проф. Багалѣй, опираясь на рецензіи И. В. Лучицкаго, въ своей критикѣ перваго тома «Описанія старой Малороссіи» говоритъ по этому поводу о противорѣчіи въ самомъ слѣдствіи (Новый историкъ Малороссіи, с. 39). Уважаемый критикъ однако въ данномъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе своимъ незнакомствомъ съ подлинною рукописью генеральнаго слѣдствія по Стародубскому полку. Въ самомъ «слѣдствіи» никакого противорѣчія не имѣется, а есть противорѣчіе между слѣдствіемъ и внесенными въ него, но стоящими совершенно самостоятельно, въ особой графѣ, данными ревизіи 1726 года, и на это-то противорѣчіе и указывалъ проф. Лучицкій.

3) О с. Конашевкѣ г. Лазаревскій говоритъ: «до Мазепы «прислушала» къ Борзнѣ, т. е. находилось въ веденіи Борзенской ратуши; но при этомъ, по свѣдѣніямъ ген. слѣдствія, «бывало собираемую съ посполитыхъ людей годовую пашенную повинность гетм. Брюховецкому возятъ въ Гадячъ», с. 148; въ слѣдствіи же стоитъ: «за гетм. Брюховецкого въ вѣдомствѣ было старшины городовой Борзенской сотенной» и далѣе приведенное у автора мѣсто безъ всякаго противоположенія, л. 10 об.

мало того, такой терминъ, какъ употребляемый авторомъ въ кавычкахъ: «прислушало къ ратушѣ», совершенно отсутствуетъ въ слѣдствіи. О с. Вел. Загоровкѣ, о которой г. Лазаревскій говоритъ, что она «прислушала Борзенской ратушѣ», слѣдствіе сообщаетъ: «за гетмановъ Бруховецкого, Многогрѣшного и Самойловича въ вѣдомствѣ было старшины сотенной городовой Борзенской»[1]); о с. Веревкѣ, находящей для себя у автора опредѣленіе: «прислушала къ Конотопу», въ слѣдствіи читаемъ: «надлежало въ послушаніи до г. Конотопа и было въ вѣдомствѣ старшины Конотопской и въ диспозиціи же гетманской найдовалось»[2]). Въ другихъ случаяхъ противорѣчіе выступаетъ еще яснѣе: о с. Шаповаловкѣ напр. у автора находимъ, что она «прислушала къ Конотопской ратушѣ», въ слѣдствіи же про него говорится: «никому въ дачи не было и на жадние уряди не надлежало до нынѣ, якъ и теперъ въ вѣдомствѣ старшини Конотопской имѣется»; при распредѣленіи имѣній въ 1730 г. Шаповаловка зачислена въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ селъ[3]). О. сс. Чарторіи и Землянкѣ г. Лазаревскій говоритъ, что они «прислушали къ Глуховской ратушѣ», слѣдствіе, — что они «были подъ правленіемъ сотеннымъ Глуховскимъ» и опять они зачислены въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ маетностей[4]). С. Ярославецъ, по словамъ автора, «входилъ въ число ратушныхъ селъ», по словамъ слѣдствія — «за гетмана Богдана Хмелницкого и протчіихъ по немъ бывшихъ гетмановъ былъ въ диспозиціи войсковой»[5]). С. Бѣлокопытовъ, по слѣдствію, «за гетмана Богдана Хмелницкого было свободное войсковое и не было ни въ чиѐмъ поддапствѣ и послушаніи»[6]). Такимъ образомъ, «прислушавшими къ ратушѣ» или «ратушными» г. Лазаревскій называетъ тѣ села, которыя въ слѣдствіи опредѣляются, какъ «свободныя войсковыя» или находившіяся «въ вѣдомствѣ сотенной старшины». Эти два вида терминовъ онъ ставитъ рядомъ, какъ совершенно однозначущіе, и въ текстѣ своей книги. Такъ, о с. Локоткахъ онъ говоритъ, что они «оставались свободными, т. е. находились въ вѣдѣніи Воронежской ратуши до Скоропадскаго», о с. Кочергахъ, что они «оставались свободнымъ или ратушнымъ селомъ до 1687 г.», о с. Есмани, что оно «находилось въ составѣ ратушныхъ селъ», приводя вмѣстѣ текстъ слѣдствія, по которому это село «стало подъ правленіемъ сотеннымъ Глуховскимъ», о с. Усокѣ, что онъ «находился въ присудѣ Глуховскаго сотеннаго правленія», т. е. принадлежалъ къ числу ратушныхъ

1) Лазар., с. 144; рукоп. Нѣж. сл., л. 11 об.
2) Рукоп. Нѣж. сл., л. 9 об.
3) Тамже, л. 68.
4) Тамже, л. 69 об.
5) Тамже, л. 22 об.
6) Тамже, л. 19 об. — 20.

селъ»[1]). Нѣкоторое право на такое отожествленіе терминовъ какъ будто даютъ автору иныя мѣста самихъ источниковъ. Такъ, о сс. Андреевкѣ и Добротовѣ, отнесенныхъ въ 1730 г. къ числу свободныхъ войсковыхъ, мы въ слѣдствіи читаемъ: «отъ гетмана Богдана Хмелницкого до ратуши Кролевецкой принадлежали и нынѣ до оной принадлежатъ», хотя тутъ же прибавлено, что крѣпостей на нихъ ратуша никакихъ не имѣетъ[2]). Еще убѣдительнѣе, повидимому, другой примѣръ. О с. Викторовѣ генеральное слѣдствіе говоритъ, что оно со времени Б. Хмельницкаго «было подъ правленіемъ сотеннымъ Глуховскимъ», потомъ при Скоропадскомъ было отдано во владѣніе Глуховскому коменданту Скорнякову-Писареву, «а нынѣ подъ тимъ же правленіемъ сотеннымъ обрѣтается». Г. Лазаревскій приводитъ выдержку изъ гетманскаго универсала 1721 г., по которому Викторовъ былъ отданъ Скорнякову-Писареву, — и въ этомъ универсалѣ Викторовъ называется «селомъ ратушнымъ»[3]). Но и при наличности такихъ случаевъ остается все же несомнѣннымъ, что подобное отожествленіе не можетъ быть полнымъ, что между селами ратушными и свободными войсковыми, выдѣленными въ 1730 г. въ двѣ совершенно особыя группы, лежала какая-то не уловленная и не отмѣченная съ достаточною ясностью въ изложеніи г. Лазаревскаго грань. Такое смѣшеніе двухъ группъ имѣній было замѣчено проф. Лучицкимъ уже въ первомъ томѣ «Описанія старой Малороссіи» и причину его критикъ видѣлъ въ томъ, что авторъ «не установилъ сразу точнаго и яснаго разграниченія между тѣмъ, что относится къ сферѣ управленія, и тѣмъ, что составляетъ объектъ собственности или права владѣнія». Критикъ указывалъ далѣе, что «рядомъ съ селами, составлявшими дѣйствительную собственность городовъ, существовали другія, обязанныя въ первое время при и послѣ Б. Хмельницкаго уплачивать опредѣленныя повинности въ пользу ратушъ и въ видахъ обороны, «на воинскія потребы». А эта уплата, продолжаетъ онъ, это несеніе повинностей обусловлены были сохраненіемъ за магистратами правъ гражданскаго управленія, дѣлавшимъ одно время изъ нихъ центръ администраціи и суда»[4]). Въ этомъ объясненіи совершенно вѣрно указано то направленіе, въ какомъ нужно искать рѣшенія темнаго вопроса о положеніи свободныхъ войсковыхъ селъ, но всецѣло принять даваемое проф. Лучицкимъ объясненіе я не счелъ бы возможнымъ. Уже въ приведенныхъ ранѣе текстахъ вырисовываются двѣ черты положенія этихъ селъ: ихъ нахожденіе «въ диспозиціи гетмана и войсковой» и ихъ подчиненность «сотенному правленію». Можно

---

1) Лазар., сс. 350, 464, 491, 505.

2) Рукоп. Нѣж. сл., л. 69.

3) Тамже, л. 69; Лазар., с. 465.

4) Кіев. Унив. Извѣстія, 1889, № 12; въ отд. оттискѣ с. 8—9.

привести, оставаясь въ предѣлахъ Нѣжинскаго слѣдствія, и болѣе ясные тексты или, по крайней мѣрѣ, болѣе полные. О с. Сварковѣ слѣдствіе говоритъ, что послѣ владѣнія Демьяна Уманца оно «осталось свободное войсковое, не было ни въ чемъ подданствѣ и владѣніи, а толко вѣдомо было судомъ и росправою въ судѣ сотенномъ Глуховскомъ»[1]); о с. Усокѣ также читаемъ: «за гетмана Богдана Хмелницкого судимо толко бивало въ присудѣ сотенномъ Глуховскомъ и за протчіихъ по немъ бившихъ гетмановъ въ томъ же присудѣ»[2]). Источникъ говоритъ такимъ образомъ о сотенномъ судѣ надъ данной группой селъ, но упорно молчитъ о подчиненіи ихъ въ судебномъ или административномъ отношеніи ратушамъ, которое принимаетъ И. В. Лучицкій. Источники даютъ и полное разъясненіе этого загадочнаго молчанія. Правда, чтобы найти такое разъясненіе, намъ надо будетъ выйти изъ предѣловъ Нѣжинскаго полка и перейти на время въ другіе полки. Вотъ что писали наказный Баклансків сотникъ Ив. Ширай, войтъ м. Баклани (Стародубскаго полка) Тарасъ Аѳанасовъ и сот. писарь Зах. Точицкій въ декабрѣ 1730 г., въ моментъ составленія генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, въ полковую Стародубскую канцелярію, потребовавшую отъ нихъ крѣпостей на села и другія угодія, припадлежащія м. Баклани: «якие крепости на ратушнии одинъ камень млива, в Бакланѣ на Судости стоячии, в ратуши Бакланской имѣются, тие крепости в канцелярии полковой явлени и копии с нихъ взяти, а на села, якие под видѣніемъ нашимъ сотеннимъ суть и по се время до мѣстечка Бакланѣ прислушаютъ судомъ и росправою, тако ж в пораженю подводъ и в другихъ общихъ случаючихся нуждахъ, жаднихъ крепостей в ратуши нашой Бакланской не було и теперь нѣтъ, ибо по изгнаніи ляховъ з Украини которие села от гетмановъ владѣлцамъ не роздани, тие толко до далшой волѣ гетманской же остались при сотенномъ и городовомъ вѣдомствѣ, а прямо оние не суть ратушние, хочай пространно простий народъ оние ратушними називаетъ, но суть оние войсковие и подлежатъ всегда полной власти гетманской, а з онихъ селъ за всѣхъ прежде бившихъ гетмановъ до состоянія Малороссійской Коллегіи збирался годовий окладъ денежний, которій називался стаціею, такожъ за показанщину, покуховное и становое, хто вино куритъ з козаковъ, а хто шинкуетъ — з куховъ вишинкованнихъ и з становъ збиралися денги ж, а не пустовихъ земель хлѣбъ, не которого збору часть до двору гетманского отдавалась, а часть на заплату служителемъ сотеннимъ и войсковой полковой музики и на общие городовие расходи употреблять гетмани позволяли, а нынѣ тотъ увесь зборъ, з селъ годовий окладъ, показанщину, покуховное, становое и не пустовихъ земель хлѣбъ,

1) Рукоп. Нѣж. сл., л. 18 об. — 19.
2) Тамже, л. 48.

до скарбу войскового завидовци собираютъ, и затимъ служителѣ сотенние чрезъ колко уже годъ плати себѣ не получали»[1]). Итакъ, здѣсь мы имѣемъ прямое заявленіе о значеніи названія свободныхъ войсковыхъ селъ ратушными. Въ виду важности затронутаго вопроса позволю себѣ привести еще одинъ текстъ, дорисовывающій нѣкоторыя черты, опущенныя въ цитированномъ только что документѣ. Прилуцкая полковая старшина и сотники, посылая гетману Апостолу составленное ими генеральное слѣдствіе о маетностяхъ, писали, что они произвели слѣдствіе, свѣривъ его съ доставленнымъ имъ извлеченіемъ (экстрактомъ) изъ офицерской ревизіи 1726 г. При этомъ по слѣдствію «явилось, что оного жъ Прилуцкого полку якие мѣстечка, села і деревни в мененномъ экстрактѣ написанни бить ратушними в роздаче, то оные никогда во владѣніи ратушномъ не бивали і нинѣ не найдуются, ібо на ратуши нѣ от кого не опредѣленни і на оние при ратушахъ нѣякихъ крѣпостей не имѣется, а тие мѣстечка, села і деревни за владѣния лядского били шляхетские, а за изгнаннемъ от гетмана Богдана Хмелницкого і войска Запорожского ляховъ стали бить войсковие свободние в волѣ і диспозиціи его Хмелницкого і протчіихъ по немъ бившихъ гетмановъ, которие бивало знатному товариству за ихъ вѣрние службы к Его И. В—ву села і деревни такъ по дачы от полковниковъ своими унѣверсалами подтверждають, яко і сами, усмотрѣвшы заслуги чии вѣрнии к Его И. В—ву, тому своими ж гетманскими унѣверсалами без препятствия оние опредѣляютъ, . . . а что вишеозначенние мѣстечка, села і деревни названни ратушними і прежде сего в бившую Малороссійскую Коллегію з невидѣнія ратушними прописанни, то такое названіе произійшло ради тихъ причинъ, что по указамъ гетманскимъ бивало з помянутихъ мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ збирается в ратуши на компанѣйцовъ мѣсячная плата, не обходя селъ і владѣлческихъ, также на служителей войсковихъ, армашовъ, пушкаровъ і трембачовъ, взималось в тие жъ ратуши годовая належитость з самихъ тихъ мѣстечокъ, селъ і деревень войсковихъ, которие от отдачи владѣлцамъ поостались, да і подводи, кому надлежитъ по указамъ, з оннхъ вистатчаются, і оная плата компанѣйцамъ і годовая належитость служителемъ била по указамъ гетманскимъ з вѣдомомъ полковничимъ і старшини полковой видается; да с тихъ же мѣстечокъ, селъ и деревень войсковихъ люде по указу гетмановъ і полковниковъ в ратушахъ судятся старшиною полковою и сотенною въ своихъ обидахъ»[2]).

---

1) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Стародубовскаго полка, рукопись Кіевской Коллегіи П. Галагана, Документы, л. 319 — об.

2) Рукопись Моск. Румянц. Музея, № 1164, генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Прилуцкаго полка.

Приведенные тексты позволяютъ, кажется намъ, съ полною ясностью опредѣлить главнѣйшія черты въ положеніи войсковыхъ свободныхъ селъ, тѣ именно, которыя послужили поводомъ къ недоразумѣніямъ въ изложеніи г. Лазаревскаго. Эти села находились въ непосредственномъ подчиненіи гетману, составляя своего рода фондъ для раздачи урядникамъ и вообще членамъ войска и неся на себѣ нѣкоторыя повинности въ пользу гетмана; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ населеніе уплачивало, въ повышенномъ противъ крестьянъ прочихъ имѣній размѣрѣ, сборы на содержаніе компанейцевъ и войсковыхъ служителей, внося эти сборы въ ратуши, и подчинялось суду полковой и сотенной старшины, засѣдавшей въ ратушахъ, но не ратушному суду, какъ склоненъ, повидимому, думать проф. Лучицкій. Отсюда въ просторѣчіи названіе ихъ ратушными селами. Великорусскіе офицеры, составлявшіе въ 1726 г. въ Малороссіи ревизію или слѣдствіе объ имѣніяхъ, не съумѣли разобраться въ чуждой имъ терминологіи и всѣ села, названныя имъ населеніемъ ратушными, занесли въ ревизію, какъ принадлежащія ратушамъ и неправильно отъ нихъ отошедшія, — ошибка, которую пришлось исправлять малорусской полковой и сотенной старшинѣ въ 1729—30 гг., когда производилось новое слѣдствіе о маетностяхъ, долженствовавшее дополнить и исправить ревизію 1726 г. Эта-то ошибочная терминологія «офицерской ревизіи» и легла въ основаніе таковой же въ книгѣ г. Лазаревскаго, тѣмъ легче, что авторъ нашелъ въ документахъ выраженія, какъ бы подтверждающія ея правильность. Въ существѣ же своемъ эти выраженія не болѣе, какъ вульгарная передача другихъ, болѣе точныхъ терминовъ. Не входя въ болѣе детальное разсмотрѣніе различныхъ сторонъ положенія свободныхъ селъ, которое повело бы очень далеко, я возвращаюсь къ изложенію исторіи этихъ селъ въ работѣ г. Лазаревскаго. Въ этомъ изложеніи есть еще нѣкоторые пробѣлы. Еслибы въ книгѣ автора мы имѣли только ошибку въ терминологіи, это не представляло бы еще такого серьезнаго неудобства при пользованіи ею: выдѣливъ изъ селъ, которымъ онъ придаетъ названіе ратушныхъ, тѣ, которыя дѣйствительно находились во владѣніи ратушъ, мы могли бы отнести всѣ остальныя въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ. Но, къ сожалѣнію, у автора соединяется съ этимъ еще другая особенность въ пользованіи слѣдствіемъ: о многихъ поселеніяхъ именно онъ прямо пропускаетъ безъ вниманія показаніе своего источника, что они были свободными войсковыми. Такъ, авторъ опустилъ подобныя свидѣтельства генеральнаго слѣдствія относительно мѣстечекъ Олишевки, Шаповаловки, Конотопа, Батурина, Новыхъ Млиновъ съ приселками послѣдняго, сс. Кнутами, Пекаревымъ, Костыревымъ и Рижками, относительно мѣстечка Коропа, Воронежа, Кролевца, Глухова, с. Клина, изъ котораго возникло впослѣдствіи мѣстечко Янполь, — и благодаря этимъ

пропускамъ въ исторіи данныхъ поселеній утерялись нѣкоторыя черты или, наоборотъ, она пріобрѣла черты, ей несвойственныя[1]). Точно также не приведены авторомъ и аналогичныя указанія слѣдствія относительно многихъ селъ. Минуя тѣ случаи, въ которыхъ мы имѣемъ простой пропускъ свѣдѣнія, что данное село принадлежало къ свободнымъ войсковымъ, я остановлюсь теперь лишь на тѣхъ мѣстахъ въ изложеніи автора, гдѣ та-

1) Олишевку авторъ называетъ, слѣдуя описи 1666 г., «городомъ». По его словамъ, «городомъ она стала, когда здѣшніе ремесленники образовали цехи» . . . Но цехи бывали и въ селахъ и самъ авторъ называетъ ихъ хотя бы въ с. В. Загоровкѣ. Далѣе, по словамъ автора, «незначительнымъ количествомъ крестьянъ въ Олишевкѣ владѣли, начиная съ гетманства Самойловича, мѣстные сотники; затѣмъ Апостолъ отдалъ Олишевскихъ крестьянъ въ послушаніе полковой артиллеріи; а при Разумовскомъ отданы были въ послушаніе и мѣщане Олишевскіе» Мих. Будлянскому. Въ слѣдствіи для перваго періода исторіи Олишевки, до 1730 г., имѣются болѣе точныя свѣдѣнія: «посполитіе в вѣдомствѣ сотниковъ, а нѣ на якій урядъ и до ратушей не надлежали, толко еденъ разъ за г. Мазепи на кухню его в Батуринѣ давали стацѣю, а за гетмана Скоропадского оную стацію брано на полковниковъ Нѣжинскихъ, ажъ до битности бившой Малороссійской Коллегіи, да зверхъ того для артилерійскихъ полковихъ коней з подсусѣдками козацкими оние посполитіе люде сѣно косятъ и возятъ оное». Спеціально же о сотничьемъ владѣніи слѣдствіе сообщаетъ, что «в вѣдомствѣ сотничомъ обрѣтались» и сотникамъ «исполняли послушенство» «мѣстечка Олишевки огородники». (Лазар., с. 105; рукоп. Нѣж. сл., лл. 62 об., 60 — об.). О м. Шаповаловкѣ авторъ говоритъ, что она была отдана Брюховецкимъ Нѣжинскому воеводѣ, слѣдствіе же раньше этой отдачи знаетъ такіе факты: «за г. Бруховецкого было в диспозиціи войсковой, потомъ из его ж гетманской волѣ опредѣлено было полковнику Нѣжинскому Небабѣ, по немъ владѣлъ Скорбацкій, сотникъ Шаповаловскій» . . . (Лазар., с. 159; рукоп. Нѣж. сл., л. 11 об. — 12). О Конотопѣ слѣдствіе говоритъ: «за г. Бруховецкого и бившихъ по немъ гетмановъ ажъ до нынѣ ни по якой дачи в подданствѣ никому не билъ и ни на жадние уряди не надлежалъ, токмо обикновенно бивалъ в диспозиціи кождого гетмана и в вѣдомствѣ старшини Конотопской такъ, якъ и нынѣ имѣется» (рукоп. Нѣж. сл., л. 67 об.— 68). О Батуринѣ: «за гетмановъ Многогрѣшного, Самойловича и Мазепи било волнимъ, тилко в диспозиціи гетманской найдовалося, а за г. Скоропадского надлежали посполитие до сотнѣ Батуринской» . . . (тамже, л. 45 об.). Относительно м. Новыхъ Млиновъ и его приселковъ авторъ говоритъ, что оно «было отдано гетманами на войсковую музыку», а по смерти Скоропадскаго «Ново-млинское посполитство кромѣ «мѣскихъ» повинностей, другихъ, вѣроятно, не отбывало»; въ слѣдствіи нѣсколько иначе: «за г. Бруховецкого и по немъ бившихъ гетмановъ ни въ чиемъ не билъ владѣніи, но в гетманской диспозиціи знайдовался, токмо даютъ бывало з того города и приселокъ по гетманскому же указу на музику войсковую платежъ обикновенній ежегодно до г. Скоропадского, а по смерти его той дачи на музику войсковую и донынѣ не давали, но в гетманской диспозиціи обрѣтались противъ прежнего»; по распредѣленію 1730 г. назначены «на войсковую музыку» (Лазар., с. 292—4; рукоп. Нѣж. сл., л. 56 — об.); равнымъ образомъ опущено авторомъ показаніе слѣдствія о пахатной и сѣнокосной землѣ въ с. Рижкахъ, принадлежавшей на рангъ Новомлинскихъ сотниковъ (Лазар., с. 300—1; рукоп. Нѣж. сл., л. 60 об. — 61). О г. Коропѣ слѣдствіе говоритъ, что онъ «послѣ измѣни Мазепиной лѣтъ десять не надлежалъ нѣкуда, бывъ свободенъ» (рукоп. Нѣж. сл., л. 54), и эта подробность тоже пропущена авторомъ. О Воронежѣ въ слѣдствіи читаемъ: «тотъ городъ изначала ни под якимъ владѣніемъ не бивалъ доселѣ» и рядомъ: «кормлювалы посполитие люде полтора ста коней енералной войсковой артиллеріи» (тамже, л. 68 — об.); о Кролевцѣ: «по вибитю ляховъ и до нынѣ в гетманской диспозиціи» (тамже, л. 68—69). Изъ сопоставленія этихъ текстовъ не трудно видѣть, что такіе «города», въ которыхъ не дѣйствовало магдебургское право, являлись по существу тѣми же свободными войсковыми имѣніями, и эта-то черта ихъ положенія не подчеркнута съ достаточною ясностью въ изложеніи г. Лазаревскаго.

кой пропускъ соединяется съ другими неточностями или прямо вызываетъ ихъ. О с. Николаевкѣ г. Лазаревскій говоритъ, что она «послѣ поляковъ опредѣлена была на чинъ резидировавшихъ при гетманахъ полковниковъ, а потомъ — Глуховскихъ комендантовъ», и такимъ образомъ опускаетъ истинный моментъ обращенія этого села изъ свободнаго въ ранговое. Въ слѣдствіи, именно, объ этомъ селѣ мы читаемъ: «за гетмана Многогрѣшного было въ диспозиціи войсковой, а по его гетманскому опредѣленію отдана во владѣніе воеводѣ Нѣжинскому, а за гетмановъ Самойловича, Мазепи и Скоропадского владѣлы великороссійскіе полковники»[1]... О крестьянскомъ населеніи с. Богдановки авторъ не говоритъ ничего, давая только свѣдѣніе, что по ревизіи 1736 г. здѣсь были крестьяне Воронежской ратуши, а по описанію 1781 г. — разныхъ владѣльцевъ; по слѣдствію же село это отнесено было въ разрядъ свободныхъ войсковыхъ[2]). О с. Щебрахъ авторъ догадывается, что «вѣроятно, даръ Силичей (шляхтичей, подарившихъ въ 1657 г. эту деревню Кербутовскому монастырю) не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ Самойловичъ село это отдалъ Якову Жураковскому»; по свѣдѣніямъ слѣдствія, Щебры до отдачи Жураковскому были свободны[3]) и здѣсь не было, слѣдовательно, и мѣста догадкамъ. О с. Мутинѣ авторъ даетъ неопредѣленное свѣдѣніе, что его захватили гетманы; слѣдствіе, называя это село свободнымъ войсковымъ, указываетъ моментъ перехода въ гетманское владѣніе при Самойловичѣ[4]). С. Камень, по словамъ автора, «послѣ поляковъ включенъ былъ въ число гетманскихъ имѣній», а по слѣдствію онъ былъ свободнымъ селомъ и сталъ гетманскимъ только со времени Скоропадскаго[5]). О с. Ворголѣ авторъ сообщаетъ лишь, что онъ былъ поселенъ во второй четверти XVII в. и въ 1693 г. отданъ Мих. Миклашевскому; въ слѣдствіи находимъ болѣе точныя указанія, именно, что Ворголъ принадлежалъ при полякахъ Пѣсочинскому, по изгнаніи поляковъ былъ свободнымъ, «потомъ владѣлъ попъ Бабскій малое время» и потомъ уже Мих. Миклашевскій по универсалу гетм. Мазепы «за службы войсковыя» и по царской грамотѣ[6]). Упоминая объ отдачѣ с. Зазирокъ Многогрѣшнымъ Миклашевскому, авторъ умалчиваетъ о показаніи слѣдствія, по которому это село сперва было свободнымъ, а затѣмъ имъ владѣлъ «знатній козакъ сотни Конотопской Мурашка» еще до Миклашевскаго[7]). О с. Студенкѣ авторъ говоритъ, что имъ послѣ изгнанія поляковъ за-

1) Лазар., с. 160; рукоп. Нѣж. сл., л. 12 — об.
2) Лазар., с. 349; рукоп. Нѣж. сл., л. 68 об.
3) Лазар., с. 441; рукоп. Нѣж. сл., л. 24 об.
4) Лазар., с. 450; рукоп. Нѣж. сл., л. 52 — об.
5) Лазар., с. 454; рукоп. Нѣж. сл., л. 52 об.
6) Лазар., с. 458; рукоп. Нѣж. сл., л. 26.
7) Лазар., с. 459; рукоп. Нѣж. сл., л. 26 — об.

владѣлъ Ф. Уманецъ, за которымъ онъ былъ утвержденъ универсаломъ Многогрѣшнаго; по свѣдѣніямъ же слѣдствія Студенокъ сперва былъ свободнымъ, а потомъ имъ владѣлъ Уманецъ «по надачѣ гетм. Многогрѣшного за услуги войсковыя»[1]). Быть можетъ, авторъ имѣлъ въ этомъ случаѣ свѣдѣнія о владѣніи Уманца даннымъ селомъ и до полученія универсала, но тогда ему слѣдовало бы указать эти свѣдѣнія. О с. Улановѣ авторъ сообщаетъ, что оно послѣ изгнанія поляковъ поступило во владѣніе Черниговской архіепископіи; слѣдствіе же говоритъ, что Улановъ при Б. Хмельницкомъ былъ свободнымъ селомъ, затѣмъ имъ владѣлъ Новгородскій монастырь и уже послѣ Черниговская архіепископія[2]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ начальный моментъ въ исторіи имѣній гетманской Малороссіи оказывается такимъ образомъ нѣсколько затемненнымъ. Обращеніе бывшихъ «шляхетскихъ» владѣній въ «свободныя вой-

1) Лазар., с. 479; рукоп. Нѣж. сл., л. 20.

2) Лазар., с. 481; рукоп. Нѣж. сл., л. 39. То же самое имѣетъ мѣсто относительно сс. Ястребщины и Суходолщины, причемъ для нихъ слѣдствіе называетъ и моментъ перехода изъ свободныхъ селъ во владѣніе Новгородскаго монастыря — гетманство Брюховецкаго, см. Лазар., с. 481—2; рукоп. Нѣж. сл., л. 39 — об. Авторъ не сообщаетъ также часто, на какихъ земляхъ селились села, возникавшія послѣ 1654 г., пропуская напр., о сс. Локнѣ, Хижкахъ, Полковничьей Слободѣ, Марчишиной Будѣ показаніе слѣдствія, что они возникли на свободныхъ войсковыхъ пустошахъ, о с. Хохловкѣ, что оно поселено на купленной землѣ, о сс. Гримячкѣ, Имшаной, Шалимовкѣ (въ послѣднемъ случаѣ хуторъ, послужившій затѣмъ зерномъ для села), — что они поселились на свободной войсковой землѣ. Въ заключеніе укажу еще, что въ иныхъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, случаяхъ авторъ какъ бы вовсе теряетъ изъ виду показанія генеральнаго слѣдствія. Такъ, у него вовсе опущено свѣдѣніе о существованіи въ Борзнѣ, на подваркахъ Кустовцахъ, владѣнія компанейскаго полковника Карпа Часнока въ видѣ 1 владѣльческаго двора и 10 дв. подданныхъ, принадлежавшихъ ему со времени гетм. Многогрѣшнаго и утвержденныхъ универсалами 1713, 1715 и 1728 гг. «за услуги войсковыя» (рукоп. Нѣж. сл., л. 10 — об.). Говоря объ утвержденіи въ 1709 г. универсаломъ г. Скоропадскаго в. тов. Аѳанасію Дорошевичу 40 купленныхъ имъ дворовъ посполитыхъ въ с. Волокитинѣ и заимствуя это свѣдѣніе изъ принадлежащей ему рукописи XVIII в. — свода универсаловъ на маетности, авторъ сомнѣвается въ точности этой цифры и готовъ видѣть въ ней описку. Но та же самая цифра стоитъ въ генеральномъ слѣдствіи (Лазар., 462; рукоп. Нѣж. сл., л. 25 — об.). О д. Потаповкѣ г. Лазаревскій говоритъ, что она послѣ Ив. Потапенка «была, вѣроятно, пріобрѣтена Скоропадскимъ, потому что вошла въ составъ гетманскихъ имѣній». Гетманскимъ имѣніемъ Потаповка стала раньше: по слѣдствію, послѣ козака Потапа, который ее «осадилъ на себе и владѣлъ», она принадлежала Мих. Миклашевскому «по наданю гетм. Самойловича», послѣ того ею владѣли Мазепа, Скоропадскій, вдова его, а затѣмъ она была отдана Апостолу по жалованной грамотѣ на гетманскую булаву (Лазар., с. 482; рук. Нѣж. сл., л. 51 об. — 52). Въ другомъ случаѣ авторъ строитъ правильную догадку, но опять-таки напрасно, такъ какъ имѣется полное описаніе факта. Излагая исторію с. Годуновки, авторъ догадывается, что владѣлецъ этого села послѣ Юрія Годуна, Яковъ Демьяновичъ, «вѣроятно, былъ какой-нибудь родичъ Годуна, вѣроятно, его зять», а Марья Константьиха «несомнѣнно имѣла наслѣдственное право послѣ Якова Демьяновича». Текстъ слѣдствія прямо называетъ Якова зятемъ Юрія Годуна, а у Якова знаетъ сына и наслѣдника Константія, женой котораго и была, конечно, Марья Константьиха. Тутъ же авторъ приводитъ универсалы, данные Якову Демьяновичу на Годуновку Мазепой; прибавлю, что еще въ 1684 г. ему былъ данъ универсалъ Самойловичемъ на сл. Годуновку «до ласки» (Лазар., с. 494—5; рукоп. Нѣж. сл., л. 23 об. — 24 и документы, л. 255).

сковыя мѣстечки и села» не обрисовано въ описаніи г. Лазаревскаго съ достаточною яркостью и благодаря этому данное описаніе не способствуетъ въ такой мѣрѣ, въ какой оно могло бы это сдѣлать, къ уясненію общаго характера малорусскаго землевладѣнія и того процесса развитія, который оно пережило на протяженіи полутора почти вѣковъ самобытнаго существованія Малороссіи. Матеріалъ, даваемый генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, доставляетъ возможность, помимо описанія этого процесса на массѣ отдѣльныхъ примѣровъ, дать общую картину положенія имѣній и взаимнаго отношенія различныхъ группъ державій въ одинъ избранный хронологическій моментъ, именно картину того распредѣленія маетностей, которое произведено было генеральной старшиной и полковниками въ 1730—31 гг. Въ книгѣ г. Лазаревскаго, раздробившаго свое описаніе между отдѣльными поселеніями, такая картина отсутствуетъ и не всегда имѣется матеріалъ для ея возсозданія, такъ какъ авторъ, какъ мы уже отчасти и видѣли, опускаетъ иногда постановленный въ слѣдствіи о томъ или иномъ поселеніи приговоръ. Въ виду этого обстоятельства здѣсь не будетъ лишнимъ возстановленіе главныхъ очертаній этой картины. Распредѣленіе имѣній по родамъ владѣнія, произведенное въ 1730—31 гг., имѣло слѣдующій видъ. Состоящими въ наслѣдственномъ владѣніи частныхъ державцевъ признано было 88 маетностей; изъ нихъ относительно 35 слѣдствіе сохранило ясныя свѣдѣнія о принадлежности ихъ къ числу свободныхъ войсковыхъ ранѣе отхода къ державцамъ[1]); затѣмъ 20 селъ изъ общаго числа 88 были поселены послѣ 1654 г., 7 — на войсковой землѣ[2]), 11 — на купленой[3]) и 2 поселены владѣльцами, но на какихъ земляхъ — неизвѣстно[4]). Во владѣніи монастырей состояло 60 маетностей; изъ нихъ 13 слѣдствіе знаетъ свободными войсковыми до пожалованія монастырямъ[5]); поселенныхъ на пожалованной монастырямъ землѣ съ 1654 г. слѣдствіе называетъ 5[6]), на купленной монастырями землѣ — 3[7]), поселенныхъ на куплен-

---

1) Сс. Смолянка, Британовка, Малая Загоровка, Сосновка, Веревка, Конашевка, Великая Загоровка, м. Шаповаловка, сс. Николаевка, Носалевка, Подоловъ, Дуловъ, Дубовичи, Митченки, Литвиновичи, Княжичи, Пустогородъ, Гиринъ, Некрасовъ, Бѣлокопытовъ, Студенокъ, слободки Демяновка, Богдановка, Собичевка, сс. Журовка, Ярославецъ, Ромашковъ, Бачевскъ, Щебры, Слѣпородъ, Волокитинъ, Кочерги, Погребки, Ворголъ, Зазирки.

2) Сс. Дунаецъ, Слаутъ, Великая Кошелевка, Локня, Слободка Великая, сл. Имшаная, с. Хижки.

3) Сл. Данина, с. Берестовецъ, сл. Грузкая, с. Ретикъ, с. Подоловъ, сл. Гута, с. Хохловъ, с. Семеновка, с. Годуновка, сл. Дунайская, сл. Рубановка.

4) Сс. Чуйковка и Дорошовка.

5) Сс. Бильмачовка, Локотки, Улановъ, Суходолщина, д. Ястребщина, сс. Береза, Черневъ, Холопковъ, Баничи, Будище, Вязовка, д. Мацковъ, с. Ховзовка.

6) Сс. Сидоровка, Адамовка, Ображѣевка, Собичъ, сл. Ротовка.

7) Поселенія около г. Нѣжина и «близь монастыря Дѣвичого» и дворы въ м. Ивангородѣ.

ной землѣ частными владѣльцами и затѣмъ перешедшихъ къ монастырямъ — 2[1]), и поселенныхъ неизвѣстно на какой землѣ — 2[2]). Ратушныхъ имѣній считалось 10[3]). Затѣмъ особую группу составили т. н. описныя имѣнія, принадлежавшія Меншикову и Долгорукимъ и послѣ ссылки этихъ лицъ отписанныя въ казну на государя, въ числѣ 23; въ этой группѣ о 5 поселеніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія относительно нахожденія въ числѣ свободныхъ войсковыхъ ранѣе отдачи во владѣніе[4]), о 7-ми, что они возникли на свободной войсковой землѣ[5]), объ одномъ, что оно поселено на купленной землѣ[6]) и наконецъ объ одномъ, что оно возникло послѣ 1654 г., но на какой землѣ — неизвѣстно[7]). Ранговыхъ маетностей было 45, считая въ томъ числѣ дворецъ въ с. Тиницѣ и хуторъ въ с. Хвастовцахъ[8]); въ томъ числѣ о 12 селахъ слѣдствіе даетъ свѣдѣнія, что они были ранѣе свободными войсковыми[9]), о 2-хъ, что они поселены на свободной войсковой землѣ[10]), о 2-хъ, что они поселены на землѣ купленной[11]), и относительно одной деревни умалчиваетъ, на какой землѣ она возникла[12]). Наконецъ свободныхъ войсковыхъ маетностей въ моментъ составленія слѣдствія насчитывалось 17[13]). Уже изъ одного этого сопоставленія не трудно видѣть, какова была господствующая группа имѣній въ начальный моментъ исторіи гетманской Малороссіи и въ какомъ направленіи шелъ процессъ развитія формъ держанія имѣній. Въ самомъ дѣлѣ изъ 200 маетностей, которыя генеральное слѣдствіе ведетъ отъ Богдана Хмельницкаго, оно 82 опредѣляетъ въ первомъ періодѣ ихъ

---

1) Сл. Гамалѣевка и с. Палѣевка.

2) Сс. Авдѣевка и Маковъ.

3) Гг. Нѣжинъ и Борзна, сс. Хорошее Озеро, Круты, Кагарлики, Печи, д. Хвостики, сс. Синяки, Кунашевка и Красиловка.

4) г. Батуринъ съ слободками, с. Клинъ (позднѣе м. Янполь), сс. Орловка, Усокъ и Порохонь.

5) С. Руденка, сл. Стягайловка, сс. Улица, Красовка, Бѣлица, Гримячка и Шалимовка; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ лишь часть поселенія возникла на свободной войсковой землѣ, а часть на купленной.

6) С. Обмочевъ.

7) С. Чеплѣевка.

8) Кромѣ того, въ ранговомъ владѣніи Нѣжинскихъ полковниковъ была мельница о 3-хъ колахъ (поставахъ) въ Нѣжинѣ, Бахмацкихъ сотниковъ — «степъ» въ с. Бахмачѣ, Новомлинскихъ сотниковъ — поле пахатное и сѣнокосъ при с. Рыжкахъ и въ урочищѣ Некрасовкѣ и два озера у с. Рыжковъ — Ситное и Свѣтовалное, рукоп. Нѣж. сл. лл. 57, 60 об., 60 об. — 61.

9) Сс. Кучеровка, Сопичъ, Мутинъ, Камень, м. Н.-Млины, сс. Пекаревъ, Кпуты, Костыревъ и Рыжки, с. Куликовка, мм. Дѣвица и Олишевка.

10) С. Марчишина Буда и сл. Новая Гребля.

11) Сс. Курень и Тиница (въ послѣднемъ только дворецъ, а не самое село).

12) Д. Потаповка.

13) Мм. Ивангородъ, Конотопъ, Воронежъ, Кролевецъ и Глуховъ, сс. Мартыновка, Махновка, Шаповаловка, сл. Богдановка, сс. Андреевка, Добротовъ, Викторовъ, Есмань, Землянка, Чарторія, Собичевъ и Уздица.

исторіи, какъ свободныя войсковыя[1]). Даже при неполнотѣ нашего источника ясно рѣшительное преобладаніе этой группы имѣній надъ всѣми остальными. Къ концу 20-хъ годовъ XVIII столѣтія такое преобладаніе совершенно утеряно ею. Отъ свободныхъ войсковыхъ селъ къ этой порѣ сохранился не болѣе, какъ жалкій остатокъ, едва составляющій 7% общей массы имѣній, и столь же рѣшительный перевѣсъ пріобрѣли не игравшія вначалѣ видной роли группы имѣній, принадлежащихъ монастырямъ и членамъ класса старшины на правѣ наслѣдственнаго владѣнія. Вмѣстѣ взятыя, эти двѣ группы составляли уже въ 1730 г. болѣе 60% общаго числа маетностей, тогда какъ на долю имѣній ранговыхъ едва приходилось 18% общаго числа.

Позволю себѣ остановиться еще въ немногихъ словахъ на судьбѣ того остатка свободныхъ селъ, какой имѣлся къ 1730 г., и, пользуясь источниками, не служившими г. Лазаревскому, дополнить его изложеніе въ этомъ отношеніи нѣсколькими не вошедшими въ него фактами. Послѣ генеральнаго слѣдствія къ перечисленнымъ 17 свободнымъ войсковымъ селамъ было прибавлено еще 10[2]), причемъ во всѣхъ этихъ 27 селахъ въ 1730 г. считалось 2746 дворовъ. Но уже къ 1753 г. въ предѣлахъ Нѣжинскаго полка осталось только 7 свободныхъ поселеній и въ нихъ 147 дворовъ и 113 бездворныхъ хатъ посполитыхъ, именно въ м. Воронежѣ 101 дв., въ м. Кролевцѣ — 111 дв. и 8 б. х., въ м. Ивангородѣ — 2 дв., въ с. Собичевѣ — 4 дв., въ с. Уздицѣ — 9 дв. и 1 б. х., въ с. Есмани — 18 дв. и 3 б. х., въ с. Кнутахъ — 3 двора. Что касается остальныхъ, то ихъ судьба была такова: 891 дв. былъ скупленъ державцами, 34 двора оказались во владѣніи державцевъ безъ купли, изъ 83 дворовъ посполитые вписались въ козаки, на мѣстѣ 353 дворовъ оказались «пустые плецы», а 826 дворовъ и 246 б. х. были розданы въ промежутокъ времени 1730—1751 гг. въ ранговое и частное владѣніе[3]). Къ 1767 г. свободныхъ

---

1) Такой счетъ по маетностямъ, конечно, лишь очень приблизителенъ, но, къ сожалѣнію, въ Нѣжинскомъ слѣдствіи отсутствуютъ цифры дворовъ въ имѣніяхъ. Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нелишнимъ оговориться, что подъ маетностью я разумѣю здѣсь не село, а держаніе одного владѣльца въ данномъ поселеніи, которое не всегда совпадало съ границами самаго поселенія. Въ одномъ и томъ же мѣстечкѣ или селѣ бывало нѣсколько владѣній, такъ въ м. Ивангородѣ ихъ было три: частное, монастырское и свободныхъ посполитыхъ. Въ дѣйствительности такимъ образомъ отношеніе свободныхъ селъ къ другимъ для перваго періода еще недостаточно сильно выражается приведенными цифрами.

2) Мм. Дѣвица, Олишевка, Новые Млины, сс. Пекаревъ, Кнуты, Костыревъ, Рыжки, м. Борзна, сс. Оленевка и Красиловка.

3) Харьк. Ист. Арх., Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 6.290. Вѣдомость, составленная въ 1753 г. въ ген. войск. канцеляріи объ убыли свободныхъ посполитскихъ дворовъ съ 1729—30 г. по 1753 г. Заимствую отсюда свѣдѣнія о раздачѣ свободныхъ посполитскихъ дворовъ въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ селъ, отсутствующія у г. Лазаревскаго: с. Богдановка находилась уже въ 1751 г. во владѣніи Гадяцкаго полковника Галецкаго; въ м. Оли-

поселеній оставалось уже только два: мм. Кролевецъ и Воронежъ. Въ первомъ изъ нихъ населенія, съ «урядниками», ратушными служителями и почтальонами, было 245 дв., и въ нихъ 284 хаты, и 24 б. х. Въ ихъ владѣніи находилось 17 огородовъ, пахатнаго поля на 916 дней или на 458 четвертей посѣва, причемъ на этомъ полѣ, по свѣдѣніямъ вѣдомостей смотрителей свободныхъ войсковыхъ имѣній, нажиналось 4516 копъ хлѣба и вымолачивалось 1130 четв., и сѣнокоса на 624 воза. Окладной платежъ Кролевецкихъ посполитыхъ равнялся 287 р. Въ м. Воронежѣ считалось 20 дв., въ нихъ 22 х.; во владѣніи населявшихъ ихъ посполитыхъ было 18 огородовъ, на 148 дней или на 48½ четв. посѣва пахатнаго поля, на которомъ нажиналось 306 копъ и вымолачивалось 124½ четв. хлѣба, и на 62 воза сѣнокоса; окладной платежъ съ этого мѣстечка былъ 57 р. 25 коп.[1]). Такъ уже въ третьей четверти XVIII столѣтія свободныя войсковыя имѣнія почти совершенно исчезли на территоріи Нѣжинскаго полка.

Останавливаясь такъ подробно на данныхъ генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ, я имѣлъ въ виду способствовать отчасти разъясненію нѣкоторыхъ изъ основныхъ вопросовъ землевладѣнія гетманской Малороссіи, недостаточно полно представленныхъ въ книгѣ А. М. Лазаревскаго. Что касается собственно послѣдней, то по отношенію къ ней моей цѣлью было не столько отмѣтить существованіе нѣкоторыхъ ошибокъ въ ея текстѣ, тѣмъ болѣе, что во многихъ изъ приведенныхъ случаевъ не можетъ быть и рѣчи о прямой ошибкѣ, — сколько указать ту особенность этой части труда уважаемаго автора, что здѣсь онъ не исчерпываетъ вполнѣ находившійся въ его распоряженіи матеріалъ, благодаря чему послѣдующій изслѣдователь этой стороны старой малорусской жизни долженъ будетъ, не довольствуясь изложеніемъ ея въ книгѣ г. Лазаревскаго, обращаться еще и къ источнику, на которомъ послѣднее основано. Можно надѣяться, что А. М. Лазаревскій продолжитъ начатое уже имъ дѣло изданія книгъ генеральнаго слѣдствія и издастъ таковое для Нѣжинскаго полка, сдѣлавъ такимъ образомъ общедоступнымъ этотъ важный памятникъ. Тогда и тѣ отдѣльныя погрѣш-

---

шевкѣ 10 посп. дворовъ были отданы универсаломъ Разумовскаго въ 1752 г. сестрѣ его Агафіи Григорьевнѣ; с. Викторовъ было отдано имъ же въ 1752 г. бунч. тов. Гудовичу (этимъ устраняется догадка А. М. Лазаревскаго, что Викторовъ былъ пожалованъ Андр. Вас. Гудовичу имп. Павломъ, с. 465); въ с. Землянкѣ, кромѣ владѣнія (ранговаго) Вас. Туманскаго, 30 дворовъ принадлежали Глуховскому сотнику Туранскому; въ с. Пекаревѣ — 2 дв. принадлежали къ Батуринской волости, 13 дв. было во владѣніи асаула генер. артиллеріи, а остальные были отданы въ 1751 г. универсаломъ гетм. Разумовскаго отставному Нѣжинскому хоружему Витковскому; с. Костыревъ по универсалу г. Разумовскаго 1751 г. было отдано комп. полковнику Вас. Часнику.

1) Харьк. Ист. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 2560. Вѣдомость 1767 г., составленная по донесеніямъ смотрителей свободныхъ войсковыхъ и ранговыхъ имѣній.

ности сравнительно съ текстомъ этого источника, на какія мнѣ приходилось указывать въ разбираемой книгѣ, потеряютъ свое серьезное значеніе.

Мнѣ остается еще разъ оговориться, что за предѣлами указанныхъ погрѣшностей въ данной части труда автора, посвященной исторіи малорусскихъ имѣній, заключается весьма много новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, ярко освѣщающихъ различные моменты этой исторіи. Главное количество такихъ свѣдѣній относится къ XVIII вѣку, но и для XVII столѣтія авторъ съумѣлъ найти и указать весьма характерные факты. Не имѣя возможности перечислить здѣсь всѣ такіе факты, вновь вводимые авторомъ въ научный оборотъ, ограничусь лишь нѣсколькими выдающимися примѣрами. Авторъ указываетъ на примѣрѣ Ник. Маковскаго, какъ послѣ возстанія Хмельницкаго потеряли силу всѣ земельные акты, заключенные при польскомъ владычествѣ и какъ немного спустя происходило въ отдѣльныхъ случаяхъ возстановленіе значенія такихъ актовъ (с. 363—4); онъ отмѣчаетъ оригинальное явленіе малорусскаго землевладѣнія XVII в. — вмѣшательство въ его распорядки кіевскаго воеводы П. Шереметева, раздававшаго своею властью имѣнія (с. 439—40); другое, болѣе постоянное и важное явленіе въ этой области — непризнаваніе гетманами въ XVII столѣтіи вѣчной силы за царскими жалованными грамотами на имѣнія, также нашло себѣ отраженіе въ книгѣ автора на примѣрѣ с. Хибаловки, утвержденнаго царскою грамотой за Васютинскимъ, но затѣмъ при Мазепѣ находившагося во владѣніи разныхъ лицъ (с. 96). Значеніе матеріала, собраннаго авторомъ для XVIII вѣка, опредѣляется уже той общей схемой этой части его изложенія, которую я приводилъ выше. Для исторіи старшинскаго или державческаго землевладѣнія, какъ по отношенію къ цѣлому классу, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ фамиліямъ, входившимъ въ его составъ, и членамъ этихъ фамилій въ работѣ г. Лазаревскаго сосредоточена масса цѣнныхъ фактовъ и объясненій, ясно и отчетливо представляющихъ размѣры роста земельныхъ богатствъ этого класса. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ исторія монастырскаго землевладѣнія на территоріи Нѣжинскаго полка, представленная авторомъ въ рядѣ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ монастырямъ и ихъ владѣніямъ. Въ этихъ очеркахъ авторъ не только даетъ яркую картину разростанія монастырскаго землевладѣнія, но и отмѣчаетъ тѣ условія, при какихъ такое разростаніе совершалось, вскрывая часто въ нихъ совершенно новыя, остававшіяся раньше незамѣченными черты. Тщательный критическій анализъ земельныхъ актовъ монастырей далъ возможность автору возстановить въ исторіи монастырскаго землевладѣнія неизслѣдованныя еще стороны, указавъ именно такіе способы пріобрѣтенія имѣній монахами, которые стушевываются въ самихъ оффиціальныхъ документахъ. Особенно интересна въ этомъ отношеніи

данная авторомъ исторія владѣній Батуринскаго Крупицкаго монастыря (с. 267—270 и 446—449). Сопоставивъ рядъ универсаловъ, данныхъ этому монастырю различными гетманами, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. «Всѣ гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго и кончая Брюховецкимъ, лично никакихъ маетностей не даютъ, а только подверждаютъ то, что дано прежде, т. е. то, что дано было Оссолинскимъ и Пѣсочинскимъ. Но въ актѣ Оссолинскаго имѣнія названы весьма неопредѣленно, а актъ Пѣсочинскаго едва ли и существовалъ. Тѣмъ не менѣе въ подтвердительныхъ универсалахъ гетмановъ является рядъ опредѣленно названныхъ маетностей, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ, неопредѣленно названныя въ раннихъ универсалахъ, въ позднѣйшихъ уже называются «селами» (с. 270). Относительно того же монастыря г. Лазаревскій разсказываетъ еще любопытную исторію завладѣнія имъ с. Спасскимъ, на основаніи весьма сомнительнаго универсала Богдана Хмельницкаго, текстъ котораго давалъ къ тому же монахамъ право лишь на «поле Спасское». Весьма обстоятельно разсказана также авторомъ на основаніи монастырскихъ документовъ исторія владѣній монастырей Нѣжинскихъ, Благовѣщенскаго и Красноостровскаго (с. 67—79), Омбышскаго (с. 84—5), Максаковскаго (150—7), Кербутовскаго (294—9), Гамалѣевскаго (351—5) и особенно Глуховскаго Петропавловскаго (с. 467—74). Авторъ намѣчаетъ въ этихъ разсказахъ и скуплю земель, производившуюся монастырями, и тѣ насилія, путемъ которыхъ они иногда расширяли свое землевладѣніе, и наконецъ привилегіи, получавшіяся монахами для своихъ селъ, и изъ тщательно собранныхъ имъ деталей вырисовывается полная и яркая картина монастырскаго землевладѣнія, занимавшаго весьма видное мѣсто въ общемъ складѣ земельныхъ отношеній старой Малороссіи. Позволю себѣ сдѣлать лишь небольшое дополненіе къ одной, менѣе другихъ обрисованной у г. Лазаревскаго, сторонѣ этой картины, именно къ привилегированному положенію монастырскихъ селъ по отношенію къ общимъ повинностямъ, лежавшимъ на крестьянскомъ населеніи страны, пользуясь для этой цѣли документами Омбышскаго и Максаковскаго монастырей. Помѣщая нѣсколько такихъ документовъ въ приложеніи, я здѣсь лишь вкратцѣ коснусь ихъ содержанія. Универсаломъ отъ 24 ноября 1696 г. гетм. Мазепа бралъ подъ свою оборону с. Омбышъ, принадлежавшее Омбышскому монастырю, приказывая, чтобы никто «мимоездомъ и переездомъ чрезъ тое село не смѣлъ и не важился жаднимъ способомъ людей посполитихъ тамошнихъ, то есть бранемъ подводъ и вимаганемъ кормовъ и напитковъ, обтяжати подъ срокгимъ (строгимъ) войсковимъ караніемъ»[1]. Въ 1697 г. это же село было

1) Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{1757}$ с.

освобождено гетманомъ отъ платежа на полковыхъ пушкарей и трубачей, и «аренда» съ него была ограничена суммой въ 100 золотыхъ[1]). Совершенно такого же содержанія универсалъ былъ выданъ Мазепою монастырю еще разъ, 22 дек. 1707 г.[2]), а затѣмъ всѣ эти льготы были подтверждены и г. Скоропадскимъ въ универсалѣ отъ 29 янв. 1709 г.[3]). Еще болѣе интереса представляютъ привилегіи, какія получалъ монастырь Максаковскій отъ гетмановъ. Гетманъ Многогрѣшный въ 1669 г. освободилъ села этого монастыря отъ сбора съ нихъ «стаціи»[4]). Гетм. Самойловичъ въ 1673 г. далъ монастырю право рубить лѣсъ въ вольныхъ пущахъ по верхнему теченію р. Десны[5]), а въ 1680 г. освободилъ посполитское населеніе сс. Максаковъ и Холмовъ отъ работъ по укрѣпленію городовъ («парварковъ»)[6]). Гетманъ Мазепа въ 1688 г. по жалобѣ игумена Кердановскаго запретилъ сотенной старшинѣ Борзенской и Шаповаловской сотенъ судить монастырскихъ посполитыхъ, брать съ нихъ свадебныя куницы и вписывать людей изъ монастырскихъ маетностей въ козаки, такъ какъ «безъ указу нашого не доводится вамъ уписовати никого въ реестръ козацкій»[7]). Въ 1689 г. онъ, по просьбѣ игумена Гугуревича, освободилъ посполитыхъ трехъ монастырскихъ селъ, Высокаго, Холмовъ и Сидоровки, отъ работы по исправленію дорогъ (собственно, плотинъ)[8]). Наконецъ, гетм. Скоропадскій въ 1718 г. позволилъ монастырю собирать въ свою пользу съ посполитыхъ с. Высокаго какъ покуховную, такъ и показанную повинность[9]). Въ этомъ рядѣ пожалованій выясняется нѣсколько то привилегированное положеніе, которое съ теченіемъ времени заняли владѣльческія и особенно монастырскія имѣнія.

Сдѣлаю въ заключеніе еще три мелкія дополненія къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Лазаревскимъ о различныхъ селахъ. Перечисляя владѣльцевъ с. Кладьковки по слѣдствію о маетностяхъ, авторъ называетъ въ числѣ ихъ и протопопа Симеона Адамовича. Послѣднему Кладьковка была отдана

---

1) Приложенія, № 5. Въ 1699 г. это пожалованіе гетмана было подтверждено еще универсаломъ полковника Обидовскаго, который подтверждалъ, чтобы по гетманскому универсалу монастырская маетность «отъ датковъ роковъ, приналежныхъ на слугъ нашихъ войсковыхъ, цѣле была волна», Арх. Черн. К. Пал., док. монаст., № $\frac{1616}{1761}$.

2) Тамже, № $\frac{1616}{1758.\ a}$.

3) Тамже, № $\frac{1616}{1757.\ a}$.

4) См. приложенія, № 6.

5) См. приложенія, № 7.

6) Тамже, № 8.

7) Тамже, № 9.

8) Тамже, № 10.

9) Тамже, № 11.

именно универсаломъ г. Многогрѣшнаго 29 янв. 1671 г., подтвержденнымъ затѣмъ и царскою грамотой, причемъ въ томъ и другомъ актѣ село жаловалось протопопу въ наслѣдственное владѣніе[1]). О с. Тростянкѣ г. Лазаревскій говоритъ (с. 276), что она была отдана Пашковской, «вѣроятно, взамѣнъ Ромашкова»; это можно сказать вполнѣ утвердительно, опираясь на свидѣтельство документовъ[2]). О с. Мыльникахъ авторъ сообщаетъ, что они были отданы Нѣжинскому Красноостровскому монастырю гетм. Мазепой; можно назвать и болѣе точную дату — 1688 г.[3]).

Въ разборѣ данной части книги г. Лазаревскаго я считалъ возможнымъ лишь въ общихъ чертахъ указать то богатое ея содержаніе, значеніе котораго не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній, и затѣмъ уже остановился по преимуществу на такихъ вопросахъ, для которыхъ могъ сдѣлать дополненія съ своей стороны или же по поводу которыхъ я расхожусь въ мнѣніи съ уважаемымъ авторомъ «Описанія старой Малороссіи». Заканчивая этотъ обзоръ, я долженъ опять повторить, что и въ этой своей части книга г. Лазаревскаго содержитъ обильный и важный матеріалъ по многимъ вопросамъ землевладѣнія гетманской Малороссіи и послужитъ цѣннымъ пособіемъ для всякаго изслѣдователя старой малорусской жизни.

III. Сословія.

Перехожу теперь къ третьей большой группѣ вопросовъ исторіи гетманщины, представленныхъ въ книгѣ г. Лазаревскаго, — именно къ собраннымъ авторомъ свѣдѣніямъ по исторіи сословій гетманской Малороссіи, поскольку эта исторія развертывалась на территоріи Нѣжинскаго полка. Дѣйствительно, не смотря на то, что такая тема не отмѣчена авторомъ въ подзаголовкѣ его труда, въ послѣднемъ имѣется весьма значительное количество относящагося къ ней матеріала. Наиболѣе вниманія удѣлено при этомъ авторомъ жизни высшихъ сословныхъ группъ лѣвобережной Малороссіи, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляли владѣльческій классъ въ странѣ, — козацкой старшины и чернаго духовенства. Въ своихъ очеркахъ по исторіи отдѣльныхъ лицъ изъ среды малорусскихъ администраторовъ, старшинскихъ фамилій и монастырей, очеркахъ, о которыхъ мнѣ уже приходи-

---

1) М. Арх. Мин. Юст., Дѣла Малор. Приказа, книга № 19, лл. 585—6 и грамота на лл. 590—592. Подлинное выраженіе универсала (переведеннаго московскимъ писцомъ съ малорусскаго): «Симеону Адамовичу протопопу Нѣжинскому и Иченскому и наслѣдію его на пропитание, владѣнье и спокойное дали ему держание».

2) Рукопись слѣдствія Нѣжинскаго полка, Документы, л. 184.

3) Универсалъ 17 марта 1688 г., въ которомъ гетманъ говоритъ, что онъ даетъ монастырю с. Мыльники вмѣсто ранѣе отошедшаго отъ него м. Салтыковой Дѣвицы съ приселками, — см. Архивъ Черн. Каз. Палаты, документы монастырей, № $\frac{1616}{2302}$.

лось упоминать въ другой связи, г. Лазаревскій, опираясь на богатый, въ массѣ своей еще не изученный другими изслѣдователями, а въ значительной мѣрѣ и остававшійся до него неизвѣстнымъ, матеріалъ оффиціальныхъ и частныхъ архивовъ, бросаетъ яркій свѣтъ на многія стороны жизни этого класса, подготовляя такимъ образомъ полную его характеристику. Не пытаясь охватить всего разнообразнаго содержанія этой части работы автора, я постараюсь лишь намѣтить главнѣйшіе ея результаты.

Подробно останавливаясь на исторіи отдѣльныхъ родовъ козацкой старшины, авторъ много вниманія и труда посвящаетъ возстановленію дѣйствительнаго происхожденія многихъ изъ нихъ, искусственно затемненнаго впослѣдствіи. Большинство оффиціальныхъ родословій малорусской старшины составлено во второй половинѣ XVIII вѣка, когда представители этого класса отдѣляли уже себя отъ народной массы именемъ «шляхетства» и, стремясь достигнуть уравненія въ правахъ съ великорусскимъ дворянствомъ, всѣми мѣрами силились доказать свое благородное происхожденіе; въ виду послѣдней цѣли въ этихъ родословіяхъ малорусскія старшинскія фамиліи выводились обыкновенно или отъ польской шляхты или, по меньшей мѣрѣ, отъ козацкихъ гетмановъ и вообще лицъ, носившихъ высокіе войсковые чины. Г. Лазаревскій, подвергая безпощадной критикѣ такія родословія, вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ тщательнаго подбора и искусной группировки болѣе надежныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, извлекаемыхъ имъ часто изъ очень мелкихъ и невидныхъ источниковъ, вродѣ купчихъ крѣпостей на мельницы, земли и т. п., устанавливаетъ процессъ происхожденія высшаго класса малорусскаго общества XVIII вѣка въ чертахъ далеко отличныхъ отъ тѣхъ, какія старались навязать ему авторы шляхетскихъ родословныхъ. Не говоря уже о болѣе извѣстномъ фактѣ происхожденія многихъ фамилій позднѣйшаго дворянства изъ рядового козачества, обставленномъ въ книгѣ г. Лазаревскаго многими новыми примѣрами, отмѣчу болѣе оригинальное явленіе, указываемое авторомъ, — переходъ немалаго числа разбогатѣвшихъ членовъ городскаго «посполитства» или мѣщанъ въ ряды войсковаго товариства. Такъ, авторъ устанавливаетъ происхожденіе родовъ Тарасевичей и Володковскихъ отъ Нѣжинскаго бурмистра XVII в. Тараса Аврамовича (с. 43—45), Александровичей отъ глуховскаго войта Александра (с. 45), Конисскихъ — изъ нѣжинскаго мѣщанства (с. 86)[1]), Лазаревичей и Холодовичей — изъ воронежскихъ мѣщанъ (с. 327—333), Троцкихъ — изъ мѣщанъ Новомлинскихъ (с. 290), Костенецкихъ — изъ Конотопскихъ

1) На основаніи дѣла о дворянствѣ Конисскихъ, хранящагося въ архивѣ Черниг. двор. собранія, авторъ даетъ родословіе Конисскихъ, возстановляя въ немъ между прочимъ происхожденіе извѣстнаго Георгія Конисскаго, архіеп. Могилевскаго, оказывающагося сыномъ Нѣж. бурмистра Осипа К—го (с. 509—10).

(с. 198—9). Рядомъ съ этимъ авторъ отмѣчаетъ и случаи противоположнаго характера, когда фамиліи, уже стоявшія въ рядахъ старшины, опускались затѣмъ въ низшія общественныя группы. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ потомства Мих. Дули, бывшаго Кролевецкимъ сотникомъ въ 1656 г. Его потомки въ концѣ XVII — началѣ XVIII вв. заняли положеніе гетманскихъ протекціантовъ — мельниковъ, а нѣкоторые изъ нихъ стали даже посполитыми (с. 363—383). Собранные авторомъ факты такого рода ярко характеризуютъ начальный моментъ развитія сословныхъ отношеній въ гетманской Малороссіи, свидѣтельствуя объ отсутствіи строгихъ разграниченій сословныхъ группъ не только на нижнихъ, но и на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и въ этомъ смыслѣ они имѣютъ большое значеніе и для общей исторіи страны. Не менѣе важны и данныя, сообщаемыя авторомъ для дальнѣйшей исторіи класса старшины. Разсказывая исторію отдѣльныхъ, составлявшихъ его родовъ, авторъ на массѣ частныхъ примѣровъ касается общихъ условій и порядковъ его жизни. Не ограничиваясь характеристикой общественной дѣятельности этого класса, о которой была у насъ рѣчь выше, г. Лазаревскій подробно обрисовываетъ его отношенія къ другимъ сословнымъ группамъ и тотъ путь, какимъ онъ дошелъ до положенія господствующаго класса. Изображеніе этой стороны жизни носитъ у автора мрачныя, но врядъ ли сколько-нибудь преувеличенныя краски. Передъ глазами читателя рисуется въ книгѣ жизнь, въ которой главнымъ побудительнымъ мотивомъ были узко-матеріальные интересы. возстановляется процессъ пріобрѣтенія богатства и привилегированнаго положенія группой выходящихъ изъ народной массы людей, процессъ, сопровождаемый насиліями, построенный часто на беззаконіи, проходитъ вереница типичныхъ пріобрѣтателей малаго и крупнаго размѣра. Захватъ земли какъ у другихъ сословій, такъ и у менѣе сильныхъ членовъ старшинскаго же класса[1]), насильственное подчиненіе козачества и переводъ козаковъ въ посполитые, совершаемый то силою власти, то путемъ экономическаго давленія, притѣсненія крестьянства, находившагося уже подъ властью державцевъ, — таковы стадіи этого процесса, громаднымъ рядомъ фактовъ представленныя въ трудѣ автора. Хотя въ меньшемъ количествѣ, онъ даетъ все же матеріалъ и для уясненія той экономической подкладки, какая присуща была данному процессу, обезпечивая возможность глубокаго вліянія старшины на народную жизнь. Авторъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя изъ завѣщаній и другихъ семейныхъ документовъ, позволяющія составить хотя приблизительное понятіе о размѣрахъ движимаго имущества стар-

---

1) См. напр. объ отнятіи Маковскимъ земель у Голубовъ, с. 388—392.

шины[1]), и съ другой стороны намѣчаетъ тѣ пути, при помощи которыхъ создавались эти средства. Таковы напримѣръ его свѣдѣнія о происхожденіи богатства Троцкихъ и Марковича, источникомъ которыхъ послужили аренды, а въ первомъ случаѣ еще и торговля волами съ Силезіей (с. 290, 419). Объ этой торговлѣ съ Силезіей и Данцигомъ, ея размѣрахъ въ единичныхъ случаяхъ и результатахъ въ смыслѣ созданія значительныхъ денежныхъ средствъ малорусской старшины авторъ говоритъ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (см. напр. торговыя операціи Кандибъ, с. 189—190, Костенецкихъ — Волёватыхъ, с. 198, 202); упоминаетъ онъ и о другомъ промыслѣ малорусской старшины — торговлѣ водкой съ Астраханью (с. 192). Авторъ вводитъ далѣе своего читателя въ область домашней обстановки и семейныхъ порядковъ изображаемаго имъ класса, сообщая и здѣсь крайне любопытный матеріалъ. Таково особенно подробно разсказываемое имъ дѣло о семейныхъ неурядицахъ въ домѣ Андр. Кандибы въ началѣ XVIII в. (с. 189—192); отмѣчу также любопытное своими подробностями, относящимися къ исторіи не только старшины, но и духовенства, дѣло о разводѣ съ женой полк. обознаго Ив. Величковскаго въ первой же половинѣ XVIII столѣтія (с. 23—27). И въ этой области авторъ не довольствуется констатированіемъ отдѣльныхъ фактовъ, но устанавливаетъ и нѣкоторыя общія положенія. Такъ, приводя цѣлый рядъ завѣщаній, составлявшихся членами малорусской старшины, онъ приходитъ на основаніи ихъ къ выводу, что завѣщатели почти всегда стремились сохранить независимое положеніе за своими женами, передавая въ ихъ руки полное право распоряженія всѣмъ имуществомъ (ср. наприм. завѣщаніе Андр. Кандибы, с. 193—4; Туранскаго, с. 417—18). Наконецъ г. Лазаревскій отмѣчаетъ образовательный уровень старшины, указываетъ отдѣльные случаи стремленія къ просвѣщенію и появленія образованности въ средѣ этого класса, даетъ обстоятельныя характеристики людей, такъ или иначе выдѣлявшихся изъ него по своему нравственному складу (см. напр. очеркъ, посвящ. Матв. Холодовичу, с. 339—43). Г. Лазаревскаго упрекали иногда въ излишней мрачности красокъ, употребляемыхъ имъ въ его изображеніяхъ представителей владѣльческаго класса старой Малороссіи. Врядъ ли можно однако присоединиться къ этому упреку. Авторъ «Описанія старой Малороссіи» не только строго и точно передаетъ въ этомъ случаѣ находимые имъ въ источникахъ факты, но и съ явной охотой и любовью останавливается на личностяхъ, въ характерѣ и дѣйствіяхъ которыхъ можно отмѣтить болѣе положительныя черты. Не его вина, если въ его разсказѣ

1) См. напр. списокъ приданаго Т. Костенецкой въ 1753 г., с. 203; завѣщаніе Туранскаго, с. 417—18.

оказывается не особенно много подобныхъ владѣльцевъ. Такое перечисленіе внѣшнихъ рубрикъ заключающагося въ этой части книги матеріала врядъ ли можетъ дать полное представленіе объ его значеніи, но даже сжатый пересказъ богатаго ихъ содержанія потребовалъ бы слишкомъ много мѣста, и я ограничусь лишь однимъ общимъ заключеніемъ, оправдываемымъ уже и тѣмъ, что было сказано до сихъ поръ: въ книгѣ г. Лазаревскаго, поскольку она касается исторіи старшины, какъ соціальнаго класса, собранъ весьма цѣнный матеріалъ, дающій возможность характеризовать этотъ классъ въ различныхъ сторонахъ его жизни, причемъ значительная часть подготовительной работы для такой характеристики выполнена уже умѣлою рукой автора и пользующемуся его трудомъ придется имѣть дѣло не только съ собранными имъ въ громадномъ количествѣ фактами, но и съ построенными на нихъ обобщеніями.

Не меньшимъ обиліемъ фактическихъ подробностей и яркостью красокъ отличаются страницы книги, посвященныя изображенію внутренняго быта монастырей, причемъ авторъ сообщаетъ немало новыхъ данныхъ и для внѣшней ихъ исторіи. Монастыри старой Малороссіи не уступали свѣтскимъ владѣльцамъ въ погонѣ за матеріальнымъ благосостояніемъ, и если чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ послѣднихъ, то развѣ только своею бо́льшею энергіею и меньшей разборчивостью въ средствахъ. Въ трудѣ А. М. Лазаревскаго собрано много данныхъ для характеристики этой стороны ихъ дѣятельности, но вмѣстѣ авторъ внимательно относится и къ другимъ сторонамъ ея, пользуясь для ихъ изображенія по преимуществу рукописнымъ матеріаломъ какъ собственной библіотеки, такъ и нѣсколькихъ архивовъ, въ томъ числѣ особенно архива Черниговской Каз. Палаты, гдѣ сосредоточено рѣдкое по своей важности собраніе монастырскихъ документовъ. На основаніи этого матеріала авторъ даетъ свѣдѣнія о составѣ монастырскаго населенія (напр., монахинь Кербутовскаго монастыря въ 1777 г., с. 298—9), о монастырскомъ хозяйствѣ и способахъ его веденія, объ отношеніяхъ монастырей къ ихъ крестьянамъ и сосѣднимъ владѣльцамъ, объ отдѣльныхъ игуменахъ и ихъ управленіи, и изъ ряда такихъ свѣдѣній складывается эпизодически изложенная, но богатая содержаніемъ исторія внутренней жизни монастырей. Какъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ этой жизни, авторъ отмѣчаетъ глубокую деморализацію монашества. Непрерывная погоня за имущественнымъ благосостояніемъ, доходящая до отнятія земли отъ крестьянина и до собственноручнаго убійства игуменомъ посполитаго, защищающаго свою землю (с. 296—8, 157), жестокія притѣсненія крестьянъ монахами и игуменами, не останавливающимися передъ преступленіями, менѣе всего, казалось бы, свойственными монаху, вродѣ изнасилованія Максаковскимъ игуменомъ Гугуревичемъ

крестьянскихъ дѣвушекъ (с. 154—6), расхищеніе монастырской казны игуменами и братіею, вродѣ того, какое систематически происходило въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (с. 68—79), вражда между монахами и игуменами, выражающаяся въ столь рѣзкихъ формахъ, какъ убійство игуменомъ одного изъ братіи, или какъ возстанія монаховъ противъ игумена, принужденнаго просить помощи у свѣтскихъ властей (с. 156, 74, 473—4), — таковы наиболѣе рѣзкіе симптомы этой деморализаціи, нашедшіе себѣ обстоятельное изложеніе и оцѣнку въ трудѣ г. Лазаревскаго. Авторъ намѣчаетъ и причину такого состоянія монастырей, усматривая ее въ томъ деморализующемъ вліяніи, которое должно было оказывать на монаховъ владѣніе крестьянами. Въ общемъ эти страницы книги вмѣстѣ съ тѣми, на которыхъ сообщаются свѣдѣнія о старшинѣ, принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ и содержательныхъ отдѣловъ всего труда.

Сравнительно менѣе уже представлены въ описаніи автора другія сословныя группы, для которыхъ предшествовавшія спеціальныя занятія автора, направленныя по преимуществу на изученіе исторіи владѣльческаго класса, можетъ быть, и не могли доставить ему столь богатаго и разнообразнаго матеріала. Тѣмъ не менѣе и относительно этихъ группъ въ его «Описаніи» Нѣжинскаго полка имѣется длинный рядъ весьма важныхъ данныхъ, главнѣйшія изъ которыхъ я отмѣчу, дополняя ихъ повременамъ имѣющимися у меня подъ руками матеріалами.

Городское сословіе не получило широкаго развитія на территоріи Нѣжинскаго полка; благодаря позднему ея заселенію здѣсь не было, за исключеніемъ самого Нѣжина, крупныхъ городовъ въ эпоху отторженія Малороссіи отъ Польши и вслѣдствіе этого населеніе даже болѣе значительныхъ впослѣдствіи мѣстечекъ не успѣло вполнѣ обособиться отъ остальнаго населенія, ставъ подъ защиту магдебургскаго права, въ моментъ, рѣшившій судьбу страны, и не могло уже достигнуть такого обособленія позже. Его исторія въ значительной мѣрѣ слилась съ исторіей другихъ сословныхъ группъ и видной самостоятельной роли оно не играло. Соотвѣтственно этому своему положенію оно и въ книгѣ г. Лазаревскаго занимаетъ не особенно много мѣста. Авторъ приводитъ цифры населенія городовъ за 1736 и 1781 гг., сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о переходахъ мѣщанъ въ другія сословныя группы, козачества и крестьянства, даетъ краткій очеркъ городскаго хозяйства въ г. Нѣжинѣ и греческой общины (братства) въ немъ, по вопросу о магдебургскомъ правѣ въ Нѣжинѣ отсылая читателя къ статьѣ проф. Багалѣя.[1]) Далѣе авторъ останавливается лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни горожанъ. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ своей книги,

1) «Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи», Журн. М. Н. Пр., 1892, № 3.

онъ приводитъ свѣдѣнія о торговлѣ мѣщанъ, изъ которыхъ особенно интересно описаніе Кролевецкой ярмарки, сдѣланное по рукописямъ XVIII в., принадлежащимъ библіотекѣ автора (с. 378—382). Затѣмъ заслуживаютъ вниманія подобранныя авторомъ извѣстія о цеховой организаціи въ Нѣжинскомъ полку. Г. Лазаревскій приводитъ именно упоминанія о цехахъ въ Нѣжинѣ (с. 66), Олишевкѣ (с. 105), Ивангородѣ (с. 129), Борзнѣ (с. 143), Новыхъ-Млинахъ (с. 294) и Глуховѣ (с. 429), сообщаетъ «листъ» Кролевецкаго уряда 1671 г. объ установленіи здѣсь цеховъ и довольно подробно разсказываетъ о соединеніи четырехъ цеховъ с. Вел. Загоровки въ одно церковное братство въ 1695 г. и о дальнѣйшей исторіи этого братства (с. 144—5). Къ ряду установленныхъ такимъ образомъ авторомъ въ предѣлахъ Нѣжинскаго полка цеховъ можно однако прибавить еще нѣсколько, оставшихся, повидимому, неизвѣстными ему, равно какъ можно сообщить и нѣкоторыя не лишенныя интереса подробности о внутреннихъ цеховыхъ распорядкахъ, сравнительно мало затронутыхъ въ его изложеніи. Такъ, въ Глуховѣ существовалъ не упомянутый г. Лазаревскимъ гончарскій цехъ, по крайней мѣрѣ на протяженіи первыхъ четырехъ десятилѣтій XVIII-го вѣка. Въ 1732 г. «Иванъ Кондратьевъ сынъ, цехмистеръ гончарскій со всею братіею» подали просьбу гетм. Апостолу, въ которой писали: «прошлихъ годовъ за... г. Скоропадского зъ города Кролевца и Воронѣжа, такожъ и изъ селъ сотни Глуховской, где жителство свое имѣютъ гончари, чинили намъ помоществованіе во всѣхъ нашихъ палегливостяхъ, до якихъ когда насъ востребуютъ, яко то въ домъ ясневелможности вашой и протчихъ особъ енералнихъ для поправки старихъ и становления новихъ печей»; въ данное же время Глуховскіе гончары такой помощи не получали и потому, заявляя, что испытываютъ «въ цеху своемъ малолюдномъ немалую трудность въ частомъ требованіи насъ отъ господъ енералнихъ особъ,» просили, чтобы былъ возстановленъ старый порядокъ и Кролевецкому и Воронежскому сотникамъ данъ бы былъ указъ приказать мѣстнымъ гончарамъ «чинить намъ, когда востребуютъ къ дѣлу насъ, а мы ихъ, во всемъ помоществованіе, да не прійдемъ въ крайнее разореніе»[1]). Услугами цеховыхъ ремесленниковъ пользовались, какъ выясняется изъ этого прошенія, не только сотенная и полковая, но и генеральная старшина. Слѣдующій документъ[2]) относится уже къ области внутреннихъ порядковъ цеховъ, рисуя исторію попытки Нѣжинскихъ кушнировъ (скорняковъ) въ началѣ XVIII в. устранить въ своемъ цехѣ конкуренцію мастеровъ путемъ установленія равномѣрной раздачи работы выдѣлки мѣха («бѣлки») чрезъ цехмистра. Постановленіе объ этомъ, сдѣланное цехомъ и дважды утвержденное, полковой старшиной

1) Моск. Румянц. Музей, рукописн. отд., архивъ Лукашевича, № 283.
2) Въ виду представляемаго имъ интереса помѣщаю его въ приложеніяхъ, № 12.

и магистратомъ, въ 1727 г., не смогло однако осуществиться благодаря противодѣйствію пяти цеховыхъ мастеровъ, которые вошли въ частное соглашеніе съ купцами и брали отъ нихъ работу безъ вѣдома цехмистра, и понаѣхавшихъ въ Нѣжинъ барышниковъ. Цеху пришлось обращаться за подтвержденіемъ своего приговора къ гетману и Апостолъ въ 1729 г. дѣйствительно издалъ универсалъ, утверждавшій цеховое постановленіе и угрожавшій его ослушникамъ изъ среды ремесленниковъ «немалымъ штрафомъ и цеховымъ наказаніемъ.» Въ Нѣжинѣ существовалъ, по крайней мѣрѣ за время отъ Богдана Хмельницкаго до полковника Хрущова, еще одинъ цехъ, подобно Глуховскимъ гончарамъ не упомянутый у г. Лазаревскаго, именно цехъ «музицкій.» Универсалы, выданные этому цеху Богданомъ Хмельницкимъ и различными Нѣжинскими полковниками, позволяютъ возстановить нѣкоторыя черты его жизни. «Музыки» состояли подъ «козацкимъ правомъ», которое имъ неоднократно подверждалось[1]). Образованіе этого цеха совершилось, повидимому, въ 1652 г., когда и былъ данъ ему универсалъ Хмельницкимъ. Во время полковничества Гр. Гуляницкаго у цеха существовала «братерская скринка», въ которую каждый «музыка» (въ универсалахъ упоминаются скрипники, дудари и бандуристы) обязывался всякую пятницу вносить по «осьмаку» и за всякую ярмарку по «шагу», и деньги эти употреблялись «старшимъ братомъ» «церквамъ Божіимъ на оздобу». Кромѣ того существовали и экстраординарные сборы: такъ, полк. Як. Жураковскій разрѣшилъ въ 1685 г. цеху собирать со всѣхъ музыкантовъ полковыхъ, Мринской, Олишевской, Дѣвицкой, Веркіевской, Прохорской и Ивангородской сотенъ «ведлугъ слушности грошевій датокъ» на ремонтъ построенной цехомъ въ Нѣжинскомъ монастырѣ колокольни. Какъ состоящіе подъ «козацкимъ правомъ,» музыканты не подлежали посполитскимъ повинностямъ, «станціямъ» и т. д., но Нѣжинскіе войты нерѣдко покушались привлекать ихъ къ этимъ повинностямъ и цехъ долженъ былъ прибѣгать къ защитѣ полковниковъ и гетмана. Въ данномъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ чисто козацкимъ цехомъ или братствомъ, но и вообще нужно замѣтить, что цеховая организація не пріурочивалась исключительно ни къ сословію мѣщанъ, ни къ городу. Въ исторіи собственно городскаго населенія Нѣжинскаго полка г. Лазаревскій отмѣчаетъ еще одинъ крупный фактъ — переходъ значительной его части во второй половинѣ XVIII вѣка въ ранговое и частное владѣніе державцевъ путемъ пожалованій гетм. Разумовскаго. Такъ, Борзна, Конотопъ и Н.-Млины были отданы на рангъ ген. об. Сем. Кочубею (с. 143, 213), Олишевка — Будлянскому, Дѣвица — Закревскимъ (с. 105, 112) и т. д. Для яснаго уразумѣнія этой раздачи

1) Моск. Рум. Музей, рук. отд., архивъ Лукашевича, № 2588. Всего здѣсь въ копіяхъ 9 универсаловъ.

надо помнить однако то, что сказано было раньше о характерѣ этихъ поселеній, какъ свободныхъ войсковыхъ мѣстечекъ.

Въ исторіи козачества авторъ «Описанія» останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ фактахъ, которые свидѣтельствуютъ о постепенно возраставшей зависимости этой группы населенія отъ старшины, пользовавшейся своей административною властью и своимъ экономическимъ перевѣсомъ для перевода козаковъ въ ряды своихъ подданныхъ. Масса отдѣльныхъ случаевъ такого перевода въ видѣ примѣровъ «скупли» козаковъ державцами и насильственнаго верстанія козаковъ въ посполитые разсѣяна въ книгѣ[1]), но я не буду приводить ихъ здѣсь, такъ какъ объ этихъ примѣрахъ частью уже была рѣчь выше. Авторъ намѣчаетъ далѣе и такія условія жизни козачества, которыя побуждали членовъ этого класса къ добровольному переходу въ другія сословія, указывая именно на тяжесть повинностей и особенно походовъ (см. напр. с. 179), падавшую тѣмъ большимъ бременемъ на козаковъ, что владѣльцы защищали своихъ подданныхъ отъ тѣхъ повинностей, какія они должны были нести совмѣстно съ козаками (см. с. 177). Болѣе подробной и обстоятельной обрисовки этихъ условій онъ однакоже не даетъ, равно какъ и вообще не имѣется въ его книгѣ матеріала для характеристики экономическихъ условій жизни козачества. Важны за то цифровыя данныя о численности козацкаго населенія во всѣхъ поселеніяхъ полка, приводимыя авторомъ для 1736 и 1781 гг., равно какъ подобныя же цифры для Конотопской сотни въ 1711 г., заимствованныя авторомъ изъ напечатанной имъ же описи этой сотни, и для Батуринской волости по описи 1726 г., извлеченныя г. Лазаревскимъ изъ рукописи его библіотеки.

Немалую цѣну для исторіи развитія малорусскихъ сословій имѣютъ далѣе свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о тѣхъ группахъ населенія, которыя занимали какъ бы переходное положеніе между козачествомъ и крестьянствомъ или посполитыми. Такого рода группы были въ гетманской Малороссіи двухъ родовъ: козаки, на которыхъ возлагалась какая-либо спеціальная служба гетману или другимъ лицамъ изъ войсковой старшины по указу высшей, т. е. гетманской или замѣнявшей ее власти, и козаки и посполитые, подпадавшіе подъ частную зависимость отъ владѣльцевъ безъ какого-либо распоряженія со стороны власти. На территоріи Нѣжинскаго полка г. Лаза-

---

1) Такъ въ Бахмацкой сотнѣ только за 1736— 38 гг. 62 козака, по свѣдѣніямъ г. Лазаревскаго, «спродалось или такъ поддалось» владѣльцамъ, с. 178—9; ср. переходъ козаковъ въ подсусѣдки въ Ивангородѣ въ нач. XVIII в. въ результатѣ монастырской скупли (с. 129), переходъ въ посполитые въ с. Будѣ въ концѣ XVII стол. вслѣдствіе насилій сотниковъ Шендюховъ (с. 113), то же въ сс. Дунайцѣ и Локнѣ вслѣдствіе дѣйствій Четвертинскаго (с. 442, 451—2), то же въ сс. Погребкахъ и Хижкахъ, гдѣ дѣйствовалъ Лизогубъ (с. 444—5, 453; ср. также 458, 460, 475—7).

ревскій констатируетъ присутствіе обѣихъ этихъ группъ. Первая изъ нихъ представлена была служившими у нѣкоторыхъ лицъ изъ старшины куренчиками[1]), равно какъ гетманскими конюшевцами, палубницами (служившими при гетманскихъ экипажахъ) и волкогонами (охотниками). Эти три разряда служившихъ гетманамъ козаковъ населяли сс. Поповку и Обмочевъ. Авторъ довольно подробно разсказываетъ ихъ любопытную исторію (с. 231—2, 274—6). Къ его разсказу можно однако добавить одинъ характерный эпизодъ. Г. Лазаревскій указываетъ именно на стремленіе Обмочевскихъ волкогоновъ и палубщиковъ возвратиться въ козачество. Какъ можно заключить однако изъ слѣдующаго факта, такое стремленіе не было въ данной группѣ ни всеобщимъ, ни постояннымъ. Послѣ того, какъ волкогоны и палубщики с. Обмочева указомъ г. Апостола были поверстаны въ козаки, среди нихъ произошло обратное движеніе, направленное къ тому, чтобы выбиться изъ-подъ сотенныхъ повинностей. Поводомъ къ обнаруженію такого движенія послужилъ указъ Апостола 19 мая 1731 г., которымъ Батуринскому сотнику предписывалось нѣсколькихъ изъ бывшихъ волкогоновъ выслать на «линейную Орельскую работу», а палубщиковъ не отправлять, такъ какъ въ случаѣ объявленія общаго похода они выступятъ «по старымъ обыкновеніямъ» вмѣстѣ съ гетманомъ. По словамъ сотника Стожка въ его доношеніи гетману отъ 16 іюня 1731 г., этотъ указъ на палубщиковъ, которыхъ въ то время въ Обмочевѣ числилось до 60 дворовъ и которыхъ «найболшое число въ бытность гетм. Скоропадского старосты Обмочевскіе приняли съ подъ сотни, ухиляючихся самоволне отъ сотенныхъ служебъ для своего полегченія», произвелъ такое дѣйствіе, что они «взяли предъ себе возгорженне» и, объявивъ мѣстному атаману, «дабы до нихъ уже жадного не имѣлъ дѣла и до общенародныхъ сотенныхъ тяжестей, яко то до годованія конспстентовъ, на сторожи, на стойки и на протчія службы

---

1) Позволю себѣ привести здѣсь выдержку изъ универсала г. Апостола отъ 30 марта 1733 г., непосредственно относящагося къ Нѣжинскому полку и заключающаго въ себѣ небезъинтересныя свѣдѣнія о куренчикахъ. Предписывая бунчуковымъ товарищамъ Нѣжинскаго полка, «в Засеймскихъ сотняхъ жительство свое имѣющимъ», быть готовыми къ походу «такъ, чтобъ по полученіи третичного указу нашого можно было к маршу куда повелено будетъ и виступить в три годинн непремѣнно», гетманъ прибавляетъ: «а понеже издавна обыкновеніе в полкахъ рейменту нашего бывало, когда бунчуковое товариство в походъ виправляются, то имъ для вспомоществованія отъ антецессоровъ нашихъ курѣнчики бывало опредѣляются, того ради и мы симъ нашимъ унѣверсаломъ пп. бунчуковимъ товариству всякому, если которій востребуеть, козаковъ самихъ найубожшихъ к нынѣшному военному походу для вспомоществованія опредѣлить велѣли, о чомъ от насъ и к пану полковнику Нѣжинскому указомъ нашимъ сего ж марта 30 дня предложено, толко бъ тихъ себѣ опредѣленнихъ куринчиковъ чрезъ ввесь походъ пп. бунчуковіе товарищи на своемъ содержали виктѣ и коштѣ, когда же з означенного походу возвратятся, тогда онымъ курѣнчикамъ быть при своихъ прежныхъ коммандахъ предлагаемъ». Харьк. Историч. Архивъ, Дѣла Малор. Коллегіи, Черниг. отд., № 10.000.

не занималъ бы ихъ», выбрали себѣ особаго атамана; вмѣстѣ съ тѣмъ они отказались отвѣчать на какіе бы то ни было иски, предъявляемые къ нимъ въ сотенномъ судѣ, заявляя, «дабы искано зъ ихъ сатисфакціи въ Глуховѣ, въ двору гетмана». Смущенный сотникъ испрашивалъ резолюціи гетмана, надо ли впредь привлекать налубщиковъ къ сотенному суду и общимъ повинностямъ, «понеже нѣкоторые изъ нихъ уже и подъ описній Обмочевскій дворецъ поддалися»[1]).

Для второй изъ указанныхъ группъ, болѣе многочисленной и сложной по своему составу и игравшей несравненно болѣе важную роль въ общемъ складѣ малорусскихъ сословій, г. Лазаревскій также даетъ въ своей работѣ рядъ цѣнныхъ фактовъ. Группа эта состояла изъ двухъ разрядовъ: протекціантовъ, въ ряды которыхъ входили главнымъ образомъ козаки и свободные посполитые, стремившіеся избавиться отъ тяжести общихъ повинностей и съ этою цѣлью становившіеся «подъ протекцію» того или другаго сильнаго лица, и подсусѣдковъ, или лицъ, продавшихъ кому-либо свои земли и дворы, но оставшихся жить въ послѣднихъ подъ обязательствомъ платежа новому владѣльцу деньгами или работой; такіе подсусѣдки бывали и у владѣльцевъ, и у козаковъ, и у посполитыхъ, и въ свою очередь въ разрядъ подсусѣдковъ одинаково вступали и козаки, и свободные посполитые, искавшіе въ немъ облегченія отъ тяжести общихъ повинностей, и посполитые владѣльческіе, спасавшіеся отъ притѣсненій своихъ державцевъ и чрезмѣрныхъ работъ или уже утерявшіе благодаря такимъ притѣсненіямъ свое хозяйственное благосостояніе и принужденные разстаться съ землей. Въ трудѣ г. Лазаревскаго собрано весьма значительное количество фактовъ и цифръ, позволяющихъ наглядно представить себѣ какъ эти разнообразныя причины перехода лицъ той или иной сословной группы въ разряды протекціантовъ и подсусѣдковъ и общій процессъ образованія даннаго класса, такъ и размѣры послѣдняго. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи воспроизведенныя авторомъ данныя описи Конотопской сотни 1711 г., рисующія одинъ изъ сравнительно раннихъ моментовъ названнаго процесса. Авторомъ подобраны далѣе нѣкоторые факты, бросающіе свѣтъ на тѣ отношенія, въ какихъ стоялъ данный классъ къ общей администраціи страны и къ державцамъ. Такъ, онъ указываетъ на усилія администраціи, полковой и сотенной, привлечь покрывавшихся владѣльческой протекціею людей къ отбыванію общихъ повинностей, по большей части остававшіяся безуспѣшными (с. 14, 146, 179, 412). Позволю себѣ присоединить къ ряду приводимыхъ имъ примѣровъ одинъ, не менѣе, пожалуй, яркій. Въ 1706 г. гетм. Мазепа по жалобѣ Борзенскихъ мѣщанъ, что владѣльцы не оказываютъ

---

1) Харьк. Ист. Арх., Дѣла Малор. Колл., Черн. отд., № 9675.

имъ никакой помощи съ своихъ маетностей въ отбываніи общихъ повинностей и укрываютъ многихъ посполитыхъ въ г. Борзнѣ и с. Красиловкѣ подъ своею протекціей, издалъ грозный универсалъ, въ которомъ запрещалъ владѣльцамъ подобныя дѣйствія подъ страхомъ лишенія маетностей[1]). Эта угроза не особенно, повидимому, подѣйствовала на владѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, въ 1713 г. полк. Лук. Жураковскій опять жаловался гетману, что владѣльцы Борзенской сотни «ни на почту, ни на другія подводы не даютъ съ селъ своихъ помощи городу», благодаря чему, по словамъ жалобы, сперва мужики, а затѣмъ и козаки Борзенскіе совсѣмъ раззорились[2]). Еще раньше этой жалобы полковника послѣдовалъ по жалобѣ самихъ Борзенскихъ урядниковъ и мѣщанъ универсалъ г. Скоропадскаго, которымъ онъ предписывалъ ряду владѣльцевъ Борзенской сотни взятыхъ ими въ свою оборону людей уступить обратно къ городу[3]). Въ 1715 г. Александръ Чуйкевичъ по приказу гетмана производилъ въ г. Борзнѣ и с. Красиловкѣ розыскъ о протекціантахъ, по которому отъ владѣльцевъ должны были отойти къ ратушѣ 82 взятыхъ ими въ протекцію хаты[4]). Въ 1719 г. Скоропадскій далъ урядникамъ Борзенскимъ новый универсалъ, которымъ засвидѣтельствовалъ, что приговоръ Чуйкевича остался неисполненнымъ державцами, и требовалъ его исполненія подъ страхомъ лишенія маетностей[5]). Такимъ образомъ три распоряженія гетманской власти на протяженіи девяти лѣтъ оказались безсильными уничтожить «протекцію» и подчинить владѣльческія имѣнія несенію общихъ повинностей и можно сомнѣваться, имѣло ли какіе-нибудь результаты четвертое. Г. Лазаревскій намѣчаетъ еще одинъ весьма любопытный фактъ, относящійся къ другому разряду даннаго класса, къ подсусѣдкамъ козацкимъ, и стоящій въ полномъ противорѣчіи съ только что приведенными. Это именно — привлеченіе козацкихъ подсусѣдковъ м. Мрина и селъ, къ нему принадлежащихъ, къ отбыванію повинностей въ пользу владѣльца этой маетности — Черниговскаго Каѳедральнаго монастыря (с. 99). Въ данномъ случаѣ этотъ фактъ, слишкомъ кратко изложенный, принялъ не вполнѣ вѣрныя очертанія. Универсалъ г. Мазепы 1689 г. еще не подчинилъ монастырю вполнѣ козацкихъ подсусѣдковъ, которые и долго послѣ того подчинялись не монастырю, а Мринскимъ сотникамъ, отъ которыхъ отошли въ вѣдѣніе архіепископіи лишь въ 1748 г. по рѣшенію генеральнаго суда[6]). Но можно привести и другіе случаи, гдѣ имѣется

---

1) Рукопись Нѣж. слѣдствія о маетностяхъ, Документы, лл. 145—6.

2) Харьк. Ист. Архивъ, Д. М. К., Черн. отд., № 11.886. Письмо полковника помѣчено 20 марта 1713 г.

3) Рукоп. Нѣж. сл., Документы, л. 147— об. Универсалъ отъ 2 февр. 1713 г.

4) Тамже, лл. 150—1.

5) Тамже, л. 149 — об.

6) Архивъ Черн. Каз. Палаты, докум. монастырей, подъ общимъ № 1616, №№ 2922—2924, 2928, и декретъ ген. суда 1748 г. (бумаги Черниг. Борисоглѣб. монастыря).

подобное же подчиненіе козацкихъ подсусѣдковъ державцѣ маетности. Такъ, въ 1709 г. гетм. Скоропадскій, давая универсалъ Нѣжинскому полк. сотнику Ив. Пироцкому на с. Вересочъ, пишетъ: «тое село Вересочъ з людми посполитими, подсусѣдками козацкими, млинами... в зуполное владѣніе... стверждаемъ»[1]). Онъ же, отдавая въ 1714 г. знатному войск. товарищу Іос. Тарасовичу с. Британовку «во всегдашное владѣніе», говоритъ въ универсалѣ: «войтъ зась того селця Британовки з посполитими людми и подсусѣдками козацкими повинни ему... всякіе подданскіе отдавати послушенства и повиновенія»[2]). Точно также полковникъ П. Толстой отдаетъ въ 1725 г. полк. пис. Л. Гроновскому на урядъ с. Кропивну «со всѣмы мужикамы и подсусѣдками, которие з мужиковъ, а живутъ въ дворахъ чина козачого»[3]). И это лишь немногіе примѣры изъ цѣлаго ряда подобныхъ. Такимъ образомъ въ то самое время, какъ владѣльческіе протекціанты и подсусѣдки почти всецѣло избавлялись отъ тяготѣнія общенародныхъ платежей и повинностей, подсусѣдки козацкіе не только должны были нести это бремя повинностей, привлекаемые къ нему усиліями администраціи, какъ указываетъ авторъ (с. 235), но въ томъ случаѣ, если они происходили изъ посполитыхъ, не вполнѣ освобождались и отъ зависимости по отношенію къ державцамъ. Иногда же дѣйствія администраціи по отношенію къ такимъ подсусѣдкамъ принимали и болѣе опредѣленное направленіе: по просьбамъ владѣльцевъ, и особенно монастырей, гетманы неоднократно пытались въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ прекратить переходъ владѣльческихъ посполитыхъ въ козацкіе подсусѣдки путемъ запрещенія козакамъ принимать ихъ въ свои дворы. Такъ, г. Мазепа въ 1699 г. запретилъ козакамъ с. Омбыша принимать въ подсусѣдки посполитыхъ мѣстнаго монастыря[4]); г. Скоропадскій въ 1713 г. издалъ распоряженіе, чтобы козаки Борзенской и Шаповаловской сотенъ не осмѣливались принимать къ себѣ подсусѣдковъ изъ подданныхъ Максаковскаго монастыря[5]), а въ 1716 г. повторилъ подобное же распоряженіе для имѣній монастыря Крупицкаго[6]). Приводя эти факты, я хотѣлъ лишь болѣе оттѣнить различіе въ положеніи разныхъ разрядовъ класса подсусѣдковъ и отчасти дополнить съ этой стороны изложеніе г. Лазаревскаго, въ которомъ, хотя и имѣются весьма цѣнныя свѣдѣнія о происхожденіи и положеніи козацкихъ подсусѣдковъ (см. особ. с. 471, 473, 83), но главное вниманіе обращено на подсусѣдковъ владѣльческихъ. Полнаго разъясненія истори-

1) Рукоп. Нѣж. сл., Документы, л. 54—об.
2) Тамже, л. 57—об.
3) Тамже, л. 22—об.
4) Архивъ Черн. Каз. Пал., док. монаст., № 1616/1759. а.
5) Тамже, № 1616/641.
6) Харьк. Ист. Архивъ, Д. М. К., Черн. отд., № 123.

ческихъ судебъ этого оригинальнаго класса возможно ожидать лишь отъ спеціальнаго изслѣдованія, но задача послѣдняго во всякомъ случаѣ значительно облегчается благодаря собранному въ книгѣ г. Лазаревскаго матеріалу.

Обращаюсь къ послѣдней сословной группѣ гетманской Малороссіи — собственно крестьянству или посполитымъ. Для ихъ исторіи мы опять имѣемъ въ книгѣ г. Лазаревскаго богатый и важный матеріалъ, освѣщающій многія стороны жизни этого класса. Въ предыдущемъ изложеніи уже приходилось говорить о сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣніяхъ относительно пополненія этой сословной группы путемъ перехода въ нее значительной части козачества, равно какъ упоминалъ я и объ даваемомъ авторомъ изображеніи перехода посполитыхъ въ подсусѣдки. Въ рядѣ эпизодовъ обрисовываетъ г. Лазаревскій и другую сторону этого процесса, отмѣчая отсутствіе рѣзкихъ сословныхъ граней между козаками и посполитыми въ XVII в., когда переходъ изъ послѣдней группы въ первую не встрѣчалъ никакихъ серьезныхъ затрудненій и совершался вполнѣ свободно (с. 99, 392—3), и указывая постепенное стѣсненіе этого перехода въ XVIII в. Уже для времени Скоропадскаго авторъ представляетъ яркіе примѣры явной несправедливости высшей администраціи, и въ томъ числѣ самого гетмана, въ примѣненіи усвоенныхъ въ эту пору правилъ разграниченія козаковъ и посполитыхъ (см. особ. дѣло Дан. Забѣлы и гетманское рѣшеніе его, с. 403—9). Помимо дѣйствій собственно администраціи въ этомъ вопросѣ, авторъ изображаетъ и тѣ насилія, какія пускали въ ходъ сами державцы для удержанія посполитыхъ отъ перехода въ козачество и отъ какихъ не воздерживало ихъ наблюденіе Вельяминовской коллегіи, остававшееся больше на бумагѣ (с. 476). Размѣры посполитскаго населенія, отношеніе его къ другимъ сословнымъ группамъ и распредѣленіе между отдѣльными владѣльцами выясняются изъ представленныхъ авторомъ цифръ его по отдѣльнымъ поселеніямъ. Авторъ даетъ и болѣе подробныя указанія на составъ крестьянскаго населенія отдѣльныхъ имѣній, заимствуя данныя для такихъ указаній изъ описей Конотопской сотни 1711 г. и Батуринской волости 1726 г. Особенно богаты въ этомъ случаѣ свѣдѣнія послѣдней, дающія понятіе о тѣхъ разрядахъ, на которые распадались посполитые въ маетностяхъ: различныхъ мастеровыхъ, посполитыхъ тяглыхъ пахатныхъ, лёзныхъ. Можно только пожалѣть, что авторъ нѣсколько поскупился на сообщеніе свѣдѣній объ экономической сторонѣ жизни посполитыхъ. Въ той же описи Батуринской волости содержатся, напримѣръ, точныя свѣдѣнія о количествѣ рабочаго скота (воловъ и лошадей) во всякомъ посполитскомъ дворѣ и эти свѣдѣнія были бы далеко не лишними въ книгѣ г. Лазаревскаго, особенно если принять въ разсчетъ, какъ мало до сихъ поръ имѣется въ

литературѣ матеріала подобнаго рода. Подробно представлены за то въ трудѣ автора отношенія посполитыхъ къ владѣльцамъ. Въ рядѣ характерныхъ эпизодовъ, подобранныхъ авторомъ изъ бывшаго въ его распоряженіи матеріала, отчетливо выясняется безправное положеніе посполитаго передъ владѣльцемъ, создававшееся не законами, а помимо дѣйствующихъ законовъ, и иногда даже вопреки имъ, въ силу того общаго строя жизни, который доставилъ владѣльческому классу въ Малороссіи рѣшительный перевѣсъ надъ другими группами населенія. Это безправное положеніе сказывалось въ беззащитности посполитыхъ отъ насилій со стороны владѣльца, имѣвшихъ своею цѣлью эксплуатацію имущества и труда ихъ. О такихъ насиліяхъ, поскольку они направлялись на лишеніе посполитаго его земли, рѣчь была уже выше, и здѣсь я отмѣчу только любопытные факты, сообщаемые авторомъ относительно державческаго суда и его злоупотребленій (с. 277—9, 398—400). Не менѣе важенъ матеріалъ, даваемый авторомъ для изображенія другой стороны отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ, именно тѣхъ повинностей, которыя они несли на послѣднихъ. Г. Лазаревскій приводитъ здѣсь гетманскіе универсалы конца XVII вѣка, опредѣляющіе повинности посполитыхъ главнымъ образомъ возкой дровъ, кошеніемъ сѣна и уплатой «осыпа» владѣльцу (с. 95), извѣстія о спорахъ владѣльцевъ и посполитыхъ изъ-за повинностей въ началѣ XVIII столѣтія и о нормировкѣ повинностей гетманской властью, устанавливавшей въ это время обычную панщину въ видѣ двухъ дней работы въ недѣлю (с. 119), жалобы крестьянъ на чрезмѣрные платежи и работы, требуемые отъ нихъ владѣльцами (с. 413—14). Опись Батуринской волости доставила возможность автору опредѣлить повинности цѣлаго ряда селъ для времени Мазепы, Скоропадскаго и въ 1726 г., а опись Ямполя, составленная въ 1728 г., позволила ему описать доходы, доставлявшіеся ранѣе этимъ мѣстечкомъ Меншикову[1]).

Цѣнный матеріалъ, собранный здѣсь авторомъ, относится такимъ образомъ по преимуществу къ концу XVII и началу XVIII столѣтій. Въ дополненіе къ нему я позволю себѣ представить нѣсколько аналогичныхъ данныхъ о крестьянскихъ повинностяхъ и платежахъ, относящихся большею частью ко второй половинѣ XVIII столѣтія. Прежде всего сообщу однако болѣе раннія свѣдѣнія для м. Ямполя, именно за время владѣнія имъ Меншикова. Помимо той описи г. Ямполя, которою пользовался г. Лазаревскій, въ бывшемъ архивѣ ген. войск. канцеляріи сохранилась еще одна, составленная въ 1750 г., и она значительно дополняетъ

1) Въ виду того, что ссылка автора на старый № архива ген. канцеляріи не имѣетъ значенія при перемѣнѣ №№ дѣлъ въ Харьк. Ист. Архивѣ, возстановлю нынѣшній № этого важнаго документа: Х. И. А., Д. М. К., Черн. отд., № 5618.

первую. Въ моментъ составленія этой описи въ г. Японолѣ числилось 296 «подданическихъ дворовъ мѣщанскихъ» и въ нихъ 368 жилыхъ хатъ; пустыхъ плецовъ было — 190; вмѣстѣ же съ сс. Усокомъ, Грамячкой, Орловкой, Рудней, Бѣлицей, Шалимовкой, Порохонью, Стягайловкой, Улицей и д. Руденкой — 630 дв., 791 жил. хатъ и 265 пустыхъ плецовъ. По показанію жителей, они платили со времени владѣнія Японолемъ Меншикова и по 1748 г. ежегодно 898 р. 39 к. Кромѣ того съ нихъ взимались слѣдующіе сборы, также установленные Меншиковымъ: съ винокурныхъ казановъ показанщины по 1 р. 20 к., да затульщины по 20 к. съ казана; съ вина, продаваемаго подданными малороссійскимъ обывателямъ, скатнаго по 10 к. съ куфы, а съ продаваемаго въ Великороссію, Донскимъ козакамъ и въ Слободскіе полки покуховнаго по 1 р. 50 к. съ куфы; на Георгіевской и Покровской ярмаркахъ въ Японолѣ съ пріѣзжающихъ купцовъ берется по 6 к. съ воза, а съ лавочниковъ по 10 и по 15 к. съ лавки, отъ воза рыбы и соли по 10 к., «а отъ мелочи по торговому»; съ пріѣзжающихъ на ярмарки шинкарей берется съ ведра вышинкованнаго вина по 15 к. «Съ имѣющихся чрезъ весь годъ въ каждой недѣлѣ двохъ торговъ, въ понедѣльникъ и въ пятницу, сбирается по малороссійскому обыкновенію торговое, съ продажного хлѣба поковшевое, со всякаго воза по ковшу, а съ деревянной посуды съ куфы по 2, а отъ соли и отъ рыбы по 3 к., а съ прочей посуды жъ, также съ саней, телѣгъ, колесъ, брусовъ и съ прочихъ всякихъ продажныхъ дробязговъ десятое или въ запечатанный ящикъ деньгами по разсмотрѣнію. Съ продажного дегтю, съ вышинкованного по 20 к. съ куфы, а отъ возовъ по 6 к. Съ вѣнчающихся свадебъ куничныхъ, которые берутъ у подданыхъ же, съ таковыхъ берется по 40 к., а которые посторонніе берутъ у подданныхъ, съ таковыхъ по 1 р. Съ продажи грунтовъ и лошадей берется пошлины по 5 к. съ рубля, да отъ каждой лошади съ шерсти по 5 к. Съ бровара за проваръ котла берется отъ вары пива по 33 к., отъ ставки меду по 22 к., а нынѣ оного броварского котла не имѣется, а возятъ въ Самборъ. Съ Японолской важницы съ вѣсовыхъ товаровъ берется по 1 к. отъ пуда. Съ дегтярныхъ майдановъ берется по 1 р. 50 к. за лѣто». Въ 1748 г. окладной платежъ, названный выше, былъ отмѣненъименнымъ указомъ имп. Елизаветы и по 1750 г. собирались только перечисленные мелкіе сборы[1]).

Въ этомъ случаѣ мы имѣли дѣло съ описнымъ имѣніемъ, находившимся нѣкогда во власти великорусскаго владѣльца. Слѣдующій примѣръ относится почти къ тому же самому времени, но касается имѣній ранговыхъ. Въ 1751 г. посполитые м. Шаповаловки и с. Николаевки, принадлежав-

---

1) Харьк. Ист. Арх., Д. М. К., Черн. отд., № 3516.

шихъ на рангъ Глуховскихъ комендантовъ, подали жалобу на владѣльца своего, коменданта Делятура, гетману Разумовскому. «Прежнихъ гетмановъ унѣверсалами, писали они, велѣно комендантамъ взимать съ насъ поежегодно ржи 40 четвертей, овса 50 ч., ячменю 15 ч., крупъ и пшона 4 ч., барановъ 12, гусей 12, утятъ 12, курей 100, яецъ сколко можно достать къ празнику Воскресенскому и денегъ рублей 30 со всѣхъ подданныхъ, да на ранговомъ степку сѣна вкосить и упратать 30 стожковъ по 7 возъ» и хотя оставалось еще ранговаго степа, но онъ косился уже солдатами Глуховскаго гарнизоннаго полка для государевыхъ лошадей. Делятуръ же заставилъ посполитыхъ косить и пахать весь этотъ степъ на него, принуждая ихъ по два и по три человѣка съ хаты «въ самое рабочое время днемъ и ночью косить» и за то снимая съ этой земли по 150 скирдъ сѣна и по 1000 копъ хлѣба; равнымъ образомъ поля ушедшихъ посполитыхъ онъ заставилъ убрать оставшихся и собралъ до 600 копъ хлѣба. Женъ посполитыхъ комендантъ принудилъ убирать, мочить и чистить ленъ и коноплю и раздавалъ имъ на пряжу ленъ и снятую съ овецъ шерсть, равно какъ отдавалъ имъ «товкти просо, овесъ и гречку, а до мѣри якъ не станетъ, велитъ досипать своимъ собственнимъ.» «Въ дворцѣ его коменданта Шаповаловскомъ, писали еще жалобщики, содержачогось прикажчика, писаря и при нихъ сколко есть людей, всѣхъ кормимъ непрестанно, даемо хлѣбъ, соль, пшоно, сало и всякого скоромного дня курицу, да на каждую ночь на свѣчку денежку, и изъ нашихъ лѣсовъ дровами въономъ дворцѣ отопляютъ, а два человѣка на сторожѣ всегда стоятъ въ томъ дворцѣ.» Делятуръ повысилъ норму осыпа и беретъ 68 ч. ржи, 28 ч. ячменю, 105 ч. овса, $3^1/_2$ ч. пшена, 30 барановъ, 60 гусей, 90 утокъ, «курей и яецъ безчисленно», денегъ 30 р. Онъ посылаетъ ранговыхъ посполитыхъ въ свой домъ въ м. Борзну каждый день по 15 и 20 человѣкъ на всякія работы, отправляетъ дважды въ годъ въ Крымъ человѣка по три за солью и виномъ, и въ Москву «въ купечество» человѣкъ двадцать съ хлѣбомъ. «А особливо, продолжаетъ жалоба, работаемъ на купленнихъ его коменданта поляхъ, оремо, жнемо, косимъ и возимъ своимъ скотомъ и молотимъ за своими харчми, которого купленнаго поля въ разнихъ мѣстахъ будетъ до 500 дней, якими излишними податями и безмѣрними непрестанними работизнами ми нижайшіе вовся разорились и пришли въ самую крайнѣйшую нищету». Посполитые просили поэтому или въ «податяхъ и работизнахъ учинить милостивое разсмотрѣніе и опредѣленіе по прежнему или повелѣть намъ дать коменданту то число денегъ, въ якое до жалованния ему ми отдани.» Гетманъ предложилъ Делятуру «отнюдь не отягощать» подданныхъ, но владѣть «во всемъ противъ того, какъ прежніе коменданти ними владѣли» [1]).

1) Харьк. Ист. Архивъ, Д. М. К., Черн. отд., № 24.399.

Въ дѣйствіяхъ Делятура можно видѣть яркій примѣръ того, какъ далеко заходилъ иногда произволъ владѣльца даже въ ранговыхъ имѣніяхъ, но въ работахъ, возлагавшихся имъ на Шаповаловскихъ и Николаевскихъ посполитыхъ, нельзя, конечно, усмотрѣть средняго размѣра крестьянскихъ повинностей данной эпохи. Для опредѣленія такого размѣра у насъ имѣются нѣсколько болѣе позднія по времени, но и болѣе надежныя свидѣтельства. Я разумѣю именно занесенныя въ вѣдомости Румянцевской Описи свѣдѣнія о повинностяхъ посполитыхъ въ ранговыхъ, магистратскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ. Если и можно предполагать въ этихъ свѣдѣніяхъ какое-либо уклоненіе отъ истины, то, конечно, только въ видѣ уменьшенія посполитскихъ повинностей, такъ какъ вѣдомости составлялись владѣльцами имѣній и ихъ довѣренными лицами. Но посмотримъ раньше, какого рода факты обнаруживаютъ эти свидѣтельства. Начнемъ съ монастырскихъ имѣній. Въ многолюдномъ с. Лосиновкѣ, принадлежавшемъ Омбишскому монастырю, посполитые, по свидѣтельству вѣдомости, «владѣлцу работаютъ въ тижнѣ зимою одинъ, а лѣтомъ два днѣ». Въ с. Ковчинѣ, которымъ владѣлъ Кіево-Софійскій каѳедральный монастырь, посполитые отправляли двухдневную барщину[1]). Для села Авдѣевки, находившагося во владѣніи Черниговскаго Елецкаго монастыря, въ вѣдомость занесено не вполнѣ ясное показаніе: «владѣлцу работаютъ въ неделѣ по два человѣка каждодень»[2]). Повидимому, это надо понять такъ, что два работника брались со всего села, хотя такое же опредѣленіе повторяется въ вѣдомости при каждомъ отдѣльномъ дворѣ. Если такое пониманіе вѣрно, то тогда панщина равнялась бы здѣсь 3 днямъ въ мѣсяцъ, такъ какъ село состояло изъ 16 дв. и 4 бездв. хатъ. Но этотъ размѣръ панщины слишкомъ низокъ для даннаго времени, чтобы можно было принять его съ довѣріемъ. Изъ имѣній Максаковскаго монастыря въ сс. Красномъ-Ставѣ, Ядутахъ, Прачахъ, Адамовкѣ, Холмахъ и Сидоровкѣ посполитые работали по 2 недѣли въ мѣсяцъ, въ с. Высокомъ — по недѣлѣ въ мѣсяцъ[3]). Изъ ранговыхъ имѣній въ с. Кропивной, принадлежавшей ранговымъ писарямъ, посполитые несли двухдневную барщину[4]). Въ м. Борзнѣ, составлявшемъ ранговое владѣніе ген. об. Сем. Кочубея, часть посполитыхъ сидѣла на чиншѣ, а остальные работали панщину по 3 дня въ недѣлю; чиншевики платили чиншъ въ размѣрѣ 1 р., 1 р. 50 к. и 3 р., а всего съ нихъ собиралъ Кочубей 85 р. Въ с. Красиловкѣ — ранговой маетности ген. судьи Дублянскаго, было 8 дворовъ посполитыхъ, которые

1) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 40.
2) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 50.
3) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 42.
4) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 40.

всѣ сидѣли на чиншѣ, уплачивая его въ размѣрѣ отъ 1 р. 50 к. до 3 р. въ годъ [1]). Въ с. Занькахъ, находившемся въ ранговомъ владѣнiи полковника Разумовскаго, панщина равнялась одной недѣлѣ въ мѣсяцъ [2]). Въ другой ранговой маетности полковника, м. Веркiевкѣ, съ жителей собирался денежный окладъ въ 96 р. и, кромѣ того, съ каждаго двора по одному человѣку постоянно находилось на работѣ полковника. Такая же работа требовалась отъ посполитыхъ третьяго ранговаго имѣнiя полковника — с. Берестовца, съ жителей котораго взимались также и денежные поборы въ суммѣ 8 р. 80 к.; кромѣ того 2 двора не несли панщины, а платили «оброку» 10 р. Съ с. Вел. Кошелевки, находившейся во владѣнiи малороссiйскаго скарба, взимался окладъ въ 37 р. 99 к., расположенный между отдѣльными дворами въ размѣрѣ отъ 10 к. до 2 р., и сверхъ того съ каждой хаты требовался работникъ на 3 дня въ недѣлю. Трехдневная панщина существовала и въ ранговой маетности полк. хор. Клецунова — с. Ильинцахъ [3]). Въ с. Куликовкѣ ранговые посполитые полк. судьи Кулаковскаго сидѣли на чиншѣ, взимавшемся съ нихъ въ размѣрахъ $1\frac{1}{2}$—8 р. въ годъ; панщина существовала лишь для 4 дворовъ изъ 6-ти и то въ количествѣ одного мѣсяца работы въ году [4]). Въ с. Стрѣлникахъ, находившемся въ ранговомъ владѣнiи писаря ген. суда Вас. Высоцкаго, посполитые, по словамъ вѣдомости «владѣлцу не платять денгами, кромѣ работи ежедневной». Въ сс. Николаевкѣ и Носилевкѣ, принадлежавшихъ Глуховскому комендапту Делятуру, владѣльцу уплачивался оброкъ натурой, а въ первомъ изъ нихъ и деньгами въ количествѣ 7 р. 22 к. и, кромѣ того, посполитые работали Делятуру въ три недѣли одну, т. е., иначе говоря, ихъ повинности, помимо оброка, сводились къ двухдневной барщинѣ [5]). Что касается наконецъ магистратскихъ селъ, то относительно ихъ вѣдомости лишь говорятъ, что здѣсь посполитые отбываютъ «при магистратѣ указныя подводы и употребляются въ другiя гражданскiя употребленiя» [6]). Во всякомъ случаѣ и изъ приведенныхъ уже фактовъ можно видѣть, что въ 1767—68 гг. въ Нѣжинскомъ полку представлялась уже довольно сильно распространенной трехдневная панщина, о которой въ началѣ XVIII вѣка еще нѣтъ упоминанiя. Между тѣмъ можно не безъ основанiя предположить, что въ имѣнiяхъ частновладѣльческихъ повинности были выше, нежели въ ранговыхъ.

---

1) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 42.
2) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 49.
3) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 44.
4) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 50.
5) Рум. Опись въ б-кѣ Ак. Н., т. 52.
6) Рум. Оп. въ б-кѣ Ак. Н., тт. 50 и 49.

Въ трудѣ А. М. Лазаревскаго представлена наконецъ и еще одна, весьма важная и чрезвычайно мало изученная до сихъ поръ сторона исторіи малорусскихъ посполитыхъ. Авторъ останавливается именно на томъ протестѣ, какой проявляла иногда народная масса противъ надвигавшагося на нее новаго крѣпостнаго права, указываетъ моменты, когда такой протестъ могъ особенно сильно разгораться благодаря тѣмъ или инымъ благопріятнымъ для него условіямъ, и намѣчаетъ такіе моменты въ 1708—9 гг. и въ 1722—24 гг., когда измѣна Мазепы и учрежденіе Вельяминовской Коллегіи оживили надежды крестьянства на избавленіе отъ старшины. Онъ сообщаетъ и рядъ свѣдѣній по исторіи отдѣльныхъ волненій крестьянства — въ с. Маковѣ въ 1709 г., въ имѣніяхъ Петропавловскаго монастыря въ 1709 и 1724 гг., въ с. Митченкахъ въ 1728—29 гг., указывая вмѣстѣ и мѣры, какія приняты были администраціей для подавленія этихъ волненій (470—473, 357, 279). Къ сообщеннымъ авторомъ фактамъ можно прибавить и еще нѣсколько подобныхъ. Такъ, въ 1709 г. вдова охочекомоннаго полковника Пашковская получила отъ Скоропадскаго с. Тростянку, а уже въ слѣдующемъ году гетманъ по жалобѣ ея на неповиновеніе крестьянъ этого села долженъ былъ возобновлять свое приказаніе имъ о «послушенствѣ» Пашковской [1]). Такъ въ 1722 г. вдова артилл. ас. Карпѣки Ульяна жаловалась Полуботку, что ея подданные, жители с. Пустогорода, «не тилко не хотять жадного послушенства отдавати, але и старости ей мало до смерти не убили». Пустогородскіе посполитые въ свою очередь жаловались на Карпѣчину за ея притѣсненія, и Полуботокъ по соглашенію съ Вельяминовымъ назначилъ слѣдствіе по этому дѣлу, которое было прервано заявленіемъ пустогородцевъ, что они не хотятъ быть въ подданствѣ, а хотятъ жить, какъ ихъ дѣды и отцы, подъ ратушей. Слѣдователь заподозрилъ въ этомъ заявленіи наущеніе Глуховскаго бурмистра и Полуботокъ обратился къ Вельяминову съ просьбой о наказаніи послѣдняго. Чѣмъ кончилось это любопытное дѣло, мнѣ однако неизвѣстно [2]). Въ 1730 г. Ив. Булавкинъ обратился съ жалобой къ гетману, что крестьяне его села Буды, записавшіеся было въ козаки и возвращенные въ ряды посполитыхъ послѣдовавшимъ послѣ розыска указомъ гет. Апостола, не слушаются этого указа и находятъ себѣ защиту у сотника Дѣвицкаго Як. Селецкаго. По этой жалобѣ было отправлено изъ ген. войск. канцеляріи Нѣжинскому полковнику приказаніе — «смирить» непослушныхъ посполитыхъ Булавкина и запретить Селецкому защищать ихъ [3]). Въ 1749 г. ассессоръ Министерской канцеляріи Як. Денисовъ жаловался

1) Рукопись Нѣжин. сл., Документы, л. 185.

2) Харьк. Ист. Арх., Д. М. К., Черн. отд., № 9504.

3) Тамже, № 8.813.

въ ген. войск. канцелярію, что его ранговые подданные въ с. Есмани «чинятся ослушны и прикащика и войта не слушаютъ и какъ войтъ станетъ имъ загадовать на работу, то оные бранятъ и похваляются бить до смерти», когда же прибылъ усмирять ихъ нарочный изъ Глуховской ратуши, то «пущіе ослушники и противники, собрався, его было прибили и сказали, что слушать не будутъ.» Генеральная канцелярія распорядилась послать въ Есмань 10 компанейцевъ для ареста зачинщиковъ ослушанія[1]). Черезъ два года подобная же жалоба поступила въ генер. канцелярію отъ Глуховскаго сотника Туранскаго. Онъ заявлялъ именно, что его ранговые подданные сс. Есмани и Собичева «по своему свирипству и жестокосердію не слушаются и подданической повинности отбувать не хотятъ и посылаемыхъ нарочныхъ моихъ людей бьютъ и войта похваляются прибить и когда приказуетъ имъ дровъ привезти или сѣна, всегда бранятъ и изъ дворовъ своихъ выгоняютъ, и чрезъ то свое свирипство и ослушность мнѣ приключили крайнюю обиду, ибо въ нынѣшное зимное время дровъ, сѣна и протчихъ потребностей къ дому моему привезть некому». Генеральная канцелярія распорядилась послать въ Есмань и Собячевъ нарочнаго компанейца, который долженъ былъ, взявъ на помощь мѣстныхъ козаковъ, арестовать и привезти въ Глуховъ тѣхъ ослушниковъ, на которыхъ укажутъ войты этихъ селъ[2]). Въ 1767 г. войск. тов. П. Забѣла доносилъ въ Малороссійскую Коллегію, что когда онъ 23 апрѣля этого года пріѣхалъ въ с. Землянку и послалъ за своими подданными «о явки ихъ къ нему къ отбуванію подлежащой повинности, то они не токмо ослушными явились, но еще, напавъ па его съ кіями на дорогѣ, гвалтомъ отняли лошади . . . и притомъ бранили его и хотѣли въ смерть убить, что бы и послѣдовало, еслибъ онъ не убѣжалъ пѣшъ». Коллегія распорядилась послать на мѣсто происшествія сотниковъ надворной компанейской хоругви Добренка и Ярошевича, приказавъ, если жалоба Забѣлы окажется справедливой, подданныхъ его «публично наказать кіями» и обязать къ повиновенію владѣльцу, а если въ дѣло замѣшаны и козаки, отослать ихъ въ сотенное Глуховское правленіе. Замѣшанными дѣйствительно оказались Землянскіе козаки Як. и Гр. Чубуны и Он. Коваль и Коллегія предписала сотенному правленію наказать ихъ и обязать подпиской «впредь отъ таковыхъ поступокъ воздерживатися». Въ чемъ заключалась причина этого нападенія на Забѣлу, въ дѣлѣ однако не объяснено[3]). Полк. хор. П. Клецуновъ въ 1771 г. жаловался въ Малороссійскую Коллегію, что ранговые его посполитые с. Ильинецъ не слушаются его и уже десять лѣтъ не платятъ ему положеннаго на нихъ оклада. Черезъ четыре

1) Тамже, № 14.406.
2) Тамже, № 14.696.
3) Тамже, № 17.753.

года онъ возобновилъ жалобу на уклоненіе названныхъ его подданныхъ отъ повинностей и ослушаніе, и Коллегія постановила послать приказъ Нѣжинскому гродскому суду, чтобы «мужиковъ пристойнимъ образомъ къ должному владѣлцу ихъ послушанію привернено непремѣнно»[1]). Такимъ образомъ отдѣльныя вспышки крестьянскихъ волненій не прекращались на территоріи Нѣжинскаго полка въ продолженіе всего почти XVIII столѣтія, хотя ближайшія причины этихъ вспышекъ не всегда могутъ быть замѣчены въ нашемъ матеріалѣ.

Возвращаясь къ книгѣ А. М. Лазаревскаго, можно сказать, что авторъ далъ въ ней богатый матеріалъ для исторіи крестьянства гетманской Малороссіи, такъ какъ явленія, характеризованныя и описанныя имъ въ жизни этого класса на территоріи Нѣжинскаго полка, въ томъ же самомъ или немного лишь измѣненномъ видѣ повторялись и въ другихъ частяхъ страны. Въ этомъ смыслѣ и вообще отдѣлъ книги, посвященный исторіи сословій, въ которомъ авторъ съумѣлъ уловить и ярко характеризовать многіе наиболѣе типичные и важные моменты развитія сословныхъ отношеній въ гетманщинѣ, имѣетъ весьма серьезное значеніе и является цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу.

Заключеніе. Позволю себѣ подвести теперь въ немногихъ словахъ итоги своего разбора. Работа г. Лазаревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. По нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ малорусской исторіи въ книгѣ г. Лазаревскаго даны широкія и прочно обставленныя обобщенія, по многимъ другимъ — въ ней заключается большое количество въ высшей степени мѣткихъ и цѣнныхъ спеціальныхъ указаній. При этомъ исторія управленія и исторія высшихъ сословій лѣвобережной Малороссіи, составлявшихъ въ ней владѣльческій классъ, являются самыми блестящими, наиболѣе обработанными и наибольшимъ количествомъ фактовъ представленными отдѣлами книги г. Лазаревскаго, но и для другихъ затронутыхъ имъ темъ онъ собралъ въ своемъ трудѣ массу цѣнныхъ свѣдѣній. При той широкой постановкѣ, какую придалъ авторъ своей работѣ, вполнѣ естественной является сравнительная неполнота нѣкоторыхъ отдѣловъ. Въ значительной степени такая неполнота объясняется неразработанностью спеціаль-

---

1) Также, №№ 24.476 и 14.286.

ной литературы и хаотическимъ состояніемъ источниковъ и во всякомъ случаѣ врядъ ли она можетъ быть обращена въ тяжелый упрекъ автору.

Мнѣ приходилось, далѣе, отмѣчать при разборѣ труда А. М. Лазаревскаго и нѣкоторыя его слабыя стороны. Главной изъ нихъ я считаю недостаточное пользованіе автора генеральнымъ слѣдствіемъ о маетностяхъ, не позволившее автору описать формы держанія имѣній въ гетманской Малороссіи и нхъ исторію съ тою точностью и обстоятельностью, какія были бы въ данномъ случаѣ желательны. Но, отмѣчая эту сторону въ работѣ автора, я долженъ оговориться, что въ данномъ вопросѣ остаются еще нѣкоторые не вполнѣ разъясненные пункты, мнѣнія своего по поводу которыхъ я не могу выдавать за безспорное, пока оно въ свою очередь не подвергнется обсужденію.

Во всякомъ случаѣ недостатки книги блѣднѣютъ передъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣковъ, и критику остается только пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ, долженствующій сильно подвинуть впередъ дѣло изслѣдованія пока еще во многихъ отношеніяхъ темной внутренней исторіи гетманщины. Въ виду этихъ крупныхъ достоинствъ своихъ книга А. М. Лазаревскаго можетъ быть признана вполнѣ заслуживающей преміи графа Уварова.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

а) Договоръ жителей села Чарторіи съ Лазаремъ Матвѣевичемъ[1]).

Ми нижей подписанные старшина и всѣ жителѣ села Чарторіи вѣдомо чинимъ симъ нашимъ добровольнымъ писаниемъ, ижъ учинилисмо вѣчное постановлене з Лазаремъ Матвѣевичомъ, обивателемъ Воронежскимъ, в займаню пущи по над его власными ставами, позволяючи оному тотъ кутъ уз дорогу до Воронѣжа черезъ гуту лежачую, почавши от дехтярнѣ аж до гути, закопати и в ономъ окопѣ неповинны анѣ ми сами, ни дѣти наши жадной найменшой шкоди и пустошения оного займища под зарукою на старшину войсковую талярей ста, а що тежъ без вѣдома нашего закопалъ

---

1) Х. И. А. Д. М. К. Черниг. отд. № 14.529. Изъ этого же дѣла и слѣдующіе два документа.

билъ Лазаръ и к полю Собичевскому, теди в томъ закопѣ волно будетъ, поки станетъ потребной пущи по Собичевскую дорогу, якъ жителемъ Чарторийскимъ, такъ и ему пану Лазару рубати и жадной трудности и турбаціи не задавати единъ другому, тутъ же и тее докладаемъ, жеби нѣхто въ томъ закопѣ не важился закуповати, аби тамъ не било якъ намъ жителемъ Чарторийскимъ, такъ и пану Лазару жадной наименшой перешкоди, под зарукою вишенаписанной сумми. Писано сие постановлене при честному гп҃дну отцу Костантию, священнику Чарторийскому, и при Дмитру Сѣрому и при Семену Саченку и при Юску Осѣчку, козаку курѣня Чарторийского, и при мужахъ того ж села, яко то при Тарасу Збаразскому и при Якиму Кравцу, при Лаврѣну Бурому и при иншихъ на тотъ часъ не мало будучихъ, дѣялося въ селѣ Чарторіи 1691 году м҃ця августа 8 дня.

На тотъ часъ будучи Семенъ Гришковъ Раковѣченко атаманъ Чарторийскій и Леско Попченко войтъ. Тутъ же и притомныи будучи до сего постановленного добровольного запису Костантѣй Ѳедоровичъ, попъ Чарторийскій, руку свою подписую.

б) Универсалъ г-на Апостола 15 декабря 1729 года.

Его I. В-ва войска З-го обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

Вамъ, пану Лазаревичу, симъ нашимъ откритимъ обявляемъ листомъ, ижъ села Чарторіи атаманъ Иванъ Малченко со всѣмъ товариствомъ да войтъ Максимъ Мазенко со всѣмъ посполствомъ подали намъ суплѣку, в которой виразили, что в прошломъ 1691 году отецъ в҃мтинъ зъ ими, села Чарторіи такъ козаками, яко и посполитыми, о спорные грунта имѣючи заводъ и не дождая судового рѣшения, помирился полюбовне и в мировомъ писмѣ (с которого копию при суплѣцѣ своей намъ презентовали) положили границю, чтобъ уз дорогу до Воронѣжа чрезъ гуту лежачую, почавши отъ дегтярнѣ, аж до гути владѣть ему, а от села Чарторіи под Собичовъ село имѣючимися ґрунтами такъ ему, яко і имъ суплѣкуючимъ владѣть сполне, по якому мировому писму тими ґрунтами владѣли они от того 1691 по сей 1729 годъ спокойно без всякого спору, а нн҃ѣ в҃мть не тилко отдаляешь ихъ от собственной удѣломъ доставшойся пущи, лечъ и грабежи многие позабиралесь, въ якой своей обидѣ суплѣкуючие атаманъ с товариствомъ и войтъ с посполствомъ просили нашего разсмотрения і з в҃мти справедливости, прето (если такъ есть, якъ суплѣкуючие показали) предлагаемъ в҃мти, абись во владѣніи удѣленныхъ ґрунтовъ жадного в҃м имъ не показовалъ препятия и перепоны и грабежи, которые самоволно позабиралъ, возвратилъ и во всемъ ихъ укоптентовалъ без болшой тур-

баціи, а еслиби не мѣлъ з ними погодитися, то мѣсшъ прийдучого м҃ця генваря на 13 число становится в Глуховъ въ судъ войсковый енералный под неопустными правными винами, приказуемъ. З Глухова, декаврия 15 року 1729.

Звишъменованный гетманъ рукой власной.

в) Судебный приговоръ по дѣлу чарторійцевъ и Лазаревича.

Року 1730 марта 19 дня вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писанiемъ, ижъ суплѣковали до ясневелможного его м҃лти п҃на гетмана атаманъ с товариствомъ Чарторийскій и войтъ с посполствомъ на Стеѳана Лазаревича, товариша бунчукового, о общей пущѣ ихъ близь села Чарторіи лежачой, на которую з покойнымъ еще дѣдомъ его Лазаремъ Матвѣечемъ (sic) в 1691 году августа 8 дня учинили были вѣчное постановлене з такимъ обовязателствомъ, что по над его Лазара власными грунтами и ставами кутъ уз дорогу до Воронѣжа черезъ гуту лежачую, начавъ от дягтярнѣ, аж до гути закопати і вѣчне владѣти ему (чтобы имъ в общой пущѣ не чинилъ перешкоды) суплѣкуючие позволили и в оной кутъ нѣ самимъ имъ, нѣ дѣтямъ ихъ и потомкамъ не интересоватись писменно обваровали под зарукою за неустойку, куда надлежитъ, ста талярей д҃нгъ, а якую пущу безъ вѣдома ихъ закопалъ былъ покойный Лазаръ себѣ общую, уз поле Собичевское лежачую, тую по несоізволенiю села реченного обивателей Чарторийскихъ паки онъ Лазаръ имъ возвратилъ, по якому уступленю за согласиемъ всей громади междуусобное писмо за подписанiемъ рукъ честного отца Константия, священника Чарторийского, Семена Раковиченка, атамана тамошнего, и протчіихъ того села обивателей вмѣсто декрету сочинили оны и покойному Лазару отдали, якое у его внука Стеѳана Лазаревича і н҃нѣ імѣется, и дабы якъ ему покойному Лазару да и по немъ дѣтямъ и потомкамъ его, такъ імъ Чарторийцямъ от рода в родъ толко в мененную пущу въежжать и дерево на всякую потребу рубать невозбранно было, установили, а рощищать поля или удѣлно себѣ закопувать ему Лазару і имъ кождому особно возбранили писменно, на якомъ ихъ тогда учиненномъ контракту внукъ его Лазара Стеѳанъ Лазаревичъ не устоявши, поля многие в реченномъ общомъ ґрунтѣ себѣ порощищалъ и, отдаляючи ихъ од всей пущи, многие грабежи у многихъ селянъ Чарторийскихъ позабиралъ, по якому ихъ челобиттю указомъ ясневелможного п҃на гетмана былъ чиненъ розыскъ между Чарторийцями и Лазаревичемъ о той общой пущѣ Прадиономъ Павловичемъ, бурмистромъ Глуховскимъ, з товарыщи его ж, в якомъ, усмотря, положено, что Лазаревичъ, презрѣвши вмѣсто декрету от громади всей дѣдови его данное писмо, многие поля до паханя в общомъ томъ ґрунтѣ не

токмо порощищалъ, але и грабителства Чарторийцямъ за рубание оросту и дровъ многие починилъ, такожде и Чарторийцѣ в томъ же общомъ ґрунтѣ немалое число гаевъ позакопували, и тотъ розискъ при доношеніи розищиковъ в войсковую енералную канцелярию з ратуша Глуховского присланъ, по которому з войсковой енералной канцеляріи полѣцено пану Василию Дорошенку, знатному товаришу бунчуковому, да пану Семену Новоковичу (sic), судіи полковому Переяславскому, тую заводную справу его пана Лазаревича с Чарторийцями разсмотрѣть, где суплѣкуючой и обжалованной сторонамъ явившимся панове судящіи по аппробаціи розыску и прежде между собою полюбовне данного ими писма усовѣтовали такъ: чтобъ онъ Лазаревичъ дѣдовскимъ толко окопомъ, по над его ставами закопаннымъ, а Чарторийцями уступленнимъ по контракту, еще в 1691 году общесочиненнымъ, владѣлъ, а в другомъ ґрунтѣ общомъ толко бы тую ниву, якую дѣдъ его розробилъ, в своемъ вѣдомствѣ імѣлъ, а протчие уже отцемъ і имъ розробленние вновь поля Чарторийцямъ в общое заживання уступил бы и грабежей за рубане хворосту и дровъ в мирскомъ томъ гаю не важился б брати и Чарторийцямъ грабежи и утрату всю подлугъ указу ясновелможного пана нагородил бы всеконечно, такожде и Чарторийцѣ, которые в томъ общомъ крунтѣ (sic) позакопували давно лѣтъ за сорокъ или за тридцать себѣ окопи, тими толко повинны владѣть, а которые вновь недавными часы позаймали, тихъ повинны в общину уступити, и яко себѣ купленные кгрунта тамъ імѣють і тими ж повинны свободно в вѣчные часы владѣти, а в общую пущу толко Чарторѣйцямъ, которые не имѣютъ законовъ тамъ, въеждати и на потребу дерево и хворостъ рубать позволяется, симъ мнѣниемъ нашимъ до звѣрхнѣйшой власти ясневелможного его м҃лти пана гетмана.

Судия полковой Переяславский Семенъ Новоковичъ (sic). Канцеляристъ Григорій Собескій.

№ 2.

Уступное писмо козаковъ с. Мутина генералу фонъ-Штофелю на берегu Сейма. 17 марта 1739 г.[1]*.*

1739 году ноября 17 дня мы ниже іменованние атаманъ со всѣмъ товариствомъ козаками, села Мутина жителями, согласно всѣ з собою поговоря, приговорили, кому о томъ впредь надлежатиметь вѣдати, чрезъ сіе объвляется, ижъ общий нашъ грунтъ с посполитими Мутинскими жителями владѣной на всякіе наши потреби за прадѣдовъ и отцовъ нашихъ, такожде насъ самихъ противъ села нашего Мутина за Сеймомъ при берегахъ нашихъ

---

1) Архивъ Черн. Каз. Пал., док. мон., № 1616/969.

мирскихъ Сеймовихъ лежащий, котораий грунтъ минувшими годами Глуховского Петропавловского монастира игуменъ Гржибовский з братиею к своему купленному у жителки Мутинской Іваннхи Косоланихи грунту, насилно у насъ отнявши, завладѣлъ и на части при берегахъ нашихъ самоволие собою, без позволеня нашего, шинковую избу построилъ и с оной колкогодную немалую прибель имѣлъ, такожъ и протчимъ отнятимъ нашимъ грунтомъ користовался, а мы напрасную от оного игумена обѣду поносили и, чтобъ ему игумену тимъ у насъ гвалтовне отнятимъ грунтомъ владѣть вѣчне, онъ же игуменъ Никифоръ сего 1739 года на госпожу генералшу, нынѣшнаго села нашего Мутина державца высокопревосходителнаго господина генерала лейтнанта фонъ Штофеля жену, в войсковой енералной канцеляріи и в войсковомъ енералномъ судѣ былъ челомъ, и за отвѣтомъ госпожи генералъ лейтнанши опредѣленнїй для слѣдствія о томъ отнятомъ нашемъ грунтѣ капитанъ Матвѣй Ртищевъ, енералной артилеріи асаулъ Семенъ Карпѣка и войсковый канцеляристъ Павелъ Мокрѣевичъ слѣдовали и по слѣдствию и описѣ ихъ мѣрою явилось того общого нашего грунту, нимъ игуменомъ отнятого, а имено: начавъ от болота Мнявой по Косолаповъ окопъ, при окончаніи его жъ бору Косолаповаго, в смѣжности имѣющагося, в длину мирской нашей землѣ троаршинныхъ сажней сорокъ чотири, а в ширину от рѣчки Сеймица, где и хуторъ Косолаповъ проданнїй стоить, по Старанскую дорогу тоей же мѣри сѣмъдесять три сажнѣ, Старанскою дорогою в другой конецъ длини кута бору и окопу Косолапового жъ к Просткинимъ лозамъ, а от оного кута бору и окопу по той же Старанской дороги направо в длину по дорогу, идучую з села Козацкого, пятьдесять девять сажней, и по той же дорозѣ Козацкой в длину до шинковой изби, подля Хмизу устроенной, чотириста сорокъ одинъ сажень, и от шинковой изби по Козацкой же дороги до провалля Сеймового берега, где Конотопская дорога от пристанѣ лежить, нашей землѣ сто тридцять два сажнѣ, итого длини от окопу Косолапового по дорогамъ, з селъ Старой и Козацкой лежачимъ, до провалля Сеймового берега, где Конотопская дорога от пристанѣ лежитъ, нашей землѣ шестьсотъ тридцять два сажнѣ, а в поперекъ тую нашу мирскую землю от вышъ прописанного окопу и кута бору, которий от Просткинихъ лозъ по Старанскую дорогу закопанъ, розмѣреного веровкою в двадцяти мѣстахъ, в первой мѣри от Просткинихъ лозъ, якъ весняная вода поймаеть, сажней одинадцять, у третомъ (sic), где дороги Старанская и Козацкая сошлись, сажней землѣ нашей в ширину дванадцять, в четвертомъ сажней тринадцять, в пятомъ сажней дванадцять, в шестомъ сажней дванадцять же, в седмомъ и осмомъ мѣстахъ ширини землѣ нашей равно по осми сажней, в девятомъ сажней девять, в десятомъ мимо шинковую избу от Козацкой дороги по кручу к Просткинимъ лозамъ

и озеру Простки, якъ поймаетъ весняная вода, сажней землѣ тридцять шесть, в одинадцятомъ от пристанѣ, где паромъ пристаетъ к мостку, от оного мостка до Козацкой дороги двадцять два сажнѣ, в дванадцятомъ мѣстахъ, где паромъ лѣтомъ на спадъ весняной води пристаетъ к проваллю берега реки Сейму, по Копотонской дороги сѣмъдесятъ сажней, кромѣ же того розмѣру ширини нашей землѣ по розмѣру и показанію явилось, что мостокъ, до которого весняной великой води монастира Петропавловского паромъ пристаетъ, от озера монастирского Простки на мирской нашей землѣ издѣланъ за сѣмъ сажней, а шинковая того жъ монастира изба от мѣста того берега, якъ поймаетъ весняная вода, на мирской нашей землѣ построенна за шесть сажней; доброволне его высокопревосходителству гпдину генералу лейтнанту фонъ Штофелю, женѣ и наслѣдникомъ его со всѣмъ искомъ за гвалтовное владѣніе ними черцами завладѣнного черезъ колко лѣтъ с того грунту нашего и с построенного шинку на ономъ общомъ нашемъ грунтѣ полученную користь (понеже в иску оной общой нашей части грунта по челобитю помянутого игумена много ся высокопревосходителствомъ госпожею генералшею без всякаго нашего вспоможенія сумми ронено), такожъ и береги по обохъ сторонахъ реки Сейму, между которими они жъ черцы в части нашей перевозъ имѣють, вѣчними часи уступуемъ; до которого грунту нѣ ми сами, нѣ дѣти и потомки наши не повинни во вѣчное время інтересоватись, а за уступокъ того нашего грунту его высокопревосходителство господинъ генералъ фонъ Штофель имѣетъ намъ дать на Мутинскую нашу церковь, когда оная церковь от обетшаня будеть реставроватся рублей десять денегъ, да сверхъ того, если онымъ господиномъ генераломъ между берегами нашими мирскими, по обоихъ сторонахъ Сейму реки лежащими, противъ села нашего Мутина содержанъ будеть перевозъ, то намъ всѣмъ козакамъ, жителямъ села Мутина, и потомкомъ ншимъ без всякаго платежа за всякими нашими нуждами на обѣ сторонѣ Сейму безплатежно будетъ волно ездить, и в достовѣрие всего того ми всѣ ниже именами виражении, яко неграмотние, при подписании именъ нашихъ мѣсто насъ подписатся (sic). Писалъ сіе уступное писмо по прошенію атамана Мутинского Юрия Клиндуха со всѣмъ товариствомъ и вмѣсто ихъ неграмотнихъ подписался Иванъ Андрѣевъ, дякъ Мутинскій, вишеписаного году, мцѧ и дня. Дѣялось у Мутинѣ.

Атаманъ Мутинскій Юрий Клиндухъ, Василь Халимонъ, Климъ Вязень, Иванъ Нужный и все товариство.

При семъ уступномъ писмѣ былъ и подписался значковий полку Переясловского товаришъ Михайло Модилнѣцкий. (М. П.).

При семъ уступномъ писмѣ былъ и во свѣдителство подписался войсковій товаришъ Іванъ Жуковскій. (М. П.).

№ 3.

Универсалъ полковой Нѣжинской старшины 7 Марта 1723 года[1].

Ознаймуемъ сымъ нашимъ унѣверсаломъ всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежатиметь, особливе его м̃л. п̃ну Пироцкому, сотниковѣ первой полковой Нѣжинской сотнѣ, з урядомъ, ижъ превелебный г̃днъ отецъ Павелъ Усовичъ, ігуменъ Св̃то-Печерской обителѣ Омбишский, донеслъ намъ жалобливе: что над унѣверсалъ покойного ясневелможного его м̃лти п̃на Скоропадского, ему выданный, козаки тамошныи, в томъ селѣ м̃тпрскомъ свои угодія, яко то поля пахатныи и сѣнокосныи лѣсы и протчее, мѣючіи, на сторону заставляютъ и продаютъ, чрез що имъ в кгрунтахъ од посторонниxъ сябровъ чинится обида, тако-ж помянутые козаки и іхъ подсусѣдки в гаченю греблѣ Омбышской, куда самы ездятъ за своею потребою и в млынахъ тамошныхъ борошно свое мелютъ, не хотятъ чиняти жадного мужикамъ помоществованія. Над то, когда якая складка лучится, чи то на вистатчене указныхъ консистентамъ порцій и рацій или на якую иншую дабель (sic) сѣлскую, особливе в опредѣленіи квартеръ насланнымъ туда стоялцамъ или переежджимъ, отрѣкаютъ они козаки з своей сторони давати господъ для постою. Чого ради онъ отецъ ігуменъ просилъ насъ, дабысмо приказали помянутымъ козакамъ Омбышскимъ, если который свой кгрунтъ продати или заставити хочетъ, не продавати, нѣ заставляти на сторону, но мужикамъ тамошнымъ, в сосѣдствѣ живучимъ, греблю всѣ обще, всякому селянину до переезду и млыва потребную, гатили бъ и въ всякой складцѣ и налогу равномѣрно всѣ узнавали бъ участіе. Теды мы, тое его г̃пдна отца ігумена предложене проснтелное узнавши за слушное, в небытности велможного его м̃лти п̃на полковника нашого Нѣжинского, до повороту его панской велможности и волѣ забороняемъ имъ козакамъ своихъ кгрунтовъ продавати на сторону мимо сусѣдственнихъ мужиковъ Омбышскихъ, которіи без насилства по обыклой цѣнѣ, прикладомъ посторонниxъ, брати в заставу и на куплю повинны. Греблю, якъ всѣмъ Омбышанамъ потребную, селомъ гатити надлежитъ, якъ везде дѣется по городахъ и селахъ, консистентовъ и перееждчаючихъ особъ чергою всѣ без выемки вмѣщати в своихъ домахъ и складку всякую по пропорціи людской и слушному разсмотренію збирати должны для оддачи кому надлежитъ, приказуемъ. Данъ в Нѣжинѣ марта 7 дня 1723 року.

Павелъ Мінѣцкии, писаръ полковый Нѣжинский	Леонтій Шрамченко, обозний полку Нѣжинского и полковникъ наказний.

---

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/1760.

№ 4.

Универсалъ полковника Нѣжинскаго Ивана Обидовскаго 11 мая 1691 года[1]).

Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества столникъ, войска Запорозскаго полковникъ Нѣжинский Іоанъ Обѣдовский.

Вамъ пну сотниковѣ Мринскому, атаманови городовому и сѣлскимъ и всему старшому тоей сотнѣ товариству и кому о томъ вѣдати належитъ ознаймуемъ: ижъ прекладалъ намъ тое честный отецъ городничий Мринский, Варлаамъ Хомѣнскій, же многіе товариство сотнѣ вашей Мринской у подданыхъ Катедралныхъ архіепископіи Чернѣговской, жителей тамошныхъ, купуютъ сѣножати и инние кгрунта лежачие, през що убиль дѣется такъ подданымъ в кгрунтахъ, яко и Катедри архипастырской знатная кривда, же през таковые продажи тяглые люде убожати мусятъ. Забороняючи теды мы таковой куплѣ и продажи, пилно того мѣти хочемъ и сурово под значнымъ войсковымъ каранемъ приказуемъ, абы такъ товаришъ войсковый, любъ в самомъ мѣстечку Мринѣ, любъ и по селахъ сотнѣ тоей не важился у подданыхъ архіепископіи Чернѣговской, анѣ тежъ взаемне помененныи подданыи у козаковъ жадною мѣрою лежачихъ скуповати кгрунтовъ, то есть сѣножатей, гаевъ, лѣсовъ, поли и якихъ же колвекъ кгрунтовъ не важился под выною талярий ста на дворъ ншъ полковничий, чего пнъ сотникъ Мринский з атаманею и честный отецъ городничий тамошный пилно постерѣгати мѣетъ и намъ доносити, и повторе теды таковой куплѣ симъ нашимъ унѣверсаломъ заборонлемъ. Даный въ Нѣжинѣ 11 мая 1691.

Звишъ менованний полковникъ Нѣжинский рукою власною (М. П.)

№ 5.

Универсалъ гетмана Мазепы 15 мая 1697 года[2]).

Его Ц. Пр. В-ва войска З-жского гетманъ Іоаннъ Мазепа.

Пану полковникови наказному Нѣжинскому, старшинѣ полковой и всему старшому и меншому того полку товариству, и посполитимъ людемъ ознаймуемъ. Поневажъ зо всѣхъ сторонъ православія восточного исповѣданія всякии визнавцы, притѣкаючи к чудотворной Киево Печерской стой Лаври, многое ее узнаютъ ласковое прихилности, теды и мы, гетманъ, респектуючи на тое мѣстце стое, уволняемъ село Омбышъ, маетность Печерскую, од поспо-

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/2926.

2) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/1758 (b).

литихъ тяжаровъ, именно од даваня на полковыи армаши и сторожи и певныхъ уложенныхъ датковъ. Вѣдаючи прето о такой волѣ пашой, абы нихто з старшини войсковой и посполитихъ людей не важился брати тоей на армаши и трубачи полковыи повинности жадной, которая нехай з иншого мѣстца на нихъ будеть вибырана; такъ же и арендовой рати сто золотихъ толко, а не болшъ, з того села Омбыша, для убожества тамошныхъ людей, до общей складки жебы без жадной турбаціи брано: того мѣти хочемъ и реймептарско приказуемъ. Данъ з Батурина, мая 15 року 1697.

Звишъменованний гетманъ рукою власною (М. П.).

№ 6.

Универсалъ гетм. Многогрѣшнаго 11 ноября 1669 года [1]).

Демянъ Игнатовичъ гетманъ з войскомъ Его Ц. Пр. В-ва Запорозкимъ.

Паномъ сотникови Борзенскому и Шаповаловскому атаманомъ до вѣдомости доносимъ. Любо то писалося было до васъ, жебы у маетностяхъ монастирскихъ брали стацию, однакъ взглядомъ оскудности мн҃тра Максаковского з оныхъ селъ, щосте загадали были по селахъ стациѣ, одпустилисмо на прозбу его м҃л. гп҃дна отца ігумена Максаковского, абысте дали тому покуй, пилно приказуемъ, особливе тобѣ, сотнику Шаповаловскому, приказую, же якъ чую, же много кривдъ селамъ, до монастиру належачимъ, чинишъ, а такъ од сего часу, кгди ся будешъ до тыхъ селъ интересовати, теди конечне не уйдешъ срокгого караня: а то абы иначей не было. Дата (sic) в Батуринѣ, ноеврія 11 1669 г.

Демянъ Іғнатовичъ гетманъ войска его Ц. Пр. В-ва Запорозкого.

(М. П.)

№ 7.

Универсалъ гетм. Самойловича 14 мая 1673 года [2]).

Іоанъ Самойловичъ гетманъ з войскомъ Его Ц. Пр. В-ва Запорозкимъ.

Всѣмъ, кому о томъ вѣдати належитъ, ознаймуемъ симъ нашымъ писанемъ. Поневажъ обытель ст҃ая монастыря Максаковского малъ не кождого року що разъ свѣжое потребуетъ направы, о которую насъ велебный гп҃днъ отецъ ігуменъ тамошный з братиею своею часто молествуетъ (sic), теды мы, чынячы досить ихъ жаданю, а барзѣй з побожности нашое жичачи, щобъ обытель тая ст҃ая в направленю брала поправу,

---

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/627.

2) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/628.

позволяемъ имъ на завше, коли колвекъ потреба будетъ, в верхъ Десни в волныххъ еднакъ пущахъ (частокротне при уставичныхъ забавахъ нашыхъ и насъ о томъ не турбуючи) дерева якого хотя выготовляти, и на низъ до своего монастиря спускати. Зачымъ пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, жебы нихто имъ в выпущеню и в спроваженю дерева з волныхъ пущъ не чынилъ найменшого затрудненя и перешкоды. Писанъ в Батуринѣ, мая 14 1673 года.

Звышъ менованный гетманъ рука власна (М. П.).

№ 8.

Универсалъ г-на Самойловича 29 марта 1680 года[1]).

Іоанъ Самойловичъ гетманъ з войскомъ Его Ц. Пресв. В-ва Зап-зкимъ.

Паномъ полковникомъ Чернѣговскому и Нѣжинскому ознаймуемъ, ижъ превелебный в Богу господинъ отецъ Еремѣя Ширкевичъ, ігуменъ манастыра Максаковского, просилъ насъ о охорону двохъ селъ своихъ, Максаковъ и Ховмовъ, жебы оные отъ шарварковъ, около поправы городовъ дѣючыхся, волны были, а чинили свое послушенство около укрѣпленя манастыра Максаковского и около справованя иншихъ потребъ манастырскихъ. Иншие зась села, у владѣнiѣ его, отца ігумена, будучие, могутъ, где власне належитъ, подлугъ сили своее помагати укрѣпляти городы, подлугъ общое всего народу ухвалы. А такъ тые двѣ селѣ, Максаки и Ховмы, уволняемъ мы от тыхъ шарварковъ общихъ и рейментарскою звѣрхностю нашею заховуемъ цале на отдаванѣе послушенства пречоному отцу ігуменови и всей его братіи, где о раз жадаемъ, абы и панове полковники Чернѣговский и Нѣжинский и вся полковая и городовая старшина, до той волѣ нашой стосуючися, тыхъ селъ двохъ до жадныхъ общихъ работъ не потягали, иначей не чинячи. Данъ в Батуринѣ, марта 29 року 1680.

Звишъменованный гетманъ рука власна. (М. П.)

№ 9.

Универсалъ г-на Мазепы 13 ноября 1688 года[2]).

Іоанъ Мазепа гетманъ з войскомъ ихъ Ц-го Пр. В.-ва Зап-зкимъ.

Паномъ сотникомъ Борзенскому и Шаповаловскому, атаманомъ и войтомъ тамошнимъ ознаймуемъ, ижъ прекладалъ перед насъ супплику превелебный в Бг҃у гп҃динъ отецъ Германъ Кердановский, ігуменъ мн҃тра

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/631.
2) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/634.

Максаковского, на васъ в тотъ способъ скаржачися, же вы, не знати одколь взявши смѣлость тую непотребную, ездячи в села ихъ, важитеся судити ихъ людей и здирства хочъ за малую якую справу з людей чинити; такъ же передъ шлюбами куници брати и мужиковъ в козаки вписовати, на що вамъ ни од кого жадного позволеня не было. Зачимъ, ежели такъ есть, приказуемъ пилно симъ нш҃ымъ унѣверсаломъ, абысте перестали болшей тихъ пересудовъ, нехай оные люде судятся передъ тимъ, передъ кимъ имъ належитъ, такъ же и куницу передъ шлюбную до свого мп҃стра нехай отдаютъ. Козаковъ зась болше не вписовати, и тые теперъ вписанные нехай робятъ мп҃треви свою повинность, кгдыжъ безъ указу нш҃ого не доводится вамъ уписовати никого в реестръ козацкий; о що и повторе вамъ приказавши, абы иначей не было, жебы до насъ скарга о томъ болшей не доходила. З Батурина, ноеврія 13 року 1688.

Звишменованний гетманъ рукою власною. (М. П).

№ 10.

Универсалъ г-на Мазепы 8 іюля 1689 года[1]).

Ихъ Ц. Пресв. В-ва войска З-зкого обоихъ сторонъ Днепра гетманъ Іванъ Мазепа.

Панамъ сотникамъ Шаповаловскому и Борзенскому и всей тамошной городовой старшинѣ ознаймуемъ. Ижъ, будучи в насъ теперъ превелебный в Бг҃у гп҃днъ отецъ Өеодосий Кгукгуревичъ, ігуменъ мп҃тра Максаковского, просилъ насъ о уволнене трохъ сѣлъ, Высокого, Ховмовъ и Сидоровки, от шарварку нн҃ешного для помочи в кошеню сѣна и в зжиканю збожа монастирского. Теды мы, склонившися на прозбу его, отца ігумена Максаковского, жадаемъ и приказуемъ вамъ черезъ сей листъ нашъ, абысте на тотъ шарварокъ гreблѣ тутейшой Батуринской не займали в тихъ поменепыхъ трохъ селахъ подданихъ монастирскихъ и двигати ихъ не важилися, якоби було кому що треба до мп҃тра на початку его ігуменского господарства упорати. А з иншихъ сѣлъ ихъ же мп҃трскихъ якъ тяглихъ, такъ и козаковъ ведлугъ давного звичаю виправоважати на тую гребелную роботу масте безпечне. Що предложивши, Гд҃у Бг҃у васъ поручаемъ. З Батурина, 8 іюля 1689 року.

Звишъ менованний гетманъ рукою власною. (М. П.)

---

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/635.

№ 11.

Универсалъ г-на Скоропадскаго 7 февраля 1718 года[1]).

Его Ц. Пресв. В-ва войскъ З-жскихъ гетманъ Іоаннъ Скоропадскій.

Пну полковниковѣ Нѣжинскому, старшинѣ его полковой, особливе п. сотниковѣ Шаповаловскому, тутъ же дозорци, покуховнимъ зборомъ завѣдуючому, симъ пшимъ ознаймуемъ унѣверсаломъ: ижъ, яко прежде сего виданъ былъ листовний ншъ указъ, уволняючій село Високое обители Максаковской од видачи покуховной належитости, такъ поневажъ просилъ насъ отецъ ігуменъ тамошній з братиею, жебы тотъ ншъ листъ чрезъ унѣверсалъ ншъ для далшой крѣпости подтверженъ, того ради опредѣлилисмо чрезъ сей ншъ унѣверсалъ таковое позволене, жебы имъ на обытель для вспоможеня тую покуховную свободно одбирати повинность, якой уже не мѣютъ дозорци, покуховнимъ зборомъ завѣдуючіе, з того села мнстирского домагатися, мѣти хочемъ и приказуемъ. А же помянутій отецъ ігуменъ предложилъ свое намъ прошеніе и о показанщинѣ, жебы того жъ села з трохъ члвковъ подданихъ мнстирскихъ, робячихъ горѣлку, позволилисмо на обытель взимати, теды, если такъ есть, же тіе люди суть подданіе мнстирскіе, и толко три члвка роблятъ горѣлку, позволяемъ з онихъ належную показанную повинность на мнтирскіе потребы стягати, в чомъ абы нѣхто законникамъ тамошнимъ не чинилъ препятія, и повторе рейментарско упоминаемъ. Данъ в Глуховѣ, февруарія 7 року 1718.

Звышъ менованный гетманъ рукою власною. (М. П.)

№ 12.

Универсалъ г. Апостола 28 авг. 1729 г. кушнирскому цеху г. Нѣжина[2]).

Его І. В-ва войска З-жского обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Даніилъ Апостолъ.

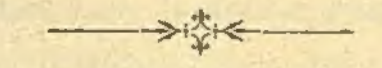
Всѣмъ, кому бы колвекъ вѣдати надлежало, а особливе пну полковниковѣ Нѣжинскому, пп. старшинѣ полковой, такожъ п. войтовѣ майстрату тамошнего з урядникамы, ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: ижъ Нѣжинскіе жители, козаки и посполитіе люде, цѣху кушнѣрского ремесники, Самойло Прокопіевъ цехмистеръ з братіею, суплѣковали до насъ, что имѣютъ оны такое цеховое у себе постановлене, же без вѣдома цехмистрового и всей братіи всякъ з нихъ у купцовъ для виробленя бѣлки и протчего звѣру брать

1) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, документы монастырей, № 1616/642.
2) Московскій Румянцевскій Музей, рукописное отдѣленіе, Архивъ Лукашевича, № 2944.

не повиненъ, але когда привезетъ купецъ в Нѣжинъ бѣлку, то б оную бралъ дѣлать цехмистеръ и роздавалъ вироблять роздѣломъ всякому, ис чего б всякъ себѣ заробляль для препитанія себе и для отбуваня всякихъ гражданскихъ повинностей, которое ихъ постановлене полковая и майстратовая Нѣжинскіе старшина ухваливши, же з оного постановленя якъ купечеству, такъ и всѣмъ того ихъ ремесла людемъ можетъ быть с ползою, ствердили оное писмами з подписомъ своихъ рукъ, толко нѣкоторіе понаездившіе в недавнихъ годахъ з розпихъ націй баришники, якіе жаднихъ своихъ в Нѣжинѣ не імѣють осѣдлостей и нѣякихъ градскихъ не отбуваютъ повинностей и нѣ в чомъ городу Нѣжину, а паче и в сустентаціи консистентовъ нѣякой гражданамъ не чинятъ помощи, тому ихъ цеховому постановленю не согласуючи и согласившись з іхъ же нѣкоторими ремесниками, якіе ремесники на томъ же ихъ постановленю подписались, захватують брать у купцовъ дѣлать бѣлку без вѣдома цехмистра и цеховой братіи, запобѣгаючи, скоро толко купецъ в Нѣжинъ з оною прибудетъ, и тими пожитками самы користуютъся. Нѣкоторіе же ихъ ремесники з козацства, ухиляючись от войсковой службы и другихъ козацкихъ и градскихъ повинностей, оставили доми свои и ради болшого прибытку своего для дѣланя бѣлки до баришниковъ попереходили, от чего всему цеху кравецкому не малое дѣлаетъся раззореные, ибо з такихъ ихъ ремесниковъ, которіе з баришникамы согласують, толко пять человѣка подпомагаютъся, а имъ, всему цеху, з того дѣлается обыда, да за такими ж самоволцами и купечеству можетъ быть не с ползою, в томъ, что когда хто з такихъ самоволнихъ ремесниковъ зопсуеть купцевѣ бѣлку, а чимъ платить, не мѣеть, то принужденъ купецъ разоритись вовся, когда же по цеховомъ постановленю такая бѣлка будетъ дѣлатись, и оную и зопсовано б, то подписавшіеся на томъ вся цеховая братія платить повинны. А при той своей супплѣци означенніе ремесники цеху кушнѣрского презентовали намъ и писма отвористіе, одно з полкового Нѣжинского правленія за руками полковой старшины между полковничествомъ прошлого 1727 году августа 19 дня, другое з майстрату тамошнего того жъ 1727 году септеврія 15 дня, по соизволенію всего ихъ цеху виданные, з подтвержденіемъ высшеозначенного ихъ постановленя за поруками ихъ же самихъ атаманнѣ за братію, а братіи за атаманню, в ономъ майстратѣ Нѣжинскомъ взятими, противъ чего просили и нашой унѣверсалной конфірмаціи. Мы прето гетманъ, яко высше выраженное помянутихъ кушнѣрского цѣху ремесниковъ постановленіе и потвержателніе з правленія полкового и з майстрату Нѣжинскихъ писма симъ унѣверсаломъ нашимъ конфірмуемъ, такъ, дабы бѣлка дѣлалась по тому цеховому постановленю, а баришники в томъ ихъ цеховомъ постановленю перешкоди имъ не чинили и в тое ихъ ремесницкое дѣло не мѣшались и ремесниковъ ихъ у себе для робленя бѣлки не держали, если ж бы мимо

цеховое постановлене хто мѣлъ бѣлку у купцовъ тайнимъ образомъ для вироблення брать, такій мѣетъ подлежати немалому штрафу и цеховому наказанію, упоминаемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ в Глуховѣ, августа 28 дня року 1729.

Звишменованний гетманъ рукой власною. (М. П.)

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ примѣч. 1 на стр. 18: документы монастырей, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, въ настоящее время уже переданы изъ Черниговской Казенной Палаты въ библіотеку кіевскаго университета.

Къ примѣч. 1 на стр. 67: со времени написанія этихъ строкъ изданы еще два генеральныхъ слѣдствія о маетностяхъ, Переяславскаго полка (Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. 8 и отдѣльно, Харьковъ, 1896) и Прилуцкаго полка (Чтенія въ Обществѣ лѣтописца Нестора, кн. XI, Кіевъ, 1896).

